

ПЕРСТЕНЕК-

ДВЕНАДЦАТЬ

СТАВЕШКОВ

Избранные русские сказки
Карелии

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО КАРЕЛЬСКОЙ АССР
ПЕТРОЗАВОДСК
1958

Печатается по постановлению Редакционно-издательского
совета Карельского филиала Академии наук СССР

Популярная серия

Составление, вступительная статья
и комментарий К. Чистова

Научная редакция Н. Полищук

ПРЕДИСЛОВИЕ

Волшебный перстень — двенадцать ставешков¹... Герой сказки оденет перстень на палец, повернет его — и вырастет дворец, вырыты каналы, бегут пароходы, повернет еще раз — вырублен лес, перепахана нива, посеяна пшеница, снят урожай, смолота мука и уже готовы вкусные свадебные пироги! Читаешь сказки — и чудится, что волшебным перстеньком владеет не Иван — всегдашний герой сказки, а сами сказочники, изобретательно и умело пользующиеся фантастикой для того, чтобы наградить доброго и наказать злого, помочь мужику против барина, попа или царя, солдату-мужику против генерала-барина, даже против самой смерти. Откроешь страницу, и совершится чудо — целое царство затягивается болотом, и прекрасная царевна уже прыгает скакухой по кочкам; откроешь другую — коршун, благодарный доброму герою за то, что он пощадил его, взмывает в небеса в погоне за уткой — а в той утке яйцо, которое во что бы то ни стало нужно добыть; откроешь третью — и золотой мужичок помогает герою преодолеть невероятные препятствия.

Интересы и вкусы нашего читателя широки — он читает романы о современности и исторические романы, читает поэмы и стихи, повести и эпиграммы, читает «Тихий Дон» и «Слово о полку Игореве», драмы Корнейчука и Аристофана, романы Бальзака и «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина; он хочет знать как можно больше о настоящем и прошлом своей страны и других народов, населяющих нашу планету. Среди всего этого многообразия жанров, тем, эпох находит свое место и народная сказка, возникшая как особый вид художественного творчества в глубочайшей древности и сопровождавшая все дальнейшее развитие человечества на всех его стадиях.

¹ Вставных драгоценных камней.

Заклученный в Петропавловскую крепость Н. Г. Чернышевский в 1863—1864 гг. писал: «...под именем «сказки» многие привыкли понимать только «сказку» для детей и притом непременно «волшебную сказку»... Есть сказки не для детей. Их сборниками больше, чем самим Данте, славилась итальянская литература эпохи Возрождения. Их очаровательное влияние господствует над поэзией Шекспира; все светлое в ней развилось под этим влиянием». И далее, перечисляя сказки различных народов и повторяя, что основная их масса исполнена серьезного и глубокого содержания, доступного только взрослым, Чернышевский восклицал: «Я знаю произведения поэзии не менее прекрасные, более прекрасного — не знаю»¹.

О большом влиянии народной сказки на формирование их мировоззрения и художественного таланта писали многие крупные русские писатели — Радищев, Пушкин, Гоголь, Аксаков, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Островский, Короленко, Пришвин, Бажов, Твардовский и др.

А. М. Горький писал: «В сказках люди летали по воздуху на «ковре-самолете», ходили в «сапогах-сорокоодах», воскрешали убитых, спряскивая их мертвой и живой водой, в одну ночь строили дворцы и вообще сказки открывали передо мною просвет в другую жизнь, где существовала и, мечтая о лучшей жизни, действовала какая-то свободная бесстрашная сила. И само собою разумеется, устная поэзия трудового народа той поры, когда поэт и рабочий совмещались в одном лице, эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, очень помогла мне ознакомиться с обаятельной красотой и богатством нашего языка»².

Сказка — один из своеобразных видов художественного творчества, созданных поэтическим воображением человечества. Совершенно напрасно стали бы мы искать в сказках отражение современной нам действительности. Она отражена в них (даже в записях самых последних лет) так же мало, как, например, в последнем переиздании сказок Пушкина или «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Народные сказки — прежде всего одна из ценнейших частей художественного наследия прошлого, дошедшая до нас устным и отчасти письменным, книжным путем (сказки стали записываться и издаваться у нас около 200 лет назад) и всеми нитями связанная с этим прошлым. Основная особенность сказки — выражение идей и представлений в предельно обобщенной и, вместе с тем, фантастической форме.

Для того, чтобы понять сказку, нужно прежде всего отделить ее в своем сознании от мифа, религиозного предания или легенды, в которых фантастика и фантастические образы являются объектом веры или суеверия. Создатели сказок не верили в реальное существование Кощеев бессмертных, Бабы-яги, «золотого мужика», Сивки-бурки или «свята-Наума». Сказка с древнейших времен была художественным рассказом, использующим фантастику, вымысел в качестве основного средства поэтического обобщения. Именно поэтому мифы и религиозные легенды возникли и забывались в определенные периоды развития человечества,

¹ Н. Г. Чернышевский. Повести в повести. Собр. соч. Т. XII, ГИХЛ, М., 1949, стр. 130.

² М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 174.

а сказка продолжала жить и развиваться, а позднее сохраняться как ценное художественное наследие.

Основные идеи сказок гуманны и благородны в самом высоком смысле этого слова. Разумеется, они не оставались неизменными на протяжении многих веков существования сказки — они изменялись вместе с изменением народного мировоззрения, народных идеалов и представлений о правде и справедливости. Это не значит, вместе с тем, что каждое поколение заново придумывало сюжеты сказок; разумеется, возникали и новые сказки, но вместе с тем многие сюжеты оставались традиционными на протяжении многих веков — изменялось их понимание, возникали новые детали, образы, эпизоды и забывались старые и т. д.

Подобная устойчивость сказочных сюжетов, особенно сюжетов волшебных сказок, объясняется их значительной идейной емкостью. Именно это и имел в виду Ф. Энгельс, когда писал о немецких народных книгах — сборниках немецких народных сказок, повестей и легенд: «Они неисчерпаемы: каждая эпоха может, не изменяя их существа, присвоить их себе»¹.

Фантастика, вымысел используются в сказке с самыми различными целями. Фантастический образ страшного, многоглавого змея подчеркивает доблесть героя его победившего. Чудесный меч-кладенец способствует успеху сказочного персонажа, который этого заслуживает. Чудесные помощники — звери, золотой мужичок, сват Наум и др. — вознаграждают Ивана своей помощью за его добрые качества. Мужик становится царем (и это тоже было не менее чудесно!), и, став царем, он уже никого над собой не знает, ему можно после этого «жить-поживать и добра наживать». В начале сказки добрый герой (младший брат, падчерица и т. д.) часто несправедливо обижен, и волшебные силы помогают правде восторжествовать.

Вместе с тем выдумка, вымысел волшебной сказки подчас приобретает совершенно иное значение. А. М. Горький писал: «В сказках прежде всего поучительна «выдумка» — изумительная способность заглядывать далеко вперед факта. О «коврах-самолетах» фантазия сказочников знала за десятки веков до изобретения аэроплана, о чудесных скоростях передвижения в пространстве предвещала задолго до паровоза, до газо- и электромотора»².

Значительная часть сказок утверждает правду и справедливость, как социальную справедливость. Исследователями давно отмечено, что именно эти, так называемые бытовые сказки, пользовались наибольшей популярностью. Темы этих сказок — столкновение мужика с царем, барином попом, солдата с генералом, царем и т. д. В этом, казалось бы, неравном состязании победителем неизменно выходит мужик (солдат) — в этом и заключалась сказочность, необычайность такого рода сюжетов. Вместе с тем они были плодом неистребимой веры народа в конечное торжество справедливости, в возможность установления человеческих отношений на началах правды и добра.

¹ Ф. Энгельс. Немецкие народные книги. Цит. по кн. «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве». Изд-во «Искусство». М., 1957. Т. II, стр. 563.

² М. Горький. О литературе. М., 1955, стр. 641.

Наряду со сказками волшебными, героическими, социально-бытовыми в народе всегда жили и сказки сатирические, юмористические, приключенческие, анекдотические, цель которых обличить смехом или просто развлечь, блеснуть выдумкой, острым метким словом.

* * *

Русские сказки Карелии стали записываться сравнительно давно¹. Одним из первых собирателей сказок в Карелии был петрашевец А. П. Баласогло, посланный в Карелию в 1849 г. Однако подавляющая часть записей А. П. Баласогло, к сожалению, не дошла до нас. В последующие десятилетия XIX века собиратели народного творчества, увлеченные открытием живого бытования былии, сравнительно мало интересовались сказкой. Правда, в периодической печати и в приложениях к сборникам, составленным из произведений других жанров — былии, причитаний, песен — мелькали время от времени отдельные записи, но специальный сборник сказок Олонецкой губернии возник лишь незадолго до революции.

Популярности былии и их исполнителей обязана русская сказка Карелии и своим первым проникновением в русскую художественную литературу. В 1879 г. Л. Н. Толстой познакомился в Москве с одним из крупнейших знатоков былии, заонежским крестьянином Василием Петровичем Щеголенком и тогда же пригласил его к себе в Ясную Поляну. Кроме былии, Л. Н. Толстой услышал от В. П. Щеголенка замечательные бытовые рассказы и легендарные сказки. Более двадцати из них он записал и использовал в дальнейшем в известном цикле «Народных рассказов» («Чем люди живы», «Три старца», «Два старика» и др.).

В 1884 г. Карелию посетил выдающийся русский филолог акад. А. А. Шахматов, изучавший русские диалекты Карелии и записавший образцы народно-поэтических произведений различных жанров, среди которых было несколько десятков сказок. Записи А. А. Шахматова так же, как и записи известного русского писателя М. М. Пришвина, побывавшего в Карелии в 1906 г., вошли позже в сборник «Северные сказки», составленный Н. Е. Оичуковым и изданный Русским Географическим Обществом в 1908 г.

Результатом поездки М. М. Пришвина были, как известно, не только записи сказок, переданные им Н. Е. Оичукову. В книге «В краю непуганых птиц» писатель создал удивительные по своей поэтичности и правдивости картины предреволюционной Карелии. Вместе с тем книга М. М. Пришвина — целый этап в изучении русской сказки Карелии. Сказочник Мануйла, его сказки и его слушатели обрисованы писателем с проникновенным пониманием крестьянской жизни и крестьянского творчества той поры. Очерк М. М. Пришвина о Мануйле, запечатлевший человеческие черты одного из подлинных мастеров русской сказки, должен быть поставлен в один ряд с «Певцами» Тургенева, очерком М. Горького о Федосовой и его же рассказом «Как сложили песню».

¹ Об истории собирания сказок в Карелии см. М. К. Азадовский. О русской сказочной традиции в Карелии в кн. «Русские сказки в Карелии» (старые записи). Подготовка текстов, статья и комментарии М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947, стр. 5—24.

Таким образом, русская сказка Карелии стала известна читателю благодаря Л. Н. Толстому и М. М. Пришвину, которые явились, условно говоря, теми «каналами», через которые ее поэтические богатства стали вливаться в золотой фонд русской культуры.

По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, сборник «Северные сказки» привлек внимание В. И. Ленина. Известно, что в марте 1918 г. В. И. Ленин просмотрел несколько сборников русских сказок, былии и песен, доставленных по его просьбе из собрания Д. Бедного. Среди них был и сборник «Северные сказки», составленный из записей, произведенных в Олонечкой и Архангельской губерниях. На следующий день В. И. Ленин встретился с В. Д. Бонч-Бруевичем и между ними состоялась беседа, которая передается автором воспоминаний следующим образом: «Какой интересный материал,— сказал Владимир Ильич, когда я наутро вошел к нему.— Я бегло просмотрел все эти книжки, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных. Смотрите,— добавил он,— вот здесь, в сказках Н. Е. Ончукова, которые я перелистал,— и он стал вновь просматривать эту книгу,— ведь здесь есть замечательные места. Вот на что нужно было бы обратить внимание наших историков литературы. Это подлинно народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»¹.

Особенно много сказок записывалось и публиковалось в Карелии в советское время. Уже в 1919 г. учитель П. П. Коренной издал небольшой сборник сказок своей матери П. Н. Коренной («Заонежские сказки». Петрозаводск, 1918). В 1926—1929 гг. в Заонежье записывала сказки известная собирательница и составительница сборников сказок для детей И. В. Карнаухова («Сказки и предания Северного края». М.—Л., 1934). В 30-е годы были изданы сборники «Песни и сказки на Онежском заводе» (Петрозаводск, 1937), два тома «Сказок Карельского Беломорья», записанных от М. М. Коргуева, и сборник «Сказки Ф. П. Господарева»². В последующие годы готовились, к сожалению до сих пор не опубликованные, сборники поморских (И. М. Колеснишкая и М. А. Шнейрсон) и пудожских (А. В. Белованова) сказок. Остаются неопубликованными и богатейшие записи сказок, произведенные еще в 1926 г. А. И. Никифоровым. Собираение русских сказок Карелии продолжается и в настоящее время³. В советской литературе традиция творческого использования русских сказок Карелии нашла свое продолжение в творчестве М. М. Пришвина (см. его роман «Осударева дорога») и А. Н. Толстого (см. использование записей русских сказок Карелии в сб. «Русские народные сказки», составленном писателем).

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве в журн. «Сов. этнография». 1954, № 4.

² См. список сборников русских сказок Карелии, стр. 262.

³ Сведения об изданиях сказок Карелии и исследований о них собраны в «Библиографическом указателе по традиционному фольклору КАССР за советское время (1917—июнь 1954 г.)» А. В. Беловановой и В. И. Кийранен (Труды Карельского филиала Акад. наук СССР. Вып. VIII, 1957 г.)

Знакомство с перечисленными сборниками и с записями сказок, хранящимися в архиве, показывает, что русская сказка составляет замечательную часть народно-поэтического наследия Карелии. Совершенно очевидно, что еще до недавнего времени (и, в известной мере, еще и сейчас) русские сказки жили в Карелии весьма интенсивной жизнью.

По общему мнению всех писавших о жизни крестьян русского Севера XIX — начала XX вв. большую роль в развитии народного поэтического творчества играли артельные формы труда. Жизнь в рыболовецких артелях, совместная охота, артельный уход на заработки плотников, стекольщиков, каменщиков, лесорубов способствовали развитию сказительства. Напомним одну из выразительных страниц книги М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц» — заключительные строки из главы «Ловцы». Рассказывая о труде лесорубов, М. М. Пришвин пишет: «Мужчины же рубят, ищут и поют лес всю зиму. Живут они в таких же точно лесных избушках, «фатерках», в которых живут полесники, косцы, скрытники, пустышники — вообще все, кому временно приходится жить в лесу. Зимой на севере день короткий: поработали, померзли — и в избушку отогреться. Потом улягутся рядом и ждут, когда сам собой придет сон. Что делать в избушке в такие длинные вечера? Кажется, помереть бы от скуки. Но тут выручает сказочник Мануйло. При свете лучины он в этой лесной избушке рассказывает всем этим дремлющим на полу людям про какого-то царя, с которым народ живет так просто, будто бы это и не царь, а лишь счастливый, имеющий власть мужик. Этому царю мужики носят рябчиков, загадывают ему загадки, а царь ловко отгадывает, дает советы...

Все молча слушают сказки про царя, иногда смеются — и засыпают.

А Мануйло все рассказывает и рассказывает, пока не убедится, что все до одного человека спят. Для этого он окликает время от времени:

— Спите, крешеные?

И если хоть один откликнется, он поправит лучину и продолжает свою сказку про мужичьего царя¹.

Карелия, известная выдающимися творцами и исполнителями былин, дала в то же время и замечательных мастеров сказки. К сожалению, имена дореволюционных мастеров русской сказки Карелии остались в большинстве своем неизвестными. Герой книги М. М. Пришвина выгозерский сказочник Мануйло Петров, Степанида Юпилинова Тараева из д. Верхне-Задней около Кондопоги, от которой записал сказки А. А. Шахматов, и еще два-три менее значительных имени из сборника Н. Е. Опчукова — вот, пожалуй, и все примечательные имена сказочников, которые восстанавливаются по записям второй половины XIX — начала XX вв. Объясняется это прежде всего слабой изученностью русской сказки Карелии в дореволюционное время.

В советское время происходит «открытие» целой плеяды выдающихся мастеров сказки, сложившихся еще в предоктябрьское время. Среди них прежде всего должны быть названы Матвей Михайлович Коргуев (1883—1943 гг.) и Филипп Павлович Господарев (1865—1938 гг.) — сказочники, богатство репертуара которых ставит их

¹ М. М. Пришвин. Собр. соч. Т. II., ГИХЛ, 1956, стр. 76.

в ряд крупнейших мастеров мировой сказки. Каждый из них знал более ста сказок и рассказывал их с неповторимым мастерством. М. М. Коргуев и Ф. П. Господарев — сказочники одного поколения, однако, трудно найти двух менее похожих друг на друга мастеров сказки.

М. М. Коргуев — помор. Сказки его отличаются замечательной простотой изложения, сочетающейся с умением построить сложный, многосоставный сюжет. Он — прежде всего выдающийся мастер волшебной сказки. Герои сказок Коргуева, как правило, люди, живущие на море и связанные с морем. Соленый морской ветер как бы обвеивает все фантастические события, о которых повествует сказочник.

Ф. П. Господарев — по происхождению белорусский крестьянин, сосланный в Карелию за участие в крестьянском восстании 1903 г. в Могилевской губернии. В его репертуаре переплетается традиция белорусской и севернорусской сказки. Вместе с тем, сказки Ф. П. Господарева отличает активность переосмысления унаследованного материала. Особенно характерна социальная насыщенность его сказок, острая ненависть к барину, пону, ко всем угнетателям трудового народа. Вместе с тем Ф. П. Господарев — крупнейший русский сказочник-рабочий (после ссылки в Карелию он работал на различных предприятиях, в том числе и на Онежском заводе).

Следует назвать и других мастеров русской сказки Карелии советского времени — замечательную заонежскую исполнительницу детских сказок П. Н. Коренную, заонежского сказочника П. Я. Белкова, крупнейшего из ныне живущих сказочников Карелии пудожанина Ф. Ф. Кабренова, его земляков Н. А. Ремезова и И. П. Савинкову, крупного мастера поморских сказок Ф. И. Свинына и др.

«Открытие» целой плеяды сказочников в советское время не случайно — мастера народного творчества окружены в наше время общественным вниманием и заботой. Советские люди благодарны им за сохранение замечательного наследия, за их память и талант, отданные народу.

* * *

Несомненно, что читатель встретит в нашем сборнике тексты, которые напомнят ему сказки из других сборников. В этом нет ничего удивительного — русская сказка, бытующая в различных районах России, имеет очень много общего; в этом смысле русская сказка Карелии органически связана с общерусским национальным репертуаром. Особенно много общего имеют сказки, включенные в сборник, с записями из соседних севернорусских областей — Архангельской, Мурманской, Вологодской и др.

Можно говорить об общности известной части репертуара карельской и русской сказки Карелии. Близкие природные условия, одинаковые исторические судьбы, постоянное общение способствовали выработке особого севернорусского типа сказки, охватывающего все области русского Севера.

Вместе с тем мы уверены, что читатель, знающий и любящий русскую сказку, сумеет уловить и черты, характерные для русской сказки Карелии. Это своеобразие может не почувствоваться в каждом тексте, прочитанном отдельно, но оно возникнет при внимательном ознакомлении со всеми текстами сборника.

Большинство текстов сборника дает своеобразное изложение даже наиболее известных сюжетов, вносит в их разработку свои идеи,

эпизоды, образы, отдельные черты и детали. Необыкновенные приключения героев происходят на отчетливо ошутимом фоне нищей, голодной, разоряющейся предреволюционной олонечкой деревни. В сказке, открывающей сборник, — «Иван-дурак и перстенок — двенадцать ставешков» герой отправляется в путь потому, что его матери, ходящей по миру и собирающей куски, не стали больше давать подающие. В сказке «Старик и соковицы» читаем: «Жил старик беднехонько. Все они со старухой приели, корочки сглодали». Сказка «Про Улиту да Микиту» начинается не менее безрадостно: «Жили двое — Улита да Микита. Жили они хорошо: поужинать хлеб есть, а позавтракать и к обеду нету. Подряд два дня иногда не ели». В сказках «Цыган, поп и мужик», «Про попа», «Про Нестера» герой отправляется в город на заработки, потому что дома совершенно нечем кормиться.

Таким образом, сказка — своеобразный, но чрезвычайно выразительный устный документ, донесший до нас тяжелые думы старого олонечского крестьянства о жизни в царской России в десятилетия, предшествовавшие революции.

Нищета и скудость урожаев были той почвой, на которой родились своеобразные мечты карельского крестьянства, выраженные в поэтических образах старой сказки. В «Золотом мужичке» на каменистом поле героя сказки, бедного крестьянина, родится невиданный хлеб, у которого «колосья золотые, а солома серебряная».

Своеобразна и природа «тридевятого царства», в котором развивается действие сказок. Лес, озера, море, острова, о которых идет речь в каждой сказке, ясно говорят о том, что сказочники Карелии создавали в своем воображении это «тридевятое царство» по образу и подобию края, в котором они сами родились и жили. Многие герои сказок охотятся («Иван-княженецкий сын», «Петр и солдат», «Заколдованное царство» и др.). Одна из сказок нашего сборника начинается так: «Охотник ходил охотиться и случилось ему заблудиться». Герой известной сказки Коргуева Андрей-стрелец, т. е. стрелок, охотник. Его жизнь изображается так, что, кажется, речь идет о ком-то из поморов, сложивших сказку. (Поужинали, легли спать, завтра мужу рано вставать, жена всгала, согрела самоварчик, будит мужа. Их расставание по-поморски трогательно и сурово. Андрей отправляется на поиски на корабле. Он сам стоит у руля. Его путь лежит между островами и т. д.)

В сказке «Страх-богатырь» мать и сын блуждают по лесу. «Прожили они в лесу долго ли, коротко ли, пошли разыскивать дорогу. Идут они по лесу, и им попадается медведь. Сын спрашивает у матери:

— Мама, кто это идет?

— А это идет медведь — крестьянский разоритель, он много крестьянам вреда наносит.»

Потом они встречают оленя, потом разводят огонь в лесу. Мать учит сына добывать огонь из сухого дерева без спичек. Наконец, они попадают в лесную «фатерку» — охотничью избушку и в полном соответствии с неписанными законами северных охотников едят найденную ими пищу и при этом обязательно оставляют часть ее тем, кто подобно им набредет в лесу на «фатерку», выстроенную добрыми людьми. Одним словом, перед нами думы, жизнь и быт северных крестьян в своеобразном сказочном отражении.

Можно отметить и другие своеобразные черты русской сказки Карелии: ее социальную остроту (см. «Барин и собака», «Барин и плотник», «Цыган, поп и мужик», «Купеческий сын и соловей» и др.) и, вместе с тем, отсутствие образа барина-помещика, (т. к. Карелия в прошлом не знала частновладельческой формы крепостного права); царские иллюзии в сочетании с резко отрицательной оценкой царской власти. (См. в «Золотом мужичке» — «Цари были досюль (т. е. в старину) как попы шальные!»); суеверные представления в сочетании с оптимистическими сюжетами, в которых герой лихо преодолевает всякую чертовщину («Заморский гусь», «Сон вещий» и др.) и даже саму смерть («Солдат и смерть»).

Исследователи неоднократно отмечали, что для русской сказки Карелии особенно характерна эпичность, близость к былине, широкое развитие героических мотивов и вместе с тем относительное обилие «исторических воспоминаний» (см. сказки о Петре I в нашем сборнике); большее, чем в некоторых других областях, воздействие традиции старинной рукописной повести на устную сказку и некоторые другие моменты, на которых мы в кратком предисловии остановиться не можем.

* *
*

В настоящий сборник вошли избранные записи русских сказок, произведенные на территории Карелии за последнее столетие. Самая ранняя запись относится к 60-м годам XIX в., самая поздняя произведена в наши дни. За этот период собиратели записали много сотен вариантов сказок. Естественно, что известную часть этих записей представляют собой варианты сходных сюжетов, т. е. сюжетов сказок раза в два-три меньше, чем записей. И все же (если считать, что русскому населению Карелии известно большинство сюжетов русского сказочного репертуара) их не меньше 400—450. Следовательно, наш сборник охватывает не более десятой части известных сюжетов. В него включены прежде всего варианты, наиболее интересно и живо изложенные и, вместе с тем, заключающие в себе черты, характерные для севернорусской сказки, т. е. такие варианты, которые показали бы художественные достоинства и некоторые особенности русской сказки Карелии.

В связи с тем, что сборник не преследует специальных научных целей, отобранные нами варианты подвергались некоторой обработке, которая, по нашему мнению, должна облегчить чтение публикуемых текстов. При этом были устранены некоторые крайности местных диалектов и наиболее резкие отклонения от норм устной литературной речи. Никаких других изменений и привнесений составителем не производилось.

При чтении сборника необходимо учитывать, что сказки не создавались их творцами для записи и, тем более, для чтения из книги. Сказка — устный рассказ. В живом ее исполнении огромную роль играет интонация, жест, мимика. Одаренный сказочник не только мастер народной художественной прозы, он артист-исполнитель. При внимательном чтении сказок можно уловить некоторые особенности исполнительского мастерства сказочника. Именно поэтому мы всячески стремились сохранить в языке сказок особенности живой устной речи. В качестве образца драматургического разыгры-

вания текста в сборнике дается запись сказки «Старик и соковицы» с некоторыми пояснениями собирателя (И. В. Карнаухова), характеризующими жесты сказочника, которыми он сопровождал изложение сказки.

По установившейся традиции научные сборники сказок обычно открываются так называемыми сказками о животных, затем следуют волшебные, героические, исторические и приключенческие сказки и в заключение — сказки бытовые, сатирические, анекдотические и небылицы. Нам думается, что такое расположение текстов неприемлемо для популярного сборника. В интересах легкости чтения мы чередуем различные по своему характеру сказки, как это обычно делают и сами исполнители, стремящиеся избежать однообразия и повторения.

В сборнике даются наиболее удачные, на наш взгляд, образцы сказок на советские темы. Следует иметь в виду, что попытки подобного рода были немногочисленны, и до сих пор неизвестны факты устного бытования этих сказок. Вместе с тем они представляют бесспорный интерес, особенно еще и потому, что принадлежат выдающимся мастерам русской сказки — М. М. Коргуеву и Ф. П. Госнодареву.

В примечаниях к сборнику указывается, откуда извлечен тот или иной вариант, где, когда, кем и от кого он записан. Примерно половина текстов заимствована из ранее издававшихся научных и научно-популярных сборников, остальные — из фольклорного архива Карельского филиала Академии наук СССР (сборники А. В. Беловой, И. М. Колесницкой и М. А. Шнейерсон и записи разных лет).

Без присказки сказка,
Что без полозьев салазки:
С горы по льду
Нет им ходу,
А по гладкому пути
Нечего их и за собой везти.

Handwritten text along the left margin, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is partially obscured and difficult to decipher, but appears to contain several lines of characters.

ИВАН-ДУРАК И ПЕРСТЕНЕК — ДВЕНАДЦАТЬ СТАВЕШКОВ¹

Р

одной деревне жила старушка, и у нее был сын Иван. И всего житья было — коток да кобелек. Старуха-мать ходила по миру и собирала куски, кормила сына, ката и кобелька.

Долго ли, коротко ли это время шло (ведь скоро сказка сказывается да по своим успехам дело делается) — в один вечер приходит мать домой и говорит своему сыну:

— Вот что, сын, мне не стали кусков давать больше в деревне, все говорят, что у тебя есть сын и может тебя кормить.

А он был дурак и лентяй, лежит все на печке (ну, конечно, печки в прежнее время были рудные², большие!).

Тогда говорит сын:

— Ну, ладно, мама, ежели не принесла куска хлеба, пролежим до утра и так, ведь утро вечера мудренее.

Вот закусили немножко и легли спать. Поутру встал он ранешенько, умылся белешенько, богу помолился, в путь-дорогу снаряжился. Шел он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли; скоро сказка сказывается, по своим успехам дело справляется. Приходит в одну

¹ Двенадцать вставных драгоценных камней.

² Грязные, замазанные.

деревню, заходит к богатому человеку и просится у него поработать. Тот взял на работу и договорились с условием:

— Проработаешь ты честно у меня три года, я за это дам то, что ты пожелаешь!

Ну, чтобы короче сказать — три года быстро прошли. И потребовал он плату.

Хозяин приводит его к погребу и открывает погреб медных денег:

— Бери, Иван, сколько хочешь!

А Иван говорит:

— Не надо!

Тогда открывает серебра погреб:

— Ну, бери, Иван, серебра сколько желаешь!

А Иван все равно говорит:

— Не надо!

Тогда хозяин открывает третий погреб золота:

— Бери, Иван, сколько надо!

Все равно Иван говорит:

— Не надо!

А сам ходит по двору и присматривает. И видит — лежит куча песку и говорит хозяину:

— Вот что, хозяин, когда я пошел из дому, то взял мешочек для кусков; ежели не жалеешь этого песку, так насыпь мой мешочек!

А тот отвечает:

— Да что ты, Иван! За твою работу я не знаю, как тебя наградить, а тебе понадобился этот песок!

А Иван отвечает:

— Этот песок мне нужен. Ведь у меня дома у самого крыльца есть лужина, и постоянно в ней стоит вода. Я принесу этот песок, засыплю лужину, и будет сухо!

— Ну, коли так, так бери! Сказано, не пожалю; что тебе надо, то и бери!

Нагребли Ивану мешочек песку, распростился он с хозяином и пошел в обратный путь.

В дороге он истомился и захотелось ему отдохнуть. Свалился спать, мешочек положил под голову и спит себе преспокойно. Слышит — его толкает человек:

— Проснись, Иван, спаси наше царство, затуши этот пожар!

Иван проснулся и видит — все кругом горит. И говорит:

— Да чем же я могу затушить, ведь у меня нет ни воды, ничего!

А этот человек отвечает:

— Будь добр, туши скорее. Есть у тебя в мешке песок, не пожалей ты этого песку, обойди вокруг пожара, обсыпь его кругом и пожар потухнет!

Тогда Иван вскочил, взял песок и пошел вокруг пожара обсыпать. И видит сам — когда дошел огонь до того места, где обсыпано песком, — сразу же потух. Человек и говорит Ивану:

— Ну, Иван, давай пойдем к моему отцу. Отец отдаст все, что ты только пожелаешь!

Приходят они к отцу, и видит Иван, что это — царь подземельного царства.

— Ну, вот что, Иван, будет мой отец давать тебе золото и серебро, а ты не бери, проси перстенок с двенадцатью ставешками. Когда придешь домой, переодень перстенок с руки на руку и приказывай, все тебе будет исполнено!

Вот и приходят к отцу — царю подземельного царства. Царь с радостью принял Ивана и привел к погребу, к золоту и серебру.

— Бери, Иван, сколько тебе надо за то, что спас мое царство!

А Иван отвечает:

— Не надо мне ни золота, ни серебра, ежели можешь, то отдай мне перстенок с двенадцатью ставешками.

Царю и жалко было отдать перстенок, да делать нечего. Отдал перстенок с двенадцатью ставешками.

Приходит Иван домой и говорит своей матери:

— Дай, мама, поесть!

И говорит мать сыну:

— Только по два, но три куска в день стали подавать. Еще один кусочек остался. Вот тебе, на, скушай!

Съел Иван кусочек хлеба и пошел спать, а мать легла на печку. Вышел Иван на крыльцо, переодевает кольцо с руки на руку, и выскакивают двенадцать молодых, все как один, и говорят:

— Ну, что тебе надо, Иван? Все будет сделано!

А Иван и отвечает:

— Вот что, ребята, чтобы к утру, к свету был построен дом и была бы вся прислуга, чтобы нам с матерью было чего покушать!

И лег спать.

Встает поутру и видит: живет в таком доме, какого и в городе нет! Все Ивана обувают, одевают, а также и мать его. Сажают за стол, кормят, поят да и кланяются. Поел, попил Иван и говорит своей матери:

— Ну, мама, иди к царю сватать. У него одна дочь, надо мне ее замуж взять!

А мать и говорит:

— Да что ты, Ваня, не зря люди говорят, что ты дурак, и я теперь вижу, что совсем дурацкие слова говоришь! Ведь, если я к царю приду, царь сразу отрубит мне голову.

— Ладно, мама, раз посылаю — надо сходить!

Ну, надо послушать сына; пошла к царю. Долго стояла у ворот, не смела зайти, но, наконец, решилась. Заходит она в палаты и падает царю в ноги.

— Прости, государь, не вели казнить, вели слово держать!

Тогда царь и говорит:

— Говори, говори, бабушка, что тебе надо?

— Вот что, государь, есть у меня сын, и у вас есть дочь. Послал меня сын сватать дочку.

Царь знал старуху, что она нищая, знал ее сына, что он дурак:

— Да, бабушка, верно, твой сын совсем с ума сошел! Ну, коли хочет жениться на моей дочери, пусть построит такой же дворец, как у меня. Чтобы все сделано было к утру, к свету. От его дворца до моего дворца чтобы были вырыты каналы, чтобы ходили суда и пароходы, тогда только отдам свою дочь замуж!

Тут старуха царю поклонилась и в обратный путь снарядилась. Приходит она домой, а Иван и спрашивает:

— Ну, что царь говорит, мама?

Мать все передала, что сказал царь. А сын отвечает матери:

— Ладно, мама, поешь, попей да ложись спать, утро вечера мудренее.

Поутру мать встает и сама себя не узнает. Не то, что такой же, как у царя дворец, еще лучше стоит! И каналы прорыты, и суда и пароходы ходят! А Иван и говорит своей матери:

— Поди, мама, к царю, сватайся!

Ну, мать на этот раз не поперечилась¹, сразу пошла к царю.

Царь посмотрел в окно, увидел, что все сделано, и говорит:

— Ладно, бабушка, дам еще одну задачу моему сыну.

А сам показывает в окно пальцем:

— Видишь, бабушка, вот стоит бор. Пусть твой сын сделает так, чтобы этот лес был вырублен, сделана на том месте поляна, посеяна была бы пшеница, чтобы был снят урожай, смолота мука, и приготовлены пироги на свадьбу. И все бы было готово к утру, к свету!

Старуха царю поклонилась, обратно к своему сыну воротилась и рассказала все, что царь приказал:

Сын выслушал и говорит матери:

— Вот что, мама, поешь, попей да ложись спать, утро вечера мудренее.

Мать послала, попила, спать легла, а сын вышел на крыльцо, передел с руки на руку перстень. Выскакивают двенадцать молодцов и говорят:

— Что, Иван, тебе надо?

Иван все передал, что царь приказал, и лег спать. Видит поутру, что уже повара готовят пироги на свадьбу из этой же муки.

Приходит к матери и говорит:

— Ну, поди, сватайся!

Бабка к царю пришла, даже не поклонилась, подошла:

— Так что? Теперь отдашь ли за моего сына дочь? А то пироги-то застынут!

Ну, царь поглядел, делать нечего. Честным пирком да за свадебку. Долго ли, коротко ли пировали, конечно, я этого не знаю, а в одну ночь и спрашивает жена Ивана:

— Как ты, Иван, все это мог сделать?

А тот с простоты-то и открыл ей всю правду:

— Есть у меня перстень с двенадцатью ставешками — что задумаю, то будет сделано!

Жена была хитрая, хотелось ей идти замуж за принца за тридцать земель, в тридцатом царстве, в мышачьем государстве. Вот ночью, когда Иван спал, она отобрала у него этот перстень. Вышла на крыльцо, передела с руки на руку — выскакивают двенадцать молодцов:

— Что тебе, царевна, надо?

¹ Не стала отказываться.

А та отвечает:

— Сделайте так, чтобы не было ни дворца, ни прудов, ничего не было бы, и я была унесена в мышачье царство. А у этого Ивана была бы такая же халупа, в какой он жил раньше, все было бы к утру, к свету сделано.

Проснулся Иван поутру и видит — лежит на печке старуха-мать, а он на ошестке¹, бегают по избе коток да кобелек.

Просыпается и царь — где был дворец, уж ничего нет. Посылает он стражу, чтобы забрали Ивана. Когда Иван был представлен к царю, царь затопал на него ногами:

— Ах ты, дурак, решил мою дочь сватать и все сделал с обманом! Так вот, видишь ли, — показывает пальцем, — стоит столб, будешь до тех пор в столбе сидеть в этом, пока не найдется моя дочь!

Ну, конечно, Ваня не знал, что делать. Посадили его в столб.

Прошло так долго ли, коротко ли, спохватились дома коток и кобелек и побежали хозяина разыскивать. Узнали, что хозяин в столбе, прогрызли норку и стали носить пищу, чтобы хозяина подкрепить.

Когда Ваня окреп, рассказал все котку да кобелю, что случилось. Узнали коток да кобелек, распростелились с хозяином и побежали в мышачье царство.

Скоро сказка сказывается, но по своим успехам дело делается. Прибегают они прямо к царскому дворцу. Но ведь в двери-то не зайдешь, везде стража! Побежали вокруг дома и видят — окна полы². Тогда коток забрался по стенке и как раз попал в спальню к царевне, и как раз царевна в это время ушла мыться, сняла перстенок с двенадцатью ставешками и положила его на стол. Не долго думавши, схватил коток этот перстенок, спустился вниз на землю и отправился с кобелюком в обратный путь. Заблудились они, пришлось им переплывать море-океан. Когда поплыли через море — стал просить кобелек у кота перстенок:

— Дай мне перстенок, тяжело тебе будет нести и потпишь ты перстенок!

Но коток никак не согласился. Плыли они долго ли, коротко ли по морю, поднялась сильная буря, захлебнул-

¹ Передняя часть пода русской печки.

² Открыты.

ся водой коток и чихнул (а перстенок-то держал в зубах), и вылетел у него перстенок.

В это время плыла рыба-щука, поймала этот перстенок и проглотила. И как раз в этом озере ловил рыбак рыбу, и в невод попала эта щука. Когда вытащил рыбак на берег сети, и они сюда приплыли, коток и кобелек. Стали ласкаться к рыбаку. Принес рыбак щуку, распорол и выкинул кишки котку и кобельку, ведь он не знал, что находится у щуки в кишках! Тогда выбежали с радости на улицу коток и кобелек, разорвали кишку, достали перстенок.

На этот раз взял перстень кобелек, и не стал перечить ему коток.

Скоро они принесли перстенок хозяину в столб. Взял Ваня перстенок, обрадовался, не медля переложил с руки на руку. Выскочило двенадцать молодцов:

— Что, Иван, прикажешь делать?

— Мне надо было бы то, что было раньше — и дворец и пруды, и вся царская свита. А эта царевна, моя жена, чтобы была перенесена из мыначьего царства сюда и посажена в столб, где я сидел.

Долго ли, коротко ли все уже было сделано, что Иваном приказано.

Встает царь и видит, даже своим глазам не верит.

Запрягли ему карету, и едет он к Ивану во дворец, и говорит Ивану:

— Что это могло случиться. Ведь ты сидел в столбе?

А Иван и отвечает:

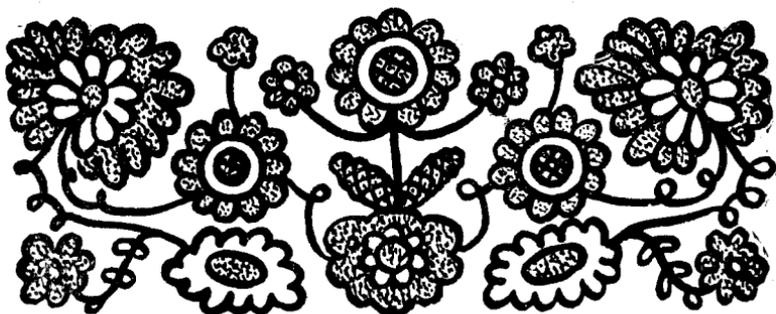
— Вот что, царь, не я сделал так, а подвела жена моя, твоя дочь. Что ты мне прикажешь с ней сделать? Она сидит в том столбе, где я сидел.

Царь отвечает:

— Коли ты мог все это сделать, я отдаю тебе полцарства, а по смерти и все царство получишь, и женись на ком хочешь, а моя дочь пусть томится в этом столбе до смерти.

Вот на этом и сказку кончим.

НУЖДА ДА ГОРЕ

Было два брата: Макар да Абрам. Они жили-пожили и решили делиться.

Брат говорит:

— Что нам грешиться, давай делиться.

— Фу,— говорит другой,— что мы станем делить, нужду да горе?

Нужда и говорит:

— Надо бы и нам разделиться — один пойдет к одному хозяину, другой к другому.

А горе и говорит нужде:

— Нет, нужда, пойдем вместе, вдвоем-то нам веселее будет жить — пойдем к Абраму.

И до того дожили у Абрама, что у него не стало ни есть, ни пить.

Собрал богатый брат гостебище. Бедного-то брата не зовет. А тот жене и говорит:

— Я все равно пойду!

Жена унимает:

— Балда ты, балда — у тебя ни обуви, у тебя ни одеть, а ведь там будут люди-то все богатые!

— Нет уж, пойду!

Пошел. Приходит к брату, с братом здоровается:

— Ой, братец, хоть я и неприглашенный гость, а все-таки пришел.

Брат и говорит:

— А неприглашенному-то гостю и места нет. Поди садись к бочке да пей холодную воду.

Бедный брат попросил бутылочку и чашечку, воды зачерпнул — наливает да выпивает.

Гости погостили, веселые стали, а бедняк с горя-обиды тоже песни поет.

Гости по домам стали разбираться — и Абрам домой. Идет и песенки поет:

— Да, из гостей домой иду, да иду, да иду.

Я вель тоже брат родной, да родной, да родной!..

А вслед бедняку кто-то идет да подпевает. Он и говорит:

— Ну, мои ребятишки меня искать пошли! Ванька, Акулька, вы чего меня искать пошли?

— Нет ни Ваньки, ни Акульки, а твоя нужда да горе за тобой идут!

— Ой, нужда, поди сюда, я хоть на тебя погляжу!

Нужда приходит, и горе плывет.

— Ой, нужда да горе, вы давно ли у меня живете? Расскажите вы мне!

— Живем мы у тебя после раздела.

— А как вам у меня было жить? Хорошо ли?

— Да, ничего, можно!

— А поживите вы еще. Дом у меня старый, худой, а я вам новый сострою, хороший!

Согласились нужда да горе ждать нового дома.

Бедняк сходил в лес, нашел толстую осину, да домой и привез, выдолбил большое корыто и положил туда нужду да горе:

— Хорошо ли вам спать?

— Хорошо! — говорят.

Мужик крышкой захлопнул:

— Живите, не деритесь.

Взял он гроб, на могилку снес, закопал да и крест поставил. Пришел мужик домой, стал разживаться, жить, как по воде плыть. Засеет, запашет — хлеб стеной стоит. На рыбную ловлю поедет — полная лодка рыбы попадет. В лес пойдет — ну, везде прибыль.

Другому брату стало завидно. Стал Макар к Абраму в гости ходить.

— Вот, брат, ты жить стал лучше меня — детей выучил. А у меня уж ниоткуда ничего не будет. Как ты разжился?

— Помнишь, у тебя в гостях был?

— Помню, помню!

— Ну, а холодную-то воду когда я пил, помнишь? Пошел я домой, а мне вслед горе да нужда песни поют. Стал я их звать, они подошли ко мне. Я взял осину, сделал новый домик да в новый домик их и положил. Сверху крышкочкой прикрыл да и сказал: «Лежите, не деритесь!» Похоронил и крест поставил!

— Покажи-ка, братец, где они похоронены, я хоть на могилу схожу погляжу!

— Погляди! Вон в том уголке. Нынче весной крест белой краской выкрашен.

На другой день Макар встал, взял лопату да и выкопал из могилы горе да нужду. Они худые, плохие, ноют, едва живы:

— Выкопал, так вынимай из дома!

— Нет, погодите, на место принесу, так распечатаю.

Распечатал Макар ящик в Абрамовом дворе. Вскочило горе Макару на шею, а нужда на плечи и говорят:

— Мы от тебя не отстанем, а к старому хозяину не пойдем.

Мужичок их уговаривал, страшал:

— Я вас топором засеку, я в дикий лес сведу — вы заблудитесь!

Горе и нужда говорят:

— Топором засечешь — иде наша голова, тут и твоя будет! В лесу будем блудить — и ты тоже.

Приходит Макар к жене и говорит:

— Пойду, жена, к морю горе-нужду топить. Может, водой смоет.

Приходит обратно.

— Ну что, потопил или нет?

Он и говорит:

— Нет, жена, не отстать мне от них. Я от горя бегу, а горе все за мной бредет, я от горя в глубокую воду — горе утушкой плывет. Нет, жена, не отбиться нам от них!

До того горе да нужда дожили у этого мужика, что

тот совсем обнищал и пошел на лето в пастухи, а на зиму и в батраки. Он и говорит жене:

— Ну, жена, не печалься! Мы с тобой жили-пожили, все прожили. Есть-пить нечего, а жить весело; у печи не жарься, все равно не печалься; во хлев не ходи, башмаки не марай, молока не хлебай!

Побежала по лавке мышка, а он и спрашивает:

— Кто там бежит по лавке-то?

Жена говорит:

— Мышка.

— А что она тащит?

— Тележку!

— А что у ней в тележке?

— Яичко!

— А что в яичке?

— Да белышок.

— А что в белышке?

— Желтышок.

— А что в желтышке?

— Капелька.

— А что в капельке?

— Зернышко!

— Где же оно?

— Да черви выточили!

— А где же черви?

— Гуси выклевали!

— Да где гуси?

— В лепестняк¹ улетели!

— Где же лепестняк?

— Девки выломали!

— А где девки?

— Замуж ушли!

— А где мужья?

— У нас за дверью в большом кошеле, в водяном пузыре. Луп, луп, лупы — не оскаливай зубы, а оскалишь зубы — зацеплю крючком за губы.

Вот и сказка вся, большие врать нельзя.

¹ Растение (лат. Petaloma).

СТРОЙ

ил-был Строй¹. У Строя жена умерла. Осталась маленькая дочка. Дочка говорит:

— Батюшка, поставь-ка пасточку², не попадет ли птиченька, завтра матушки поминочка.

Строй дочку послушался, поставил пасточку. На второй день приходит за добычей. В пасточке сидит Ягибиha — Баба Яга Костяная нога с тремя дочерьми — Одноглазкой, Двухглазкой и Трехглазкой.

Строй испугался. А Ягибиha и говорит:

— Строй, возьми меня замуж. Не возьмешь — я тебя съем.

Строй призадумался: «Если не взять Ягибиху замуж, то она меня съест и моя дочка останется круглой сиротой, а возьму я Ягибиху, все-таки дочка будет при отце».

Строй согласился взять замуж Ягибиху.

Ягибиha с дочерьми села в ступу, пестом погоняет, помелом дорогу распахивает.

Пришел Строй домой — говорит:

— Дочка, не попало птиченьки, а нарвался я на беду, взял замуж Бабу Ягу Костяную ногу с тремя дочерьми.

¹ Мужик-хозяин, большак, глава семьи.

² Пасть, капкан, силоч.

Девочка испугалась, но делать нечего, надо было жить с Ягибихой.

Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Строева дочушка росла-поросла и выросла, такая стала красавица, что ни найти ни там, ни здесь, ни под солнышком.

Про эту девушку и про ее красоту разнеслись слухи по всей Руси. Услыхал и сам царь и сын его Иван-царевич. И захотелось Ивану-царевичу посмотреть эту красавицу.

Приехал Иван-царевич в глухую деревню и стал спрашивать, где живет Строй. Добрые люди привели в Строеву избушку Ивана-царевича. Как он увидел эту девушку, Строеву дочку, так она ему и понравилась; такой красавицы не было — ни в сказке сказать, ни пером описать.

Иван-царевич говорит Строю:

— Строй, отдай свою дочку за меня замуж!

А Строй и рад-радешенек, говорит:

— Такого гостя я и во сне не видел.

Говорит Иван-царевич:

— Завтра я со своей свахой приеду к вам за невестой.

На том и покончили.

На другой день невеста встает, потихоньку собирается. А Ягибиха догадалась, на Строя разругалась.

Свела свою дочь Двухглазку в баню, тесала, тесала, строгала, строгала, мыла, щелочила и духами надушила, в цветные платья нарядила, платком лицо закрыла и за стол посадила, жениха дожидать.

А Строеву дочку свела в хлев, под корыто положила и большой камень навалила.

Приехал Иван-царевич с царской свитой. Окружили дом, а Иван-царевич пришел, сел за стол на показанное место к своей невесте. С невестой что ни заговорит, а она все помалкивает; посмотрит в лицо, а она все отворачивается. А шавка из-под лавки:

— Тяв, тяв, тяв! Строева дочушка во хлеву под корытом, а Ягибихина за столом!

Ягибиха ухватом шавку ударила, сломала ей одну ногу, собачка на трех ногах поскакала, а свое твердит:

— Строева дочушка в чулане под корытом, а Ягибихина за столом.

Баба Ягахватила сковородник, ударила собаку и вторую ногу сломала. Бедная собачка катком катится под лавку, а все лает:

— Тяв, тяв, тяв! Строева дочушка в хлеву под корытом, Ягибихина за столом!

Тут Иван-царевич догадался и говорит:

— Пора нам ехать!

Взял невесту за руку и повел к своей карете, а сам вернулся в хлевушку.

А бедная девушка под корытом ни жива, ни мертва. Иван-царевич схватил ее, завернул в свою шубу и тоже посадил в карету.

Девушка очнулась, тут Иван-царевич и узнал красавицу — Строеву дочушку.

Пришлось им ехать через реку. Иван-царевич Ягибихину дочь бросил под мост, а со Строевой дочушкой обвенчался. И стали жить да поживать.

Прошел год, Строева дочушка родила сына. Такой был красавец — ни в сказке сказать, ни пером описать; во лбу красное солнце, на темени светлый месяц, по косякам¹ — частые звезды.

Иван-царевич не может нарадоваться: жена — красавица, а сын еще красивее. Надо этой радостью поделиться, обрадовать и дедушку Строя.

Посылает он гонца к Строею. Баба Яга у гонца спрашивает:

— Зачем и как приехал?

Гонец не скрыл, рассказал всю правду.

Баба Яга Строею не говорит, села в ступу, пестом погоняет, помелом дорогу разметает. Ехала, ехала, приехала на тот мост, где брошена была ее дочь. На мосту вырос цветок. Баба Яга говорит:

— Вырву цветок — внучку игрушечку.

Потянула цветок, а из-под моста слышен голос:

— Не тяни, мама, это мое сердце!

Тут-то Баба Яга и ахнула, догадалась, в чем дело. Выгашила дочь из-под моста, сели в ступу и поехали. Приезжают к царским палатам. А Ивана-царевича не случилось дома.

Баба Яга говорит Строевсей дочушке:

— Богоданная дочка, я тебе добра желаю. По крестья-

¹ На висках.

янского обычаю прикажи стопить баню, а я тебя в баньке попарю, скорее поправишься.

Строева дочушка не смела послушаться, согласилась, а Баба Яга в это время положила на кровать свою дочь Двухглазку, а со Строевой дочушкой пошли в баньку. Когда она разделась, Ягибиха и говорит:

— Девка-дрянь, пройди сквозь пол!

Строева дочушка все стоит. Ягибиха шептала, шептала, плевала, плевала, Строева дочушка обернулась оленем и побежала в чисто поле.

А Ягибихина дочь лежит на царской кровати с маленьким Иванушкой. Иванушка груди не сосет, а все поплакивает, а царь не знает — что за причина. Думал, думал и пошел к бабушке-задворенке.

— Бабушка, помоги моему горю. Сын у матери груди не сосет, а все поплакивает.

Бабушка-задворенка и говорит:

— Иван-царевич, на кровати лежит не мамушка, а Ягибихина дочь, а твоя жена в чистом поле с оленями бегают!

Закручинился царевич, запечалился и говорит:

— Бабушка-задворенка, помоги моему горю.

Бабушка и говорит:

— Иван-царевич, это дело хоть и трудное, но все-таки невозможного на свете нет. Сходи в кузницу, скуй три прута медных, три железных, три оловянных, трое клещей медных, трое железных, возьми своего сына и поди в чисто поле, побежит стадо оленей и говори: «Олени, вы олени, серые вы голёни, не видали ли Иванушковой матушки?» Если найдешь — умей ловить!

Закручинился царевич, запечалился, повесил свою голову ниже плеч. Говорит бабушка-задворенка:

— Не надо кручиниться, а надо делать дело, пока не поздно!

Иван-царевич так и сделал. Сковал, что велено, взял сына Иванушку и пошел в чисто поле. Пришел, сел у кустика и ждет. Бежит стадо оленей. Он и говорит:

— Олени, вы олени, серые вы голёни, не видали ли вы Иванушковой матушки?

— Иванушкова матушка в заднем стаде бежит, во слегах пути не видит, молочком дорожку белит.

Одно стадо пробежало, бежит другое стадо. Он опять и спрашивает:

— Олени, вы олени, серые вы голéни, не видали ли вы Иванушковой матушки?

А Иванушкова матушка из стада выскочила, оленину¹ свернула, взяла Иванушку на руки и начала грудью кормить, а сама слезами уливается и приговаривает:

— Иванушка, сегодня да завтра пососи, а там убежим далеко, далеко в чисто поле, больше мне тебя век не видать!

А Иван-царевич караулит, как бы ее схватить. Не поспел и глазом моргнуть, как она оленину на себя накинула и побежала в чисто поле.

На второй день утром рано Иван-царевич взял Иванушку и пошел в чисто поле. Сел под кустом дожидается. Бежит стадо оленей, Иван-царевич спрашивает:

— Олени, вы олени, серые вы голéни, не видали ли Иванушковой матушки?

— Иванушкова матушка в заднем стаде бежит, во слезах пути не видит, молочком дорожку белит!

Одно стадо пробежало, бежит второе стадо. Иван-царевич спрашивает:

— Олени, вы олени, серые вы голéни, не видали ли вы Иванушковой матушки?

А Иванушкова матушка тут как тут, оленину свернула, взяла Иванушку на руки, начала грудью кормить. Сама слезами уливается да приговаривает:

— Сынушка Иванушка, сегодня пососи, завтра далеко убежим мы в чисто поле, больше мне тебя век не видать.

Иванушку накормила, оленину на себя накинула и хотела бежать, а Иван-царевич схватил ее железными клещами, успел только за самый хвост поймать и начал хлестать железными прутами. Она обернулась волком — волчью шкуру разбил. Она обернулась медведем — медвежью шкуру разбил. Она обернулась змеем — змеиную шкуру разбил. Она обернулась веретешком, он взял веретешко в руки и бросил:

— «Куда пала пятка², тут встань гора высока́, куда пала щепётка³, тут стань жена молодá, лучше старого, лучше прежнего!»

¹ Оленью шкуру.

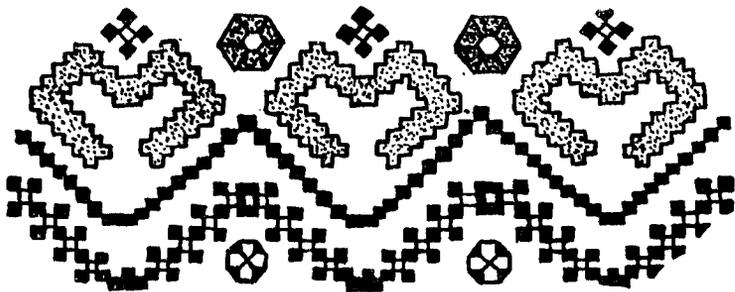
² Тупой конец веретена.

³ Острый конец веретена.

Так и сделалось: куда пала пятка — тут стала гора
высока, куда пала шепётка — тут стала жена молода,
лучше старого, лучше прежнего, да такая красавица, ни
в сказке сказать, ни пером описать. Иван-царевич обра-
довался, взял сына и жену, привел в палаты свои царские,
стали жить да поживать, да детей умножать.

А Ягибихину дочь и саму Бабу Ягу привязали
к двенадцати жеребцам и раздернули по чистому полю.

ПРО ПОПА

У старухи сын был. Имя было ему Мокта.
— Мама, — говорит, — денег у нас нет и хлеба нет, пойду наживать.
А поп в это время шел нанимать работника. Попал навстречу Мокта:

- Здравствуй, дружок!
 - Здравствуй, батюшка.
 - Куда идешь?
 - Да иду где-нибудь работу искать.
 - А иди ко мне в работники! Как тебя звать?
 - Мокта.
 - Сто рублей тебе в год дам!
- Вот привел домой работника:
- Ну, матушка, напаял я работника.
 - Как зовут, батюшка, работника у нас?
 - Мокта, — говорит.
 - Ну, пусть работает!

Работник живет, работает хорошо. Жил-пожил, год прошел, расчет надо требовать с попа, матери деньги снести. А попу денег жалко.

- У попа был цепной кобель.
 - Укради, Мокта, этого кобеля, двести рублей дам!
- Мокта приходит домой к матери:
- Надо нам корову зарезать, мама!

— Да что ты, Моктушка!

— Без этого нам с попа денег не получить!

Мать плачет, а он убил корову. Пришел ночью к попу на сарай, эту кожу разложил, выпустил кобеля. Кобель запах услышал и забрался в кожу. Мокта кожу завязал — да и унес кобеля домой. Поп утром встает:

— Матушка, да Мокта у нас кобеля украл!

Пришел поп к дому Мокты и кричит:

— Мокта, ты дома?

— Дома, дома, батюшка!

— Так вот что, Мокта, ты укради у меня шкатулку с деньгами, так я тебе четыреста рублей дам!

— Украду, батюшка! — отвечает.

Настала ночь. Поп и попадья у стола против окна сели с ружьями. Мокта выкопал покойника и одел в черную одежду. Поставил покойника на костер¹, а сам за костер встал. Матушка увидела:

— Батька, батька, Мокта идет!

Да оба из ружей — бах! Покойник упал, они к нему бросились, потащили в реку, а Мокта тем временем зашел в дом. Они пришли обратно, а шкатулки уже давно и дома нет.

— Ну, матушка, наверно Мокта деньги украл, и мы утопили его в реке! погоди, матушка, я побегу, посмотрю: нет ли Мокты дома? Если дома, так деньги отдаст, а если нету — значит деньги мы потопили.

Приходит:

— Бабушка, Мокта дома?

— Дома, батюшка, дома!

— Мокта, деньги украл?

— Да, украл, батюшка!

— Так принеси деньги, я тебе после отдам шестьсот рублей!

Но Мокта больше к батюшке не пошел. Ночью зашел в колокольню, начал звонить. А в ограде была сторожка, маленькая избушка. Сторож оттуда выходит:

— Кто там звонит?

Ответа нет. Второй раз крикнул, тоже не слышать. Поднялся на колокольню сторож и спрашивает:

— Кто тут звонит?

¹ Поленицу дров.

— А сам господь! Вызываю вашего батюшку за хорошую службу на небеса.

Сторожу и говорит:

— Поди, скажи батюшке, пусть и деньги все захватит.

Сторож ушел, а Мокта вслед за ним.

Поп спрашивает сторожа:

— Кто там ночью звонил?

— Да я три раза спрашивал, а оттуда отвечают: это господь пришел за вашим батюшкой!

Сторож ушел, а Мокта за дверями стоит, слушает, что станут говорить.

— Вот, матушка, господь требует меня на небеса, ведь от господя не отделаешься, не то, что от мужика; и деньги велел все принести.

— Батюшка, а меня-то возьмет ли господь?

— А вот уж не знаю!

— Оставь мне денег, не бери все!

— Да вот в чайной банке тебе двести рублей оставлю, если господь не возьмет тебя.

А Мокта все слушает за дверями.

— Да пятьдесят рублей еще есть в кружке. Ну, матушка, прощай, господя не уговорить.

Мокта впереди побежал, поднялся на колокольню.

— Ну, батюшка, пришел?

— Пришел, --- говорит.

— Принес денежки?

— Принес, господи, до копеечки!

— А врешь, батюшка! Мужика обманешь, а бога не обманешь: двести рублей оставил матушке, иди принеси!

Сходил опять и пришел.

— Сходил, батюшка?

Опять отвечает:

— Сходил!

— Все принес?

— Да, все! — говорит.

— Да нет, батюшка, мужика обманешь, а бога не обманешь! Там еще в кружке-то пятьдесят рублей!

— Да пусть хоть то матушке!

— Ну, пусть то матушке останется, не надо. Лезь, батюшка, в куль, поедем. Я тебя завяжу, поедем быстро, не вывались!

Поп и залез в куль.

— Ну, батюшка, держись!

Спустил с колокольни — куль покатился. А поп и говорит:

— Господи, куда я лечу, в ад или в рай?

— Если хорошо служил, так в рай, если плохо — так в ад!

Толкнул Мокта куль, куль дальше покатился. Поп опять твердит:

— За хорошую службу — в рай, за плохую — в ад!

Мокта навалил куль на плечи:

— Ну, батюшка, держись, — говорит.

Принес на попов двор его. Бросил на двор куль, а сам ушел. А куль был соленый, корова из хлева вышла — давай его лизать, и пролизала дыру. Вышел потом теленок, и тот тоже давай куль грызть. Дыра уже стала большая, свет показался (ночь прошла), поп и говорит:

— Господи, ты господи, закинул меня на небо с буренушкой да с седонушкой¹, еще бы матушка, так и жить хорошо бы!

Пошел в избу, зашел в сени. Матушка услышала:

— Кто такой?

Не понимает поп ничего — пока по лестнице катился, ум у него отбило!

— Матушка! И тебя господь взял па небеса? Ну что ж, станем жить. И буренушка тут и седонушка!

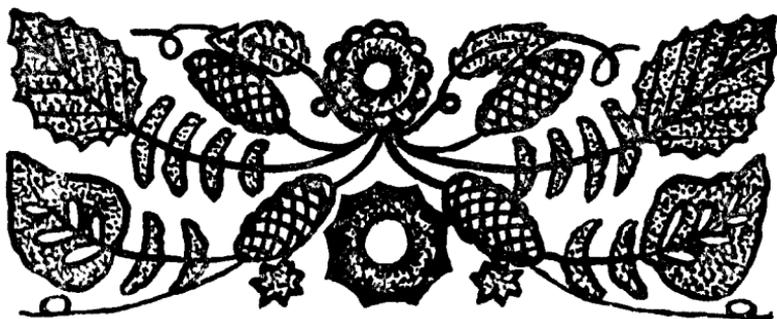
Попадья ему и говорит:

— Глупый ты поп! Шальной ты поп! Не хотел отдать Мокте денег, пожалел ста рублей, потерял все деньги. Ведь не летел ты на небеса, а летел с колокольни! Дома ты!

Ну, а поп долго признать не мог, что он дома.

¹ Ласковое название теленка.

ПРО НЕСТЕРА

К одной деревне жил Нестер — ребят шестеро, красть боялся, а работать ленился. Подумал и говорит жене:
— Пойду-ка я, жена, в город, как-нибудь ведь надо жить.

Приходит в город и видит, у одной барыни в огороде ходит пестрая свинья и трое поросят. Заходит в огород к свинье и говорит, как будто про себя:

— Свиньюшка нестра, матушка красна, пожалуйста ко мне на свадьбу!

Барыня в окно увидела мужика и говорит прислуге:

— Иди-ка, позови мужика, что он там ходит около свиньи?

Ну, та его и позвала. Мужик пришел к барыне и говорит:

— Вот, барыня, у меня когда родился сын, я жил бедно, в крестные матери некого звать было, а ваша свинья была в гостях у нас в деревне. Теперь сын стал большой и задумал жениться, так я пришел куму звать на свадьбу.

Барыня поверила и говорит:

— Да, да, верно, как раз у нас свинья в это время куда-то пропадала. Только нет у нас барина и кучера, не с кем ее отправить на свадьбу. Вот что, мужичок,

запряги сам тройку лошадей, посадим свинью и пусть едет на свадьбу!

Запряг мужик тройку, посадил свинью и поросят в карету, взял нож и думает: «Зарежу-ка я поросят, чтобы не кричали!» Забрался под карету и зарезал поросят, а барыня выбежала и говорит:

— Мужичок, что ты там делаешь?

— Я, барыня, спрашиваю у свиньи, взяла ли она с собой денег?

— Ой, правда, правда, деньги-то я и забыла. Вот ей на свадьбу сто рублей.

Ну, Нестер наш обрадовался, выехал за город, зарезал и свинью. Едет, а навстречу барин. Барин и говорит кучеру:

— Стой, кучер, эта тройка наша и наша карета. Кто едет, надо узнать!

Кучер и говорит:

— Нет, барин, лошади похожи и карета похожа, а едет кто-то другой.

Тогда барин и говорит:

— Проезжай же мимо!

Приезжает домой, выбегает барыня и говорит:

— Барин, вы не видели, как свинюшка на свадьбу поехала? Запрягли мы тройку лошадей и посадила я в карету свинью с поросятами и даже сто рублей денег дала, чтобы в деревне заплатить мужикам!

А барин ей и говорит:

— Дура ты, дура, да разве свиньи ездят на свадьбу? Давай, кучер, запрягай лошадей, поедем догоним!

А Нестер знает, что барин будет его догонять, загнал коней в сторону, а сам вышел на дорогу, сел и смотрит в небо. Барин едет и кричит:

— Уходи, мужичок, с дороги!

— Нет, барин, нельзя уйти, нельзя! Видишь, я облака считаю, если одно облако потеряю, то меня царь казнит!

— Не видал ли тут проезжего на тройке?

— Видал, тут не так давно ехал.

— А куда эта дорога идет?

— Да эта дорога идет прямо да вправо, а потом влево да опять вправо.

Барин и говорит:

— Мне бы надо его догнать!

— Ой, барин, нет, вам не догнать, а я бы, может быть, и догнал.

— Вот что, мужичок, на́ двести рублей, догони его, захвати да прямо его сюда и приведи!

А мужик и говорит:

— Только, барин, облаков не потеряй у меня!

Сел на баринову тройку, взял двести рублей, круг объехал и стал дожидаться вечера.

А барин сидел, сидел с кучером на дороге, задремал да и говорит:

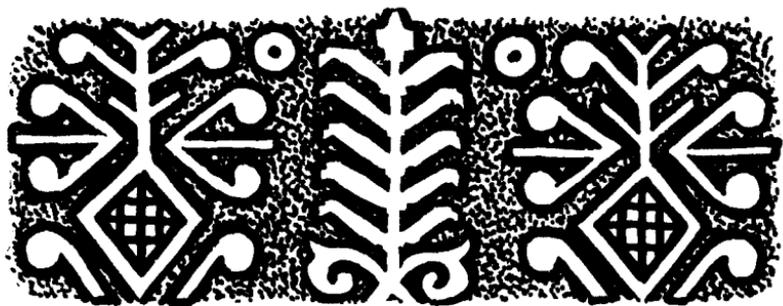
— Кучер, кучер, а где облако-то то, которое мужик велел караулить?

Поглядели, поглядели на небо и не могли узнать, где то облако. Наступила ночь, и все облака вместе сошлись.

— Ну, пойдем, кучер, домой, а не то беда нам от мужика будет, потеряли мы облако!

А Нестер приехал домой, построил себе новый дом и начал жить да поживать, добра наживать. Так он обманул барина и барыню. Ну, на этом и кончим.

СТРАХ-БОГАТЫРЬ

Р некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне, верст за двести в стороне жил поп с попадьей и дочерью, и была у них еще работница.

В одно время попадья сходила в город, купила себе цветно¹ платье и хорошие башмаки. Приносит домой, а поп и говорит:

— На что ты, матушка, купила цветно платье и башмаки, ведь уж ты теперь старая!

— Да, батюшка, ведь я теперь скоро помру, а ты по будешь жить холостой. Задумаешь жениться, так выбери себе невесту, чтобы платье подошло по костям, а башмаки по ногам. Кому подойдет, того и бери замуж.

Ну, прошло там долго ли, коротко ли, попадья померла. Поп взял платье и башмаки и пошел себе выбирать невесту. Обошел он всю Русь и Ладогу и весь свой приход и не нашел себе невесты — или платье не подходит, или же башмаки. И пришел пи с чем домой. А дело было как раз в воскресенье, и поп ушел служить в церковь. Дочь вспомнила, что у матери есть платье и башмаки.

¹ Праздничное, нарядное.

— Одеть мне, — говорит, — платье да башмаки сегодня, сходить в церковь и помянуть свою матушку! Оделась и приходит в церковь.

Ведь поповские дочери не станут стоять на краю церкви; прошла и против царских ворот¹ стала. А поп, пока служил в алтаре обедню, ничего не знал. Пошел кадить образа, покадил, стал махать кадилом на народ и увидел дочь.

Смотрит — платье одето и башмаки. И как раз платье подошло по костям, а башмаки по ногам! Он сразу же закончил обедню, прибежал домой, накупил белой муки и всего, заставил прислугу готовить — печь пироги на свадьбу. Сказал прислуге, что хочет жениться на дочери:

— Не говори никому, а я побегу созывать гостей на свадьбу!

Долго ли, коротко ли бегал, у прислуги уж были пироги посажены в печь. Поповская-то дочь догадливая была и говорит прислуге:

— Сними пироги-то, наверное спеклись!

Прислуга и вынула. А поповская дочь берет ножик, разрежала пирог, сама нюхнула и говорит прислуге:

— А понюхай-ка, наверное, пирог-то спекся!

Ну, у той нос был долгий, наклонила голову нюхать, а поповская дочь горячий пирог зажала, и нос остался в пироге. Тесто горячее прильнуло к носу, и прислуга кричит:

— Выпусти нос из пирога, весь сожгла!

А дочь и говорит:

— До тех пор не выпущу, пока ты не скажешь, для кого ты готовишь пироги!

Ну, делать нечего, прислуга и рассказала:

— Батюшка хочет на тебе жениться!

Поповская дочь освободила нос из пирога, бросила пирог на стол, а сама в этом платье и башмаках убежала в дремучий лес.

Долго ли, коротко ли ходила она по лесу, башмаки привалились и платье придержалось, стала совсем нагая. Стыдно ходить по лесу нагой, увидела она дупло и зашла в него. А в это время царский сын был на охоте,

¹ Против центрального входа в алтарь, на самое почетное место.

и собаки его зачужали человека в дупле, начали лаять. Царский сын обошел кругом дерева, никого не мог увидеть и говорит:

— Кто есть в дереве — выходи, а не то спущу калесную стрелу и разнесу это дерево на щепки!

Тогда поповская дочь и говорит:

— Я бы вышла, но я совсем нагая! Брось мне одежду, я оденусь и тогда выйду.

Так и сделал царский сын — бросил одежду в дупло, поповская дочь оделась и вышла из дупла.

Была она красивая, царскому сыну сразу понравилась, и он увел ее домой. Завел ее домой черным ходом к себе в комнату и не показал ни отцу, ни матери. Сходил в город, купил хорошую одежду. Когда она оделась, то стала еще красивее.

Раньше царский сын каждое утро вставал, умывался, приходил к отцу и матери, здоровался. А тут трое суток не выходил к отцу, на четвертые вышел.

Когда вымылся, поздоровался с отцом, отец и говорит ему:

— Да, сынок, что-то я замечаю, раньше ты ко мне в каждое утро выходил, а теперь не выходил уже три дня. Наверно, задумал жениться!

— Да, задумал, папа!

— Ну, так иди в мой кабинет, там на стене висят портреты, которую облюбуйешь, та будет за тобой замужем.

Ну, сын не отказался, пошел посмотреть. Зашел к нему в кабинет, постоял там часа два, приходит и говорит отцу:

— Да, папа, не нравятся мне твои портреты. А ежели желасшь, папа, так я покажу, на ком желаю жениться.

— А ну-ка, покажи!

Вот и выводит он поповскую дочь. Она была такая красивая, что царь как увидел, так и упал, трое суток без памяти лежал. Опомнился и говорит:

— А скажи, барышня, какой земли, какой орды, какого отца-матери дочь?

— Я дочь попа.

Тогда и говорит царь сыну:

— Так вот что, сын: разве достойно жениться царскому сыну на поповской дочери?

— Да, папа, а кто узнает, что я женюсь на поповской дочери? Мы скажем, что такого-то купца или короля заморского дочь, нам и поверят!

— Ну, тогда бог вас благословит!

И честным пирком да за свадебку.

Долго ли, коротко ли длился пир, прошло немало времени, поповская дочь, а царская невестка сына стала ожидать и перед родинами пала в обморок.

(Ну, пусть полежит!)

А поп бегал, бегал, созвал гостей на свадьбу, прибежал домой, видит, что дочери нет. Узнал от прислуги, что она сбежала, нарекся доктором и стал ходить, лечить парод. И как раз попал в этот город, где его дочь была замужем. Царь услышал, что пришел доктор, и зазвал лечить свою невестку. Поп пришел в эту комнату, где лежала его дочь, и сразу узнал ее. Она уже родила мальчика и опять лежала после родни в обмороке. Он взял, перервал его пополам, намазал матери губы кровью. Приходит к царю и говорит:

— Вот что, царь, это моя дочь, она не первого уже съела ребенка и этого уже начинает. Ежели вы ее не удалите из города, то и вам добра не будет!

Ну, у царя недолго. Сейчас дал приказ, чтобы отвезли ее в дремучий лес вместе с ребенком.

Долго ли, коротко ли лежала она в лесу, опомнилась, посмотрела кругом — нигде нет дороги, и видит, ее сын разорван пополам. Начала горько плакать.

Откуда ни возьмись прилетело два вороненка и начали клевать друг друга. Один одного заклевал на смерть и улетел. Через некоторое время прилетела ворошиха-мать, взяла этого вороненка, помочила в воде, вороненок вспорхнул и полетел.

Тогда и поповская дочь берет своего мальчика, помыла в воде, мальчик сросся и заплакал. Дала она ему грудь сосать, он и замолчал.

Прожили они в лесу долго ли, коротко ли, пошли разыскивать дорогу. Идут они по лесу, и им попадается медведь. Сын и спрашивает у матери:

— Мама, кто это идет?

— А это идет медведь — крестьянский разоритель, он много крестьянам вреда наносит!

— А его, мама, едят?

— Да, едят! Даже хорошие господа готовят из него кушанья.

— Так я его убью!

— Да где тебе, сынок, убиты! Он и от охотников уходит.

— Ну, я его все равно убью.

Выдергивает дервину, ударяет медведя, и тот валится сразу замертво.

— А как же его, мама, едят?

— А нужно сделать огонь и поджарить!

— А как же сделать огонь? (Он не имел понятия.)

— А вот возьми сучок об сучок потри и огонь загорится! (Раньше огонь вытирали из дерева, спичек не было.)

Вот мальчик берет сухое дерево, повалил его на землю, сломал второе и сучком об сучок так ударил, что сразу костер загорелся. Оторвал кусок мяса, дал матери. Та пока жарила да вертела на огне — он съел всего медведя и отправились дальше.

Идут, а им навстречу попадает олень.

— А это, мама, кто идет?

— А это олень! Он никакого вреда народу не делает!

— Ну, я его не буду убивать!

Шли они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, а по своим успехам дело справляется. Видят, в лесу стоит дом. Заходят в него, а там никого не было. И говорит мать сыну:

— А ну-ка, сынок, погляди, нет ли чего-нибудь в печке?

Сын открыл печку и говорит матери:

— Мама, а там какой-то катышок!

— А ну-ка погляди в столе, нет ли там чего-нибудь?

Он посмотрел и говорит:

— Мама, тут опять какой-то катышок!

А была это мякушка хлеба, а в печи горшок супу. Мать вытащила горшок из печки, нарезала хлеба и сели обедать. Мальчик съел бы и все, но мать говорит:

— Вот, сынок, здесь кто-нибудь живет. Мы поели — так надо и им оставить!

Все убрала.

— А теперь, сынок, давай спрячемся!

Только что спрятались, приходит в дом старик.

Видит — суп еден, посмотрел хлеб — и хлеб еден. Сначала было разозлился, а потом и раздумался:

— Какие-нибудь здесь есть добрые люди, раз сами поели и мне оставили.

Сел, поел и говорит:

— Кто есть в доме — выходи, ничего не сделаю!

Когда вышла поповская дочь с сыном, старик спрашивает:

— А как зовут твоего сына?

— А я и сама не знаю! Он у меня не крещеный.

— Ну, так ладно, я дам ему имя!

Наносил сорокаведерную бочку воды, окунул туда парня, выпул и говорит:

— Вот имя будет Страх-Богатырь: так как я чую в нем силу непомерную!

Так жили долго ли, коротко ли — дедушка приносил им пищу, мать готовила, а Страх-Богатырь ничего не делал. Через некоторое время дедушка куда-то пропал без вести. Тогда Страх-Богатырь стал ходить на охоту, а мать оставалась одна дома.

Как-то раз мать познакомилась с чертом и стала приводить его домой. А черт боялся Страх-Богатыря. И задумал он как-нибудь извести его. Раз и говорит:

— Ежели ты любишь меня, так реши¹ своего сына!

— А как же я его решу?

— А вот вечером сын придет с охоты, а ты заневоги и скажи своему сыну, мол, я во сне видела — за тридцать земель в тридевяти царстве, на море-океане, на острове Буяне есть свинья Румида, эту свиньку Румиду убей, принеси мне крови — и я буду здорова. Он тебя любит и туда пойдет. А кто туда ни ходил — назад не приходил.

Так прошло время до вечера. Когда Страх-Богатырь пришел, мать сказала все, как научил черт. Ну, Страх-Богатырь любил мать и говорит:

— Не тужи! Сухариков, мама, подсуши, а завтра я пойду.

Вот поутру он встал ранешенько, умылся белешенько, богу помолился и в путь-дорогу снарядился. Шел он близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли; скоро сказка сказывается, да по своим успехам дело справ-

¹ Убей.

ляется. Заходит он в дремучий лес и видит — лежит дедка его слепой. Берет он березовое полено, подходит к дедке и говорит:

— Здравствуй, дедушка! — и подает ему полено.

Дедка взял полено и отвечает:

— Здравствуй, Страх-Богатырь! Хорошо, что ты дал мне в руки полено. Видишь, от полена остался один пепел. Дал бы ты руку, так и от руки остался бы один пепел. А теперь скажи: куда идешь, куда путь держишь?

— Я иду далеко, дедушка. Иду за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридешае государство, на море-океан, на остров Буян, надо убить свишью Румиду, крови паточить¹, принести матери. Мать заболела, надо ее намазать, чтобы была она здорова.

— О, далеко ты, Страх-Богатырь, задумал идти! Вот пойдешь от меня в сторону, навстречу тебе попадет серый волк. Ты прицелься в него, он взможится и доставит тебя на остров Буян.

Распростился Страх-Богатырь с дедушкой и пошел в путь-дорогу. Прошел он немножко и видит, по дороге бежит серый волк. Он бросил ружье на руку, хочет стрелять, а волк заговорил человеческим голосом:

— Не бей меня, Страх-Богатырь! Не губи ты душу напрасно, что тебе надо — все исполню.

— А мне надо попасть на море-океан, на остров Буян, убить свишью Румиду!

— Ну, так садись на меня да держись за меня, я сейчас тебя туда доведу.

Вот серый волк доставил его на остров Буян и говорит Страху-Богатырю:

— Страх-Богатырь, сядь за кустик, сейчас свишья Румида пойдет с двенадцатью поросятами. Ты свишью пропусти и одиннадцать поросят пропусти, а двенадцатого лови!

Только Страх-Богатырь сирятался за кустик, видит: идет свишья Румида с двенадцатью поросятами, он свишью пропустил и одиннадцать поросят пропустил, а двенадцатого стал ловить. Пока ловил, серый волк выскочил из-за куста, поймал поросенка и говорит:

— Давай садись, Страх-Богатырь, на меня, поведем обратно!

¹ Напечить.

Когда переплыли через море-океан, вышли на сушу, серый волк и говорит:

— Застрели меня, Страх-Богатырь!

— Да что ты, серый волк! Я не знаю, как тебя отблагодарить за то, что ты сносил меня на остров Буян и достал поросенка.

— Ну, все равно, застрели меня, Страх-Богатырь, ежели ты не застрелишь, то я тебя разорву. Когда я плавал на остров Буян, то надорвался. Так смерть и эдак — смерть, лучше уж одному помирать! Застрели меня!

Тогда Страх-Богатырь взял ружье и застрелил серого волка. Приходит он домой, дает матери поросенка:

— Вот, мама, зачем тебе кровь, я принес тебе целого поросенка!

Она подержала его в руках и говорит:

— Оставь мне его, Страх-Богатырь!

— Нет, мама, поглядела — будь здорова!

Взял этого поросенка, унес в лес, вырезал у него глаза, пустил поросенка на волю, а глаза положил в потайной карман.

Пришел домой и начал жить по-прежнему. Но черт все равно настаивает, чтобы мать решила своего сына. В одно время и говорит черт матери:

— Занемоги и скажи сыну, мол, за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, живет царь и у этого царя есть в саду дерево. Оно стоит на середине сада, ты бы, мол, с этого дерева принеся мне листьев. Я бы напарилась, попила и была бы здорова. И ты ему не говори, что этот царь есть Кашей Бессмертный и дерево у него в саду заколдованное, кто туда ни ходил, назад никто не выходил, потому что Кашей Бессмертный за двадцать верст огнем жжет.

Так было и сделано. Когда Страх-Богатырь пришел с охоты, мать рассказала ему все, и Страх-Богатырь сказал:

— Мама, не тужи, сухарьков подсуши, а я завтра же отправлюсь в путь-дорогу!

Вот он встал поутру ранешенько и умылся белешенько, богу помолился и в путь-дорогу снаряжился. И приходит к своему дедке. Дедка спрашивает:

— Куда, Страх, идешь, куда путь держишь?

А Страх-Богатырь рассказал, куда пошел.

Дедка покачал головой да и говорит:

— О большом ты, Страх-Богатырь, задумал! Вот я куда ходил. Так видишь — слепой лежу, мне Кашей Бессмертный глаза выжег.

— Ну, ладно, дедушка, пошел, так надо сходить! Да нет у меня коня, идти приходится пешком, нету и доспехов богатырских.

Тогда дедушка и говорит Страху-Богатырю:

— А вот что, Страх-Богатырь, поклонись мне и моим старым латам, будет тебе конь и доспехи богатырские.

Так и сделал Страх-Богатырь, поклонился старику и его старым латам. Откуда ни возьмись — появился конь и объявились доспехи богатырские. Одевая Страх-Богатырь, сел на коня и поехал. Отъехал близко ли, далеко ли и раздумался:

— Какой же я дурак, поклонился старому старику и поклонился старым латам!

Только проговорил эти слова и очутился у старого дедки. И говорит ему дед:

— Вот что, Страх-Богатырь, до тех пор ты не уедешь от меня, пока не поклонись мне и моим старым латам. Да прощу и вперед, чтобы ты не помнил этих слов. А ежели будешь в дороге поминать меня злом, то каждый раз будешь приезжать ко мне обратно.

Делать нечего — поклонился Страх-Богатырь старику и его старым латам, распростился, опять отправился в путь-дорогу.

Отъехал близко ли, далеко ли, конь и заговорил человеческим голосом:

— А что, Страх-Богатырь, как же нам ехать? Ежели по земле нам ехать — то долго проедешь, в пол-лесе ли ехать стоячего, или ниже облака ходячего?

— Да, — отвечает Страх-Богатырь, — ежели нам в пол-лесе ехать, так у тебя бока выдерет, да и у меня глаза выколот. Уж ежели можешь, так поднимайся выше лесу стоячего, а ниже облака ходячего!

Тогда взвился конь и полетел. Летели они долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли; скоро сказка сказывается, а по своим успехам дело справляется.

Прилетают они в царство Кашея Бессмертного. Там у Кашея все спали. Спустился он посредине сада, набрал живой воды и мертвой, хотел нащипать листьев да и раздумался:

— А что мне щипать листья, вырежу я все дерево и увезу!

Вырвал дерево с корнями, сел на коня, перескочил через тын, корни за струны задел. Струны зацепи и колокола зазвонили, но он поднялся выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и поехал в обратный путь.

Проснулся Кашей Бессмертный, видит, что дерева нет посредине сада, и вскричал он:

— Давайте мне семиногую и семикрылую кобылу и огненный щит! Я поеду догонять вора!

Сел и поехал. Стал он догонять Страха-Богатыря. Видит, что не по земле едет человек, да и раздумался:

— А это, наверное, богу понравилось мое дерево и он увез его! Ну, так уж не стану догонять, пусть везет!

И вернулся обратно.

Ехал, ехал Страх-Богатырь и вздумалось ему на одном луку покормить коня. Пустил коня покормиться, опустил дерево и сам свалился возле него. А в этом дереве сидела одна царевна, была унесена Кашем Бессмертным у одного царя и заколдована до тех пор, пока кто-нибудь не украдет дерево. И вот этой девушке захотелось посмотреть, кто везет ее, и выглянула она из дерева.

Ну, была она очень красива, Страх-Богатырь взглянул на нее и сразу полюбил. И она полюбила его, видит, что это тоже парень не простой. Пока лошадь кормилась, они узнали друг от друга, кто и откуда и какие они есть. И стала она звать Страха-Богатыря к своему отцу и обручились перстнями и сказала, что как придет к отцу, то выйдет за него замуж.

Когда договорились, сели на коня и поехали в то государство, где жил ее отец. Приезжают они в государство, где жил ее отец, видят, что на дворе поставлен столб, наввертывано колец и напривязывано к кольцам коней и одно кольцо самое верхнее было свободно. К этому кольцу и привязал Страх-Богатырь коня.

Заходит они в палаты, а у отца собран пир, созваны все богатыри и мудрецы, решают, как и куда ехать разыскивать дочь.

Заходит Страх-Богатырь в комнату и говорит:

— Я, Ваше царское величество, Вашу дочь привез!

А в это время конь фыркнул ноздрями, и кони все повисли на поводьях. Видят богатыри да вельможи, что тут

приехал не простой человек, переговорили между собой, вышли из комнаты и разошлись в разные стороны по домам.

Обрадовался, конечно, царь, что Страх-Богатырь привез дочь домой. Задал пир и сразу же хотел играть свадьбу. Но Страх-Богатырь говорит:

— Вот, Ваше царское величество, есть у меня мать, так надо ее позвать на свадьбу!

— А где твоя мать? Я сейчас повелю расшнуровать кареты и лошадей и сразу же привезу на свадьбу!

Нет, как хотите, мне надо самому съездить за ней!

Так и не могли уговорить Страха-Богатыря. Страх-Богатырь поехал к матери. Приезжает он к матери, отдал листики, а сам по-прежнему пошел на охоту.

А черт опять учит мать:

— Вот, когда вечером сын придет, так задумай с ним в карты играть с условием: кто кого обыграет — тому руки завязать!

Приходит сын с охоты, а мать и говорит:

— Давай, Страх-Богатырь, сыграем в карты, кто кого обыграет — тому руки завязать.

— Ну что ж, давай!

Сели играть, сыграли, и Страх-Богатырь обыграл мать. Завязал руки матери, она подергала и не могла развязаться. Развязали руки, а мать и говорит:

— Давай опять играть!

На этот раз мать обыграла сына и завязала ему руки.

— Ну что, мама, крепко завязала?

— Крепко!

Он только натужился, веревка и лопнула. Она сбегала на другую половину к черту, рассказала, что обыграла сына, завязала ему руки, а он натужился, и веревка лопнула.

— Так, на мой поясок и этим пояском завяжи ему руки, и ему будет не сорвать.

Взяла она поясок, пришла к Страху-Богатырю и говорит:

— Давай играть в карты!

Сыграли. Снять обыграла сына и завязала ему руки пояском. Натужился Страх-Богатырь, содрал мясо до костей, а пояска разорвать не мог. Тогда мать выко-

пала¹ Страху-Богатырю глаза и посадила его в подвал. Пришла к черту и говорит:

— Я его обыграла, завязала ему руки, и он не мог разорвать.

— А где он у тебя? Дай-ка я схожу погляжу.

Приходит он в подвал и видит, что у Страх-Богатыря выкололы глаза, и говорит ей:

— Ай, ай, зачем ты выкопала ему глаза, пусть бы он сидел со связанными руками. Теперь его в чисто поле отведем, пусть он слепой ходит. Я теперь его не боюсь!

Так отвелн его в чистое поле. Крикнул он своего коня, конь прибежал, Страх-Богатырь сел и поехал. Ездил, ездил и пустил коня кормиться на таком песке, что даже и кашабы² нет. Раздумался конь: «Наверно, у меня хозяин слепой! Кабы видел, так не пустил бы меня кормиться на этом песке».

Пришел и говорит хозяину:

— Наши род и племя слепым богатырям не служат. До тех пор ты не найдешь меня, пока у тебя не будут глаза!

Полежал Страх-Богатырь долго ли, коротко ли и вспомнил, что у него чушечьи³ глаза в кармане есть. Взял, смочил свои раны живой водой да мертвой, вставил чушечьи глаза и стал видеть. Поймал своего коня, сел и поехал.

Так он приехал к своему дедке и рассказал ему все, что случилось. И дедка пожалел его:

— Дам тебе трость. Ежели захочешь сделаться стариком — воткни палку в землю тупым концом, а захочешь сделаться молодцом, таким же Страхом-Богатырем, как и раньше был, воткни палку в землю острым концом.

Распростился Страх-Богатырь с дедушкой и пошел дальше. Шел был и слышит в лесу стук, подошел поближе, ткнул палку тупым концом — сделался стариком старым и подходит к лесорубам. Поздоровался и спрашивает:

— Что вы тут делаете?

— Да вот у нашего государя дочь потерялась, и отыс-

¹ Выколола.

² Вереска.

³ Поросячьи.

кал ее Страх-Богатырь, уехал звать мать на свадьбу, и не видеть вот уже сколько лет. Так его невеста ни за кого не хочет идти замуж, раньше давала милостыню за здравие Страха-Богатыря, а теперь дает милостыню за упокой. А мы здесь рубим¹ монастырь, и вот когда будет готов, то она хочет уйти в этот монастырь жить!

— А вы меня сведете к этому царю? Хотя я и сам знал когда-то дорогу!

— Сведем, подожди немножко, вот окончим работу!

Кончили работу, и Страх-Богатырь пошел с плотниками в город. Привели они его ко двору, а там стоят люди, ждут подаяния.

— Ну вот, становись в очередь, и тебе дадут милостыню за упокой!

Только что ушли плотники, а Страх-Богатырь не стал дожидать очереди, подходит ко крыльцу да и говорит царевне:

— Подайте милостыню за здравие Страха-Богатыря!

А та и глаза вытаращила: дает милостыню за упокой, а старик просит за здравие Страха-Богатыря. И говорит:

— А ты что, дедушка, знаешь Страха-Богатыря?

— Знаю, не так давно видел!

— Ну так пойдём-ка ко мне в комнату, расскажи, где ты его видел!

Заходят они в комнату, и говорит старик царевне:

— Очень вам хочется увидеть Страха-Богатыря?

— Да я без него уже и жить не могу!

— Ну так подождите, я его сейчас приведу!

Ушел в другую комнату, стукнул о землю палкой, острым концом, и сделался таким же молодцом Страхом-Богатырем, каким и раньше был. Заходит к царевне в комнату, а та бросилась к нему на шею, стала целовать-миловать, призвала отца, и отец с радостью хотел свадьбу сейчас же играть. Но Страх-Богатырь и говорит:

— Вот что, Ваше царское величество, я хоть к матери и поехал, но не доехал, надо самому съездить и привезти ее на свадьбу.

Долго царь уговаривал Страха-Богатыря.

— Опять уедешь и к нам не приедешь!

Никак не мог уговорить. Собрался и уехал Страх-Богатырь к матери.

¹ Строим из дерева.

Приезжает он к матери, к поповской дочери, и говорит ей:

— Вот, мама, прощаю тебе все, так как я завожу жениться. Приехал я к вам, пужно мне разделиться. Ведь дом-то у нас на два конца, так я, мама, тебя обижать не буду — один конец у нас отдельный и с печкой, а другой — не отдельный. Ну, ты со мной не поедешь, останешься здесь жить, так я тебе дам конец с печкой.

А мать и говорит:

— Ну, спасибо, сынок, что ты меня не обижаешь!

— Ну, вот, мама, мы с тобой и поделимся — тебе конец с печкой, а мне без печки, но я здесь жить не буду. Что хочу со своей долей — то и делаю!

— Ну, как хочешь, сынок!

— Так вот, мама, я свой конец зажгу, а тебе надо жить в своем конце, так ты отстанвай.

Взял свой конец и зажег. Сел на коня и говорит поповской дочери:

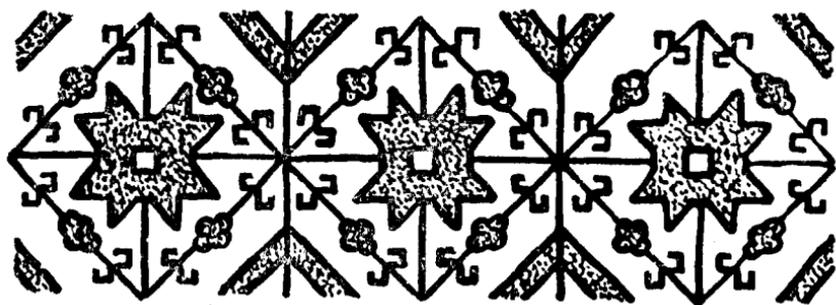
— А ты отстанвай свой конец — я уезжаю!

Приехал он к государю. Царь обрадовался, сыграл свадьбу, задал шир на весь мир.

Я на свадьбе был, мед-пиво пил, зубы-то у меня редковаты, а губы-то половаты¹, — по усам текло, а в рот не попало. Ну, на этом и сказку кончаю.

¹ Не закрываются.

ПРО ОДНОГО СОЛДАТА

рослужил солдат у царя три года, и царь за службу дал ему три копейки. Ну, он и пошел домой. Идет, а по дороге попадается мышь:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, мышь!

— Где, солдат, был?

— Служил.

— Много ли царь за службу денег дал?

— Три копейки!

— Дай мне одну копейку; я тебе, может, пригожусь.

Ну, — подумал солдат, — не было денег, да и тут не деньги!

Взял и отдал мышке копейку. И пошел дальше. Идет, попадается ему жук:

— Здравствуй, солдат!

— Здравствуй, жук!

— Где, солдат, был?

— Служил.

— Много ли царь за службу денег дал?

— Дал три копейки, да я отдал мышке одну копейку, осталось две!

— Дай мне копейку, я тебе, может, тоже пригожусь.

Отдал копейку и пошел дальше. Идет, попадается рак:

— Здравствуй, солдат!
— Здравствуй, рак!
— Где, солдат, был?
— Служил.
— Много ли царь за службу денег дал?
— Дал три копейки, а я мышке отдал копейку, жуку—
копейку, еще осталась одна.
— Дай мне тоже копейку, я тебе тоже, может, пригожусь!

Отдал и эту копейку, пошел без денег. И как раз пришлось солдату идти через Питер и с Васильевского острова по мосту переезжать Неву. Это как раз к Зимнему дворцу мост-то подходит. А на мосту народу—протолкнуться некуда, не то чтобы солдату пройти. Солдат спрашивает у народа:

— Что такое тут делается?

А ему отвечают:

— Вот что, солдат, у царя дочь положила зарок: кто рассмешит ее, за того и замуж выйти. Видишь, она сидит на балконе, а на площади по-всякому стараются, как бы рассмешить царевну, но придумать ничего не могут!

Ну, делать нечего, мостом идти нельзя, пошел солдат позади перил. Но шинель-то у него была рваная, как-то за гайку дыркой задел, и сдернуло его с моста в Неву. Вдруг, откуда ни возьмись, — мышь, жук, рак, солдата из Невы вытащили, и как раз против Зимнего дворца, где стояла царевна на балконе. Вот мышь разувает его, жук портянки выжимает, а рак вилки свои расставил да на солнышке портянки и сушит. День-то был хо-роший!

А царевна на балконе увидела, рассмеялась и в ладони захлопала:

— Ой, как хорошо за солдатом ухаживают!

Ну, солдата сейчас же забрали, привели к царю, царь и говорит:

— Так вот что, солдат, царское слово назад не берет-ся, и дочернин зарок я должен исполнить, выдать за вас замуж дочку!

Ну, недолго думавши, честным пирком да за свадьбу.

Да недолго солдату пришлось жить у царя, захотелось ему домой. Царь и говорит ему:

— Чтобы тебе, зять, пешком не идти, дам тебе я лошадь!

И дал он ледяную кобылу, гороховую плетку, синий кафтан да красную шапку. Вот солдат сел на кобылу и поехал домой.

Ну, на такой кобыле круто¹ не поедешь. Ехал он целую зиму до Пудожа, весной остановился на Филимонихе. День-то был веселый, жаркий, заснул солдат, ледяная кобыла и растаяла, а гороховую плетку сороки да вороны расклевали, остался у него синий-кафтан да красная шапка, и пошел солдат на Заречье пешком. Идет он по деревне Истоминой, а ребята и кричат:

— У Федьки синий-кафтан!

А ему почудилось «скинь кафтан». Солдат кафтан снял да и повесил на кол и пошел дальше. Идет по деревне Сешиной, а ребята кричат:

— У Федьки красная шапка!

А солдату почудилось «крадена шапка». Он и ее на кол повесил. Перешел через деревню, а тут хлебные зароды², ворона сидит и каркает:

— Бурлак идет! Бурлак идет!

А сорока на колу кричит:

— Чики, чики из Питера, чики, чики из Питера!

Дошел солдат до дому, петух у крыльца кричит:

— Без денег, без денег!

Заходит в сени, а курица на сарае сидит кричит:

— Как это так? Как это так? Как это так?

Зашел в избу, а кошка с печи прыгнула и кричит:

— Профурал, профурал, профурал!³

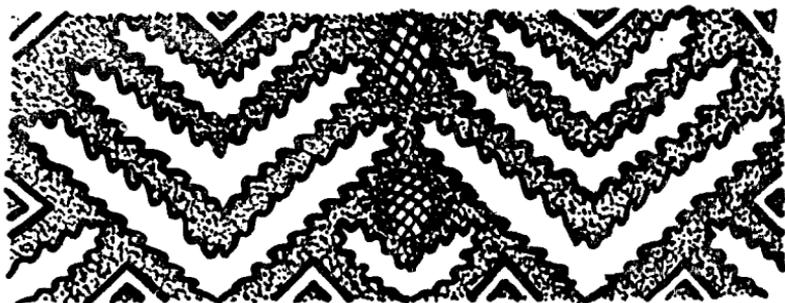
Вот так ничего у солдата и не осталось.

¹ Быстро.

² Скирда не круглой, а продольной кладки.

³ Раскидал все по дороге.

ОХОТНИК

Охотник ходил охотиться и случилось ему заблудиться. Трое суток плутал он по лесу, истощал, сильно есть захотел. Кого-нибудь хоть подстрелить бы, покушать сварить! Немного прошел, смотрит, летит орел. Ох, орла бы подстрелить!

Взял ружье и хочет стрелять. Орел кричит:

— Василий, не бей меня, я тебе пригожусь!

Он ружье опустил, не стал бить: «Что такое, птица говорит!» А сам голодный идет дальше. Попадается лиса навстречу. Хочет лису он подстрелить. Лиса тоже взмолилась:

— Василий, не бей меня! Смотри, я тебе пригожусь.

Ну, он опять пошел прочь. Вышел к морю. Достал из сумки удочки и забросил в море. Выудил рыбину. Рыбина тоже взмолилась:

— Василий, отпусти меня в море, я тебе пригожусь!

Бросил все и пошел опять вперед. Увидел — стоит огромный дом. Заходит в этот дом. В этом доме жила волшебница.

— Ах, — говорит, — добрый человек, не желаешь ли ты меня замуж взять? Если сможешь от меня скрыться, через сутки не найду — возьмешь меня замуж. А если найду, то голове твоей на плаху.

Василий осмелился все-таки:

— Давай, накорми меня и пойду, скроюсь от тебя. Будь что будет!

Пошел он в лес, подошел, видит — орел сидит:

— Ах, Василий, давай-ка я так тебя скрою, что будет не найти волшебнице.

Сел Василий на орла, и поднял его орел на облака. Посадил его в свое орлиное гнездо, крылья раскинул и всего его закрыл.

Тогда эта волшебница достает из-за зеркала волшебную трубу и начинает водить по земле. Водила, водила, нигде увидеть не может:

— Ну что ж, неужели труба мне не стала служить? Такие ли молодцы у меня скрывались, и то, бывало, сразу найду. Неужели этого охотника я не смогу разыскать?

Повела волшебной трубой по облакам и увидела орлиное гнездо. Смотрит, сидит орел и под орлом каблук виден:

— Ах, вот он куда скрылся! Ну, все-таки молодец!

Прошли сутки, орел опустил его на землю, и приходит он к этой волшебнице.

— Ну что же, Маруся, видела ли, где я был?

— Да, — говорит, — видела! Только целых семь часов я искала тебя, едва-едва нашла. Еще иди, посмотрим, сможешь ли скрыться.

Василий закусил и опять пошел: смерть, так смерть. Приходит он к морю, приплывает рыбина, которую он отпустил:

— Ну что, Василий, пошел скрываться? Давай, я скрою!

Позвала она морского кита. Кит подошел к берегу и открыл рот. Василий взошел ему в рот, и кит поплыл в пучину моря. Но уж волшебница берет свою трубу и начинает искать его. Начала водить волшебной трубой по земле, по облакам, не может никак увидеть, начала наставлять трубу на воду, как раз в то время кит хамкнул, и увидела она от кафтана полы уголок.

— Вот так славно скрывается! Еще дольше искала, часов девять на этот раз.

Прошли сутки, кит подходит в берег и выпускает Василия на берег. Приходит Василий к волшебнице и спрашивает:

— Ну что, Маруся, смогла ли ты найти сегодня меня?

- Едва разыскала, — говорит.
- Ну, ладно. Где я был?
- Был ты у кита во рту, но не мог, — говорит, — скрыться.
- Дай еще раз скрыться, тогда руби голову.
- Волшебница еще разрешила:
- Иди, скрывайся последний раз. Если не найду, возьмешь меня замуж.
- Тогда Василий вышел в лес. Бежит лиса:
- Ну, вот, Василий, я вижу, что ты пошел скрываться от волшебницы. Давай-ка я тебя скрою, пойдем к моей норе.
- Привела лиса к норе.
- Только там у меня не обидь детушек!
- Залез Василий в нору и лежит там, а лиса в окошечко зачихалась головой вперед, а хвост оставила на воле. Волшебница берет свою трубу и начинает искать. Сколько водила, нигде не может найти. Много раз наводила на нору, но видела только хвост лисий. И никак не могла больше разыскать, бросила волшебную трубу на иол.
- Ну, придется за этого молодца пойти!
- Прошли сутки. Василий идет к этой волшебнице и думает себе: «Наверно, разыскала. Сегодня последний день моей жизни!» Приходит к волшебнице:
- Ну что, Маруся, нашла ли меня?
- Нет, не могла найти. А где ты был?
- А не будешь рубить головы, тогда скажу.
- Нет, не буду!
- Был я у лисы в норе.
- Фу ты! Сколько раз я на нору смотрела и не могла увидеть, до чего хитрая эта лиса!
- Взяла она Василия к себе и стали жить-поживать, добра наживать.

ПРО ЕРША ЕРШОВИЧА

Ершишка-плутишка, худа головишка, елюноватый нос, хореватый хвост, на ерше кожа, как словая кора. Собрался ершишка со своєю женой, с детишками по вербовые дровинки. Сел и поехал со своего Корбозерского озера в Ростовскую реку, с Ростовской реки в Ростовское озеро. В Ростовском озере разжился, расплодился. Сыновой женил, дочерей замуж выдал, лещей — жильцов ростовских — разогнал по мхам, по болотам, по тухлым местам.

Лещи, жильцы ростовские, по три года хлеба-соли не едали, светлой воды не пивали, с голоду помирали. Остальные стали вместе собираться, думать, гадать: надо, ребята, на ерша прошение подать.

Думали, гадали, гербовый лист написали, в судебное место отослали, к палтус-матушке рыбе.

— Палтус-матушка рыба! Суди ты нас с ершом, разбери наше заявленье.

Палтус-рыба собрала рыб крупных и мелких. И стали думать, гадать, кого за ершом послать.

Думали, гадали и рыб разбирали, избрали рыбу-треску:

— Тресчина, пльви и ерша в суд веди.

Тресчина и поплыла. К ершу приплыла:

— Ершишка-плутишка! Палтус-рыба велела тебя в суд вести!

Ерш расширил свои рупачи¹, к тресчине повернулся и говорит:

— Рыбу-треску порют и полощут по песку!

Тресчине стыдно стало и назад приплыла к палтус-рыбе.

Палтус-рыба говорит:

— Что ерш сказал?

— Ерш сказал, что рыбу-треску порют и полощут по песку. Мне стыдно стало.

Палтус-рыба говорит:

— Ну, кого же пошлем за ершом?

— Пошлем палима нашего. Поймай ерша, в суд веди.

Палим приплыл к ершу и говорит:

— Ершишка-плутишка! Палтус-рыба велела тебя в суд вести!

Ерш расширил свои рупачи и говорит палиму-меньку:

— Уменька губы толсты, зубы редки.

Меньку стыдно стало, и поплыл он назад.

Палтус-рыба спрашивает:

— Что ерш сказал?

— А я приплыл да сказал: «Ершишка-плутишка, тебя палтус-рыба в суд звала». А ершишка расширил свои рупачи и говорит: «Уменька губы толсты, зубы редки». Так мне стыдно стало, я и приплыл.

Палтус-рыба говорит:

— Ну, кого же пошлем? Пошлем харьюса. У харьюса губки тоненькие, платице беленькое, походочка господская, разговорунки московские.

— Харьос, плыви и ерша в суд веди!

Харьюс поплыл и к ершу приплыл. И ершу и говорит:

— Ершишка-плутишка, нельзя ли будет в суд? Палтус-рыба просила вас в суд!

— Ох, харьюсок, я люблю тебя: у тебя губки тоненькие, платице беленькое, походочка господакая, разговорунки московские. Ну, пойдем!

Харьюс впереди плывет, а ерш вслед за ним.

И приплыл ерш к палтус-матушке рыбе. Палтус-рыба ерша и уговаривает:

¹ Колочки.

— Ершишка-плутишка, послушай ты меня: леши, жильцы ростовские, жалуются на тебя. Возвратись ты в свое Корбозерское озеро.

Ерш думал, думал:

— Ну, палтус-рыба, тебя надо будет послушаться, а их бы и не послушал.

Да приплыл ершишка ко своей жене, к детишкам, да сложился ершишка со своей женой, с детишками на вербовые дровнишки, да поехал ершишка со своей женой, с детишками на вербовых дровнишках с Ростовского озера в Ростовскую реку, с Ростовской реки в Корбозерское озеро.

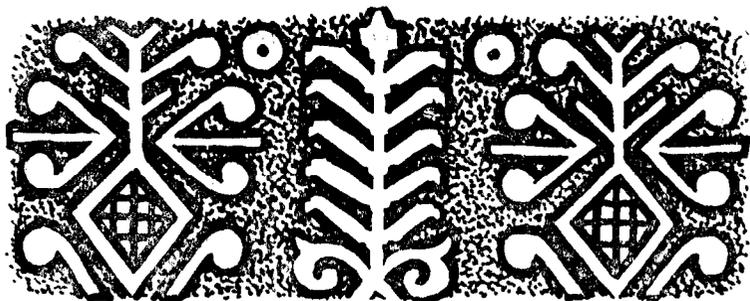
В Корбозерском озере разжился, расплодился.

Начали ловцы ловить, из ершей уху варить.

Какова, ребята, рыба, а уха хороша!

Моя сказка вся.

ИВАН-КНЯЖЕНЕЦКИЙ СЫН

некотором царстве, в некотором государстве жил-поживал князь. У него была жена, три дочери и сын. Сперва умерла жена, потом и сам князь сделался труден-труден¹ и призывает он сына Ивана к своей трудной постели. И говорит сыну:

— Вот что, Иван, владей царством и сестрами распоряджайся. Кто первый посватается, за того и выдавай.

Отец умер. Остался Иванушка с тремя сестрами, и так ему грустно стало!

— Пойду, похожу, постреляю гусей да лебедушек — все время проведу.

Пошел в леса дремучие, болота тонучие. Попадает ему навстречу солдат.

— Здорово, Иван-княженецкий сын, далеко ли идешь?

— Да вот охотиться, побить гуськов да лебедушек. А вы далеко ли, человек военный, идете?

— А я иду к вашей милости! У вас есть сестра, нельзя ли мне ее посватать?

— А отчего нельзя — пожалуйста, приходите.

¹ Болен.

Иван остался в лесу, а солдат дальше, по своему делу.

Приходит Иван домой, старшей сестры дома нет. Говорит он сестрам:

— Где Катерина?

— Ой, братец Иванушка, пришел какой-то военный, увел сестру. Только мы Катю и видели!

— Ну что ж, — сказал Иван, — поживем и трое.

Так и отдал Иван старшую сестру. Жалко ему ее, от скуки опять в лес пошел. Опять ему навстречу военный.

— Что, Иван-княжепецкий сын, нет ли у тебя сестрицы? Я хочу ее посватать.

Иванушка говорит:

— Есть у меня сестрица.

Приходит Иван домой — и средней сестры нет. Младшая сестра плача говорит:

— Ой, братец родимый, я одна осталась у тебя. Ты куда-нибудь уйдешь, как же я буду одна?

— Что же, сестрица, знать, наша доля такая!

Не грубит брат сестры¹, живет с ней в грустности и печали. Опять с тоски берет Иван ружье и в лес идет. Только со двора вышел в поле — опять ему навстречу военный.

— Здравствуй, Иван-княжепецкий сын!

— Здравствуй, военный человек!

— Я хочу твою сестру посватать.

— Ну что же, приходи. Сестер замуж выдаю, а пира не вижу. Не то обидно, что выдаю, а то, что теряю.

Приходит Иван домой, в один угол поглядит, в другой посмотрит — нигде никого! Сердце опечалилось, голову повесил: нигде никого у него нет. Ночку провел, утром встал:

— Ну, нечего мне одному жить, пойду искать себе невесту — Елену-красу, золоту косу!

И пошел он низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли. Стоит хатка — вся обросла мхом. Он и говорит:

— Пособи, господи, зайти и выйти в эту хатину — какая она грустная и темная!

¹ Не обижает.

Зашел в фатерку¹, выходит к нему женщина, бросилась ему на шею.

— Ой, братец родимый, как ты сюда попал?

Угостила его сестрица: а солнце уже к полудню пещет. Вдруг стало темно так, что он едва сестру видит в хатке.

— Почему это, сестрица, стала темная ночь?

— Братец родимый, это не ночь, а это Ворон Воронич скоро прилетит — мой муж.

Только проговорили, входит в избу мужчина.

— А, здравствуй, Иван-княженецкий сын, какими путями сюда зашел? Далеко ли путь ведешь?

— А вот так и так, зятюшка названный, думаю жениться, искать Елену-красу, золоту косу.

— Ой, Иванушка, напрасно ты в чужие края свои кости несешь, ничего тебе там не взять!

— Ну, двум смертям не бывать, а одной не миновать — куда пошел, туда и пойду!

— Ну, раз так, возьми эти перчатки, — они тебе в пути-дороге пригодятся!

Ночевал Иван ночку и пошел путем-дорожкой, куда путь идет. Шел-шел, видит, дымок встает и халуночка показалась, только расстояние большое-большое. Заходит в фатерку. Выходит к нему женщина, бросилась ему на шею:

— Ой, здравствуй, Иванушка, думала тебя век не видеть, а ты разыскал меня!

Кормит, поит, угощает, кланяется. В фатерке было темно, плохо, вдруг стал свет, будто каждое место горит.

— Сестра, почему это у вас так? Точно горит что-то?

— Это летит Сокол Соколович — мой муж, а твой зять. Это от его пера такая светлота.

Пал сокол на землю, стал молодцем, заходит в квартиру.

— Ой, — говорят, — Иван-княженецкий сын, далеко ли идешь, далеко ли путь ведешь?

— Путь мой такой — пошел я в те края, где живет Елена-краса, золотая коса — хочу пожениться.

— Напрасно ты туда идешь, в чужие края кости несешь. Тебе там не бывать и ее не видеть. Ну, раз пошел,

¹ Лесная охотничья избушка (от *квартира, квартирка*).

на тебе чару двенадцатирожковую, с каждого рожка разное пиво бежит.

Пошел опять Иван своей дорогой, куда ему идти надо. Шел он низко ли, высоко ли, близко ли, далеко ли. Приходит, дом стоит большой, хороший. Зашел Иван в него, а там его младшая сестра. Обняла она его и заплакала:

— Думала, тебя, братец, век не видать, а вот увиделась!

Вдруг ветер завыл, вот-вот дом набок свалит.

— Что же, сестрица, ветер такой большой подул?

— Это, братец, не ветер, а летит Орел Орлович. Это от его крыльев ветер идет.

Прилетел орел, пал на землю, молодец стал, в хату заходит.

— А, здравствуй, Иван-княженецкий сын!

Сели, поугощались. Те басни¹, да другие басни. Орел Орлович и спрашивает:

— Как ты сюда попал, куда путь держишь?

— А вот так и так, зяюшка богодашный, сестеря выдал, теперь сам хочу жениться — пошел искать Елену-красу, золотую косу!

— Ой ты, Иван-княженецкий сын, куда ты идешь, оттуда не выйдешь!

— Ну, двух смертей не будет, а одной же миновать. Куда пошел, туда и пойду.

— Ну, вот тебе гусли-самогуды! Они тебе пригодятся.

Пошел Иван, куда ему путь гласит, что задумано, то и сделано. Шел, шел путем-дорогою. Захотелось ему покушать, да кушать нечего.

— Поглядеть хоть зятьев подаренья!

Вынул он из перчатки платок, и стала вдруг из него скатерточка-хлебосолочка, и тут Иван покушал. Не того жалко, что мало съел, а того, что много осталось. Свернул ее Иван на четыре уголка да и спрятал в перчаточку. Перчаточку — в сумочку, все сложил и пошел.

Приходит он к тому царству, где живет Елена-краса, золотая коса. Слуги его не пускают, он домогается. Пропустили его, наконец, к ней.

¹ Разговоры.

— Здравствуй, Елена-краса, золотая коса!

— Здравствуй, добрый человек! Как ты сюда попал?

— А вот я, Елена-краса, золотая коса, помогаюсь тебя посватать!

— Посватать? Ведите его в столовую, накормите, напоите, а потом пусть сватает.

Под руки Ивана захватили и повели, как гостя-именинника. Привели его в такое место, где ни окоп, ни дверей, подтолкнули да дверь захлопнули. Женихов-то там полно темница, да все голодные (наверное, не один год лежат, который может, — говорит, который — нет).

— А, опять жених?!

-- Да, жених.

-- С голоду не помер, так помереть здесь!

Иван развернул скатерточку-хлебосолочку, всех напоил, накормил.

А Елена-краса, золотая коса, каждый день за мертвецом посылает — хоронить. Слуги приходят, а женихи живы, на ноги встали и ходят, все стали хороши, веселы. Слуга вернулся назад — нет покойника. Приходит слуга к Елене-красе, золотой косе:

— Ну, Елена-краса, золотая коса, не дождался тебе покойника, раз туда человек такой попал.

— Веди-ка его сюда, -- говорит Елена-краса, золотая коса.

Пришли слуги за Иваном, подхватили его под руки.

-- А ну-ка, скажи, как это в моей темнице все сыты и пьяны стали? — говорит Елена-краса, золотая коса.

— А вот пойдешь за меня замуж, так увидишь, какая у меня скатерточка-хлебосолочка.

— Отдай мне ее! — говорит Елена-краса, золотая коса.

Взял Иван и отдал скатерточку-хлебосолочку.

— Ведите его обратно!

Привели его обратно в темницу. Все его радостно встречают.

— Ну, вот была у меня скатерточка-хлебосолочка, так я всех кормил, а нынче — не век с вами жить, а вам меня век помнить.

И напоил Иван их из двенадцатирожковой чары разными пивами. Все пьяны, поют, пляшут. Такой шум поднялся, что Елена-краса, золотая коса, испугалась:

— Ну-ка, слуги, ведите его сюда, это его дело!

— Ну-ка, Иван, тебя вызывает Елена-краса, золотая коса!

Привели Ивана к Елене-красе, золотой косе.

— Откуда пиво берешь, Иван-княженецкий сын?

— А я могу все твое царство пьяным панонть: у меня чара двенадцатирожковая, из каждого рожка пиво разное бежит!

— Отдай ее мне!

— Если замуж пойдешь — отдам!

— Пойду, отдай только.

Отдал ей чару Иван двенадцатирожковую. Ну, Ивана обратно в темницу отвели. Взял Иван гусли, да так заиграл, что и Елена-краса заплясала наверху.

Ведите его сюда, это его дело!

Приводят Ивана к Елене-красе, золотой косе.

— Откуда это у тебя, Иван, такое веселье?

— А есть у меня гусли-самоуды, от всякой печали развеселят!

— Отдай их мне!

— А вот замуж пойдешь — отдам.

Ну, договорились, богу помолились, пора свадьбу играть.

Вот тебе ключи, открывай мои покои да помогай мне добро посить, а потом и к венцу поедем.

Иванушка одиннадцать дверей открыл, все высмотрел, хочет двенадцатую открыть, отмыкает, а там змей на железной цепи. Ивана страх одолел.

— Ах, Иван, раскуй меня, два века проживешь.

— Ну, ладно, откую, теперь мне только и пожить с Еленой-красой, золотой косой!

Расковал змея Иван, а змей схватил Ивана, в чисто поле потащил, на куски разгрыз, да по полю развезал.

А Ворон Воронович, когда его отравлял, бутылочку крови паливал. Если через край польется — быть Ивану убитому.

— Вот уж, женушка, у тебя братца живого нет!

Ворон Воронович на чисто поле полетел, куски собрал, Сокол Соколович живой воды достал — Иван живой очнулся. Орел Орлович его домой забрал.

— Ну-ка, Иван, думаешь ли ты жениться на Елене-красе, золотой косе?

— Ну, уж что задумано, то сделано — все равно пойду туда!

Справился и пошел Иван, куда голова несет. Зашел в кузницу, сковал шляпу железную, посошок железный. Шел, шел, попался ему волк. Подумал Иван: «Хоть волка убью да съем!»

А волк говорит:

— Ой, Иван-княжецкий сын, отпусти ты меня на волю, я тебе пригожусь!

Отпустил его Иван.

— Ну, ладно, иди

Шел, шел Иван — попался ему медведь.

— Эх, хоть медвежатины поесть! Что поем, что в мешок положу.

Медведь и говорит:

— Ой, Иван-княжецкий сын, отпусти ты меня на волю, я тебе пригожусь

Опять отпустил Иван медведя. Опять шел Иван, а на дороге осиное гнездо — осы, что воробьи летают.

— А разорю я это гнездо, — говорит Иван.

Говорят осы:

— Не разорь нас, мы тебе пригодимся!

Ну, ладно, пусть живут, ничего они мне плохого не сделали!

Обошел осиное гнездо и видит, на дороге старушка.

— Ой, старушка, старушка, нет ли у тебя кусочка хлеба прохожему?

— Вижу, Иван-княжецкий сын, твою бедность. Сидись, покушай. Много ты страданий пережил, но все еще страдания впереди.

— Ох, бабушка, как бы моему горю помочь?

— А вот тебе надо на остров попасть в пастухи, а нет, так не достанешь невесты!

В море-океане, на острове Буяне живет Баба Яга, у ней тридцать три жеребца, надо их пасти. Иванушка шел, шел, шапку прутьями расхлестало, лапти все истоптал, посошок коротенький стал. Приходит Иван к синему морю. Глядит на остров, как бы туда на остров попасть, а кругом сине-сине, вода и небо — не попасть туда. Только на берег сел — волк бежит. Рассказал ему Иван свое горе. Подставил волк свою спину, и посадил Ивана, и поплыл с ним на остров. Привез его туда. Утром Иван в пастухи нанимается к Бабе Яге.

— Нет ли у тебя, бабушка, работы для меня?

— Если хочешь, паси моих жеребцов, только к каждой ночи домой их пригнать. Справишься — в расчет конь¹!

Нанялся Иван в пастухи. Утром жеребцы как вырвались, кто куда. Сидит Иван и плачет: «Убьет меня Баба Яга!»

Только темно стало — визготня, тэпотня: ведет волк всех жеребцов домой. Баба Яга жеребцов бьет, колотит. «На то ли вас выпустили, чтоб домой прийти!»

Баба Яга поит Ивана, кормит. Утром наказывает жеребцам.

— Если придете домой — живы не будете.

Утром Иван встал:

— Выпускай, бабушка, жеребцов!

Как выпустила Баба Яга жеребцов, те — кто куда, только их Иван и видел. Кошюшки ушли, а Иван пригорюнился: «Съест меня Баба Яга!»

Солнце село, заря потухла. Вдруг визготня, тэпотня. С рыком, с визгом жеребцы домой идут. Их медведь пригнал, а Иван как пастух сзади идет:

— Бабушка, получай жеребцов!

Баба Яга ругает жеребцов:

— Что вы не слышали рыку звершого, свиста соловьиного, домой пришли!

Кормит опять Ивана на третий день.

— Ну, если вы домой еще раз вернетесь, — наказывает она коням, — так вспомните меня!

Утром кони опять кто куда. Опять Иван пригорюнился: «Съест меня Баба Яга, некому мне помочь!»

Только солнце закатилось, напали на жеребцов осы, жеребцы свету не видят, бегут к дому. Баба Яга говорит:

— Что ж это такое? Опять все домой пришли!

Заперла коней, а Ивану говорит:

— Выбирай завтра коня!

А сама взяла с коня, которого назначила Ивану, всю удачу сняла.

Вышел Иван выбирать — все кони одинаковые. Один конь и говорит Ивану:

— Бери меня себе. Назначен тебе другой конь, да с него удача вся снята.

¹ За работу дам коня.

Взял Иван себе коня, какого нужно, сел да поехал, а Яга спать пошла. Встала она — ни селá, ни света, ни мила живота¹ — весь двор пустой.

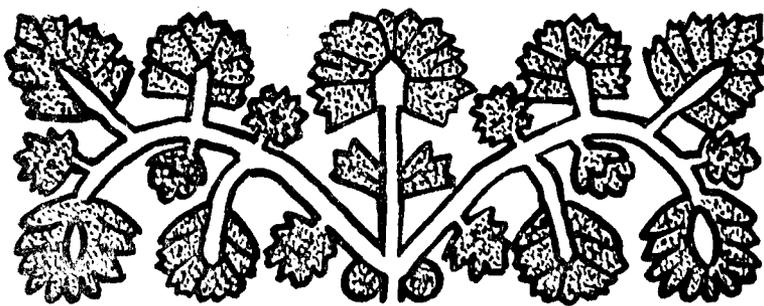
— Ой, конь-то угнан самый лучший и остальные разогнаны, догнать не на чем. Рано лиса в норку забралась — на человека нарвалась!

Приехал Иван к Елене-красе, золотой косе. У Елены-красы, золотой косы, еще старше этого коня есть: этот конь как услышал брата, узды перервал, двери переломал — навстречу бежит. Они стали с Еленой-красой, золотой косой, договариваться, стали собираться и поехали в государство к старшему зятю.

Собрал Иван всех зятей на великий княжесцкий пир. И все там наедались и все там напивались, и я там была и мед пила, по усам текло, а в рот не попало.

¹ Имущества.

ГОРЮШКО

ил-был купец да купчиха. У них была одна дочка Нюша. Эта дочка ходила к бабушке-задворенке. И все бабушка говорит:

Ох-ох-ох, мое горюшко, мое лютое!

Нюша у нее и спрашивает:

— Бабушка, что это за горюшко?

Бабушка и говорит:

— Нанеси мне кружки-мучки да чайку-кофейку, я тебе и покажу, какое это горе.

Она молча от отца и от матери наносила всего, что та велела.

Бабушка и говорит:

— Теперь возьми бурачок¹ и пойдём в лес.

И пошли они в дремучий лес. Бабушка и говорит:

— Нюша, набери здесь ягод, а я сейчас приду.

И ушла, а ее оставила в дремучем лесу. Она брала-брала ягоды, ждала-ждала бабушку. И давай кричать:

— Бабушка! Бабушка!

Кричала-кричала, ни слуху, ни духу. Вот и узнала она, что такое горюшко.

Шла она, шла, блудила-блудила да и ко дворцу пришла. А над воротами видит, толстая-претолстая книга

¹ Берестяной короб с крышкой, туюсок.

положена. И на этой книге написано: «Кто эту книгу в три года прочитает, тот не умрет и всех во дворце разбудит. Если красна девушка, будет Ивану-царевичу невестой, если молодуха — сестрой, стар человек — отцом».

А во дворе все снят забудущим¹ сном. Она книгу сняла и стала читать. Да надо читать, да три года не спать, а то сама заснешь навек.

Так и год прошел. Уж ей скучно стало и спать хочется. Поест-пошьет—и опять читать. Так второй год прошел. Уж на третий год такая ей скука стала, что просто страх. И пошла она к сию морю. Видит, корабль плывет. Она и закричала:

Уж вы, славные гости-корабельщики, дайте мне худенькую черненькую девчоночку, чтоб хоть год дожить.

А корабль мимо проплыл.

Вот опять корабль плывет:

Ох, вы гости-корабельщики, отпустите-ка мне худенькую девчоночку, чтоб хоть год прожить.

Ну, а корабль мимо идет. Через некоторое время приходит она к сию морю, видит, корабль плывет:

— Ой, вы гости-корабельщики, скука меня засла, отпустите-ка мне худенькую, черненькую девчоночку, чтоб хоть год прожить.

Корабль остановился и лодку спустил и худенькую да черненькую девчоночку привез. Она ее напоила-накормила, одела да вымыла. Потом ей и говорит:

— Почитай хоть сколько-нибудь, а я на минуточку лягу да засну.

Та говорит:

— Ладно-ладно, ложись.

Она легла спать, а та давай книгу с начала смотреть и увидела, что если девушка почитает, так Иван-царевич ее замуж возьмет. Давай читать скорее, торопится. И Нюша не разбудила.

Вот третий год прошел, и все проснулись. Иван-царевич Чернавку замуж берет, а Нюша спит забудущим сном.

Вот и свадьбу готовят. А Иван-царевич и спрашивает Чернавку:

— Что за красавица лежит? Верно, книгу не дочитала. А Чернавка и говорит:

¹ В забытье.

— Да, заснула, не дочитала. А я пришла, так три года читала.

А Нюша в самую свадьбу проснулась, такая невестая.

Ивану-царевичу Чернавка не нравится. После свадьбы Чернавке платье привез, а Нюше лучше. А та молчит, ничего не говорит и платье не берет.

— Иван-царевич, — говорит, — привези мне золотую куколку да булатный ножичек.

А он и думает: «Не привезу ей. Куда ей с куколкой да булатным ножичком?» И все-таки однажды привез.

Она у себя в горнице намыла, настряпала да шир приготовила. А Иван-царевич у дверей встал и слушает, что она с куколкой будет делать.

Она куколку за стол посадила, угостила и давай ей свою судьбу рассказывать. Все и рассказала. Словно причитывает:

— Ой ты, куколка, да ты родимая,
Ай стяслось со мной да горе лютое,
Подкосылись да мои ноженьки,
Опустылись да мои рученьки,
Потускнели да мои глазышки!
Ай жила я у родителя богатого,
Да ходила я ко бабушке задворенке,
Да не знала я горя лютого.
Отвела меня бабушка в дремучий лес,
Дошла я до двора высокого,
Там все спали забудушим сном...

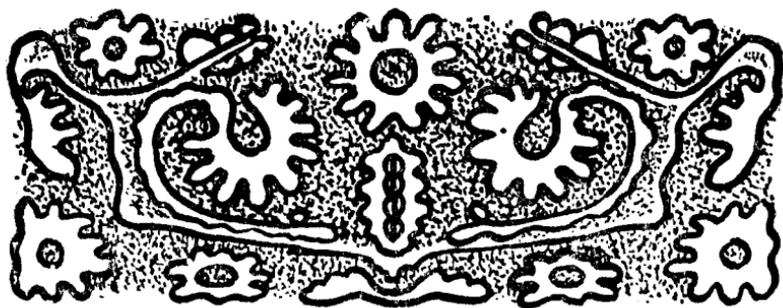
Тут она все куколке рассказала про девку Чернавку и про все. Да и плачет:

— А теперь только взить-то мне
Да булатный острый ножичек,
Да заколоть мое ретивое сердечушко...

А Иван-царевич прибежал, ножик у шей из рук выхватил.

Потом он взял ее замуж, а Чернавку к жеребцам привязали да в чисто поле и пустили.

АНДРЕЙ-СТРЕЛЕЦ

Р некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и он был холост. У него было двенадцать стрельцов, и один был стрелок Андрей — на лету сокола стрелял.

И вот их охота выходила как: шесть дней они работали для царя, а седьмой день — для себя. Так он прожил у него пять лет и все на одной работе. Ну, ему показалось — малый заработок. Потом подумал: «Давай еще поживу этот месяц, схожу еще раз для себя поохотиться, а потом уйду».

И вот он раз пошел на охоту для себя, в седьмой день. Вышел он, целый день ходил по лесу и никого не видел. Потом идет уже близко к городу: смотрит, сидит на лесной соколища.

— Ну, давай подстрелим хоть эту.

Вот он ее подстрелил, она упала. Он ее поднял и хотел свернуть ей голову, и вдруг соколища заговорила человеческим голосом:

— Вот что, Андрей-стрелок, не рви моей головы, а иди домой. Когда принесешь домой, сядешь чай пить, положи меня на окно. Потом брось за окно и увидишь, что будет. Хочешь бери себе, а нет, так отдай людям.

¹ На дереве.

Вот он когда стал чай пить, положил ее на окно, потом бросил за окно. Оказалась перед ним девушка, что цветет. И он на нее смотрит, слова промолвить не может. Она и спросила:

— Ну что, Андрей-стрелок, людям отдашь или себе возьмешь?

— Себе возьму!

— Ну, себе, так ладно, только умей держать.

Вот стала она с ним жить. Пожили они с ним неделю, она и говорит:

— Андрей, ты наверно, бедно живешь?

— Да, как видишь сама.

Вот она и говорит:

— Вот что, Андрей, есть ли у тебя кто из знакомых, чтобы тебя выручили на сто рублей, сходи и попроси. Когда получишь эти деньги, завори в магазин и принеси мне сто аршин шелку, а я из него буду шить ковер.

Андрей пошел к одному знакомому купцу, его звали Иваном.

— Вот, — говорит, — дайте мне, пожалуйста, двадцать рублей денег.

— А на что тебе?

— Да сам знаешь, нужда.

— На что тебе двадцать, нá, я тебе дам сорок.

Он его поблагодарил и пошел к другому знакомому купцу.

— Вот что, друг, дай мне рублей двадцать денег, очень нужно.

— На что тебе, Андрей; я уж тебе дам сорок.

Взял он, у него уже стало восемьдесят, надо еще ему двадцать.

Заходит к третьему купцу:

— Вот что, друг, выручи меня на десять рублей!

Тот дал ему двадцать. Вот у него стало сто. Когда он получил эти деньги, заходит в магазин, купил сто аршин шелку и приносит жене:

— Вот тебе, Елена Прекрасная, шелк я принес.

Она ему и говорит:

— У кого эти деньги брал, у одного купца или у трех, и по сколько они тебе давали?

— Я у первого Ивана попросил двадцать, он мне дал сорок, у второго попросил двадцать, он мне дал сорок,

у третьего десять, а он дал мне двадцать, вот у меня и сто рублей.

— Вот, Андрей, как ты получишь деньги и будешь давать, давай тоже вдвое. У кого просил двадцать, он дал сорок, то давай восемьдесят и так у всякого.

Тогда Андрей выходит на охоту на шесть дней, а она принялась за свою работу, начала шить ковер. Приходит домой, а в это время она приготовила ковер.

— Вот, Андрей, иди на рынок и продай ковер, ну только цены не назначай, кто что даст, то и бери.

Андрей стрелок берет ковер и пошел на рынок. Приходилось публике смотреть этот ковер, проходить не было. И цены никто не назначает, только смотрят. И этот ковер был так расписан: на нем был лес, реки, озера, море, птицы, рыбы и все на свете.

Потом случилось схват царскому денщику:

— Ну, что тут собрались, давайте дорогу.

Конечно, он насилу пробрался в этой публике, и давай смотреть этот ковер, и очень он ему понравился, и стал спрашивать:

— Чей это ковер и сколько он стоит?

Тогда подходит Андрей к денщику и говорит:

Этот ковер мой!

— А сколько он стоит?

— А сколько дадите, столько и возьму.

Тогда говорит царский денщик:

— Так вот, Андрей, я тебе тридцать тысяч дам, довольно будет?

— Довольно.

Вынимает из кармана деньги, дает ему и пошел. Андрей приходит к первому купцу и дает ему восемьдесят рублей, купец и спрашивает:

— Почему же, Андрей, восемьдесят, я тебе сорок давал?

— Потому, что я спрашивал у тебя двадцать, ты мне дал вдвое, так я вдвойне и платить буду.

Так и ко второму купцу, так и к третьему. Эти купцы благодарили Андрея. И приносит он остальные деньги домой, к жене:

— Вот, Леночка, я тебе принес деньги.

— А сколько дали?

— Тридцать тысяч.

— Уплатил долг?

— Уплатил.

— Ну вот, Андрей, видишь теперь мой заработок?

— Да, ничего.

— Можешь теперь хорошо пожить.

А этот царский денщик повесил ковер на стену, и случилось в это время молодому царевичу прийти к денщику и посмотреть этот ковер. Он ему очень понравился, и стал он спрашивать:

— Где ты, денщик, достал этот ковер? За сколько ты его купил?

— Я купил его на рынке и заплатил тридцать тысяч.

— У кого?

— У Андрея-стрельца.

— Продай мне его, я тебе дам тридцать пять.

Он и говорит:

— Пожалуйста, получайте, а я схожу к Андрею, новый закажу.

Вот он получил деньги, а вечером часов в десять идет к Андрею заказывать ковер. Андрей уже ложился спать, и двери были заложены¹. Вот он приходит, постучал. Андрей и говорит:

— Надо открыть, Леночка. Наверно, ктонибудь из царских слуг.

Она говорит:

— Андрей, уж ты успокоился, разделся, значит спи, а я пойду сама открою.

Приходит к дверям и открывает. Царский денщик посмотрел на нее, одну ногу через порог перенес, а другую не переносит, так и замолк, больше слова сказать не может. Вот она и начинает спрашивать:

— Зачем вы пришли, царский денщик, сам ли он вам нужен, Андрей, или для царя? Вы сами знаете, он лег спать, а утром ему нужно на охоту идти.

Ну, он все молчал. Долго она ждала его ответа, наконец, дождалась не могла, повернула его за плечи и закрыла дверь. Он все молчал и пошел домой. Наконец, отошел сажень за сто и вспомнил:

— Ах, я пошел ковер заказывать и забыл.

Когда он пришел домой, царевич у него спрашивает:

— Ну как, заказал ковер?

¹ Заперты на задвижку или заложены толстой палкой.

— Да нет!

— Почему?

— Ну, не до ковра мне было, такая у Андрея жена хорошая, такая красавица!

Тогда он ему сказал:

— Ну, ладно, я сам схожу, закажу ковер и посмотрю, что у Андрея за жена.

Молодой царевич пошел к Андрею часов в восемь. Когда он пришел, Андрей уже разделся, ложится спать. Двери, конечно, были закрыты. Когда постучали, Андрей и говорит:

— Елена Прекрасная, я сейчас оденусь и схожу.

— Нет, нет, Андрей, коли ты уже разделся, я сама схожу открою.

Елена открыла дверь, а молодой царевич занес ногу через порог, онемел и не смог с места сдвинуться. Долго она смотрела на него, потом стала спрашивать:

— Что, молодой царевич, какая просьба до Андрея, скажите, пожалуйте, я жду? Сами знаете, Андрею надо отдыхать и идти утром на охоту.

Молодой царевич ничего сказать не может, все смотрит на нее. Она поворачивает его за плечи:

— Идите же, молодой царевич, коли не можете ничего сказать, Андрею надо спать.

И он вышел. Когда он отошел немного, вспомнил:

Ай, ай, у Андрея жена какая хорошая! Во что бы то ни стало надо у Андрея ее отнять! Или, может, добром отдаст мне ее?

Приходит он домой, и собирает своих бояр, и начинает с ними разговоры:

— Каким путем у Андрея жену отнять? Казнить его нельзя, насиловать жену нельзя, ну, одним словом, надо придумать какую-нибудь службу.

И все были согласны, чтобы дать ему службу, чтобы он от своей жены отказался или отдал ее добровольно. Долго они думали, но ничего придумать не могли. Наконец, взялся один вельможа за трое суток придумать ему службу за десять тысяч рублей.

Думал двое суток, ничего не мог придумать и считает себя в опасности. На третьи сутки пошел в лес:

— Придумаю, так придумаю, нет, так повешусь, все равно моя голова долой.

Вот идет он по лесу грустный, печальный и ничего не может придумать. И вдруг, смотрит, идет ему навстречу старушка и говорит ему:

— Что, мужичок, задумался?

А он отвечает ей:

— Что тебе от меня нужно?

Прошел немного, одумался:

— А вот что, надо, пожалуй, спросить старушку, может, она что знает. Прости, бабушка, дерзкое слово, может, ты знаешь, что я думаю.

Тогда она ему и говорит:

— Вот что, милый, вперед бы ты так; старых людей не обегай. Поди, скажи царю. Пусть сходит Андрей за тридевять земель, в тридесятое царство на остров Буян, принесет овечку-золоту головку. Дать ему судно текущее и команду пьющую, он туда уйдет — назад не придет. И сроку дать ему четыре месяца, не больше. Откажется он от своей жены.

Тогда этот вельможа поблагодарил старушку и говорит:

— Спасибо, сейчас пойду!

Приходит к царю и говорит:

— Ваше величество, я придумал. Дать Андрею службу такую: пусть сходит Андрей за тридевять земель, в тридесятое царство на остров Буян, принесет овечку-золоту головку. Дать ему судно текущее, команду пьющую, он туда уйдет, назад не придет.

Вот этот царевич сказал ему:

— Ну, спасибо!

Посылает слугу за Андреем.

— Позвать его, что он мне скажет?

Когда пришел слуга к Андрею, объявил ему, что царь его звал, стал Андрей думать:

— Зачем меня царь звал?

Говорит Елена:

— Вот что, Андрей, иди к царю, есть тебе служба. Когда придешь к царю, он тебе скажет: «Вот что, Андрей, отдашь свою жену, никакой тебе службы. Если не отдашь, вот тебе служба». Скажи ему: «Ладно, грузите корабль вином и хлебом». И рядись¹ с ним, не соглашайся меньше четырех месяцев плыть.

¹ Договаривайся.

Андрей пошел к царю. Приходит к царю и позторовался.

— Вот что, Андрей, какое дело. Отдай мне жену. Если отдашь, я тебе и не скажу, какая служба; если не отдашь, вот тебе служба

Отвечает Андрей царю так:

— Я женился, Ваше величество, для себя, а не для людей, и не согласен. Грузите корабль хлебом и вином.

Обрядились с ним сроком на четыре месяца.

— Если не привезешь, то твоя голова с плеч! — так царь поставил.

«Ну, — думает, — не спосить мне головы, не достать мне за четыре месяца ничего».

Вот Андрей приходит домой и залезя горькими слезами:

— Ну, Елочка, больше мне тебя не видать!

А она ему отвечает:

— Ступай, Андрей, это не служба, а службца, а служба будет вся впереди. Последим, ложись спать, а утро вечера мудренее.

Пожинали они, легли спать; поспала она до полночи, потом встала, вытащила из кармана волшебный платок и махнула им. Выскочило оттуда три молодца.

— Чем тебе послужить, Елена Прекрасная?

— Вот, ребятки, какое дело будет: нужно сбегать в два часа за тридцать мерей, в тридцатое царство, на остров Буяи, принести оттуда овечку-золоту головку.

Ребятки через два часа принесли овечку-золоту головку, она берет ее, пакует в ящик и ложится спать. Поспали они до шести часов. Елена встала, самоварчик согрела и стала будить:

— Андрей, вставай, надо пойти, поехать в дорогу!

Андрей пошел, стал справляться в дорогу и заплакал:

— Елочка, до свидания, больше мне тебя не видать!

— Андрей, не плачь. Ты думаешь, царь меня возьмет? Нет, не видать ему меня, как своих ушей!

Вот она ему подает ящичек:

— Когда придешь на корабль, поплывете, пройдет два месяца, будет тихая погода. Во время такой погоды напой всю команду пьяной, чтобы ни одного трезвого не было и поворачивай судно. В этом ящичке овечка-золота головка.

Стал прощаться Андрей-стрелец и заплакал. Она вынимает платок из кармана, обтерла его и говорит:

— Ну, Андрей, иди, ничего не бойся, никуда я не денусь!

Так с теми словами Андрей и пошел на пристань.

Как только Андрей ушел, отправил царевич отряд к Елесе Прекрасной. Долго они ее искали, перерыли весь дом, половицы поднимали, но найти не могли и решили, что Андрей взял ее с собой.

Приходит Андрей на пристань. Корабль уже был совсем готовый. Садятся они на корабль и пошли по морю.

Вот он шел по морю целых два месяца, потом в пятницу¹ он и говорит:

— Да что, ребята, по случаю хорошей погоды, вынем все вместе.

И началась у них попойка.

Когда он их всех напоял, было тихо на судне, он встал за руль и потихоньку поворотил судно. Была поветерка², он и говорит:

— Вот что, ребята, может ли кто-нибудь встать за руль?

Вот они плывут, погода очень хорошая. Плыли и вдруг приплывают в свое государство. Его и спрашивает команда:

— Ну, Андрей-стрелок, где мы были, за чем ходили, зачем мы вернулись в свое государство, приехали ли мы то или, вернее, достали ли то, за чем ходили?

А он отвечает им:

— Да как, ребята, неужели вы не помните?

— Да как помнить, когда все пьяные были.

— Достали.

— Ну, слава богу.

С теми словами выходят к пристани. Когда только вышли на пристань, встречается молодой царевич, сабля в руке, идет ему навстречу:

— Ну, что, Андрей, достал?

— А вот, можете посмотреть.

И дает ему ящичек. Царевич взял и пошел домой. А Андрей тоже пошел домой. Подходит к дому, Елечка

¹ В тихую погоду.

² Попутный ветер.

выбегает на крыльцо, обняла его, поцеловала и заводит в комнату, уже самовар был готов.

Вот они садятся чай пить. Елечка и спрашивает:

— Ну, как, Андрей, ходил?

— Ничего, хорошо.

— Еще тебе придется идти второй раз.

Не прошло дня, молодой царевич призвал этого вельможу, чтобы придумать Андрею другую службу. Вельможа говорит:

— Хорошо, Ваше величество, я скоро придумаю.

И идет опять эту старушку разыскивать. Идет лесной дорогой. Как только увидал эту старушку, сразу рассказал ей все:

— Ну, как, друг, ходил Андрей?

— Да, ходил.

— Ну, Андрея обмануть не хитро, а вот его жену не скоро обманешь.

— Придумай, бабушка, ему другую службу!

Бабушка отвечает:

— Ладно, я скоро придумаю. Пускай Андрей опять ходит за тридцать земель, в тридцатое царство на остров Буян, принесет свинку-золоту щетинку. Дать ему команду пьющую, судно текущее. Он туда уйдет, назад не придет.

С теми же словами пришел вельможа к царевичу.

— Ну, ваше величество, я опять придумал: пускай Андрей ходит за тридцать земель, в тридцатое царство, на остров Буян, принесет свинку-золоту щетинку. Дать ему команду пьющую, судно текущее. И срок на четыре месяца, не больше.

Вот в скором времени призывают Андрея к царю. Он и говорит Елечке:

— Опять какая-то беда, опять к царю зовут.

Она и говорит:

— Скажи царю, пусть грузят корабль вином и хлебом. Сам знаешь, взял ты меня для себя, а не для людей, умеи хранить.

— Что Вам нужно, Ваше величество, от меня?

Царь и говорит ему:

— Слушай, Андрей, куда ты жену прядешь, когда уходишь?

— Она у меня дома.

— Отдай мне ее, а то я опять тебе дам службу.

— Нет, — отвечает, — не отдам. Я женился для себя!

— Да. Вот коли ты не отдашь, то я тебе даю службу сходить за тридевять земель, в тридесятое царство на остров Буян. Принеси свинку-золоту щетинку. Даем тебе сроку на четыре месяца. Не принесешь, то твоя голова с плеч.

Тут Андрей отвечает ему так:

— Что же, Ваше величество, грузите вином и хлебом корабль, а я буду готов.

С теми словами Андрей вышел домой. Когда он приходит к Елечке, Елечка спросила его:

— Ну что, Андрей?

— Да опять служба, куда и раньше.

— Ну, ладно, Андрей, не печалься, утро мудренее вечера. Это еще все, Андрей, не служба, вот будет третья служба, па этой службе придется задуматься.

Поужинали они, легли спать. Спала она до двенадцати часов. В двенадцать часов встает, вытаскивает волшебный платок, махнула им, появились три молодца, поклонились ей:

— Что, Елечка, прикажешь сделать?

— Вот что, ребятки, сбегайте в два часа в тридесятое царство, в тридесятое государство на остров Буян, принесите свинку-золоту щетинку.

Ребятки поклонились, побежали. Не прошло даже двух часов, ребятки прибежали, притащили свинку. Она берет свинку, запаковала ее в ящик и легла спать. Встала в шесть часов, согрела самоварчик и стала Андрея будить:

— Вставай, Андрей, надо поить, поесть да в путь-дорогу отправляться.

Вот Андрей чайк попил, стал одеваться и заплакал:

— Ну, Елечка, наверно, мне тебя не видать.

— Не плачь, Андрей, ничего плохого не будет.

Когда он оделся, она дает ему ящик:

— Ну, вот, Андрей, тебе ящик, а в нем свинка-золота щетинка. Через два месяца напои команду, поверни корабль и приходи обратно. Тебе ходить никуда не надо, все у тебя в ящичке.

— А тебя царь не найдет?

— Нет, не пайдет, не видать ему меня, как своих ушей.

Когда Андрей уехал, царевич отправился к нему

домой, все перерыл, полы поднял, печи разворотил — нет ее.

— Наверно, — думает, — Андрей с собой ее взял.

А Андрей отправился на корабль. Приходит, садится на корабль, и так отправились они в путь. Плыли они два месяца до тех пор, пока не сделался штиль, то есть тихая погода. Вот, когда стихла погода, он наполнил всю команду пьяной, и, когда уж было тихо на судне, он повернул руль и начал будить команду:

— Вставайте, друзья, кому-нибудь надо за руль встать, если можете.

— Править-то хорошо, хозяин, да голова болит.

Стали подвигаться к своему государству и стали опять спрашивать:

— Андрей-стрелец, так достали ли мы то, за чем ходили?

— Достали.

— Ну, ладно, вот и хорошо.

— Да неужели вы не помните?

— Да как помнить, когда пьяны совсем были!

Когда они приплыли, вышли все на пристань, идет уже молодой царевич с мечом и спрашивает:

— Ну, как, Андрей, достал?

— Достал, можете получить, Ваше величество, исполнил.

И пошел домой.

Только приходит к дому, Елечка выскакивает на крыльцо, поцеловала его, ведет в комнату. Уж самовар был готов, сели за стол. Вот пьют чай, она и спрашивает:

— Ну, как, Андрей, сходил?

— Да, ничего, хорошо.

— Ну, ладно, и впредь так будет.

Не прошло двух дней, царевич разыскал этого вельможу, чтобы придумать третью службу и во что бы то ни стало отнять жену у Андрея:

— Вот что, друг, ты придумай-ка еще третью службу Андрею.

Он отвечает:

— Хорошо, придумать недолго.

Он уже надеется на эту старушку. Затем вельможа пошел опять лесной дорогой. Долго он шел, встречает старушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, сынок!

Она спросила его:

— Ну как, Андрей исполнил?

— Исполнил.

— Хм, Андрея обмануть недолго, но его жену не обманешь. Ну, ничего, теперь я все-таки придумаю, разлучу его на семь лет с женой.

Вот она и говорит ему:

— Иди к царю и скажи так: «Пусть Андрей сходит туда, не знаю куда, принесет то, не знаю что. И срок ему дай не меньше семи лет». Может, он и не возьмется. А в это время царь может жениться на Елене Прекрасной.

Ну, она-то не знает, что Елена скрывается. Сейчас этот вельможа приходит к царю и говорит:

— Вот, Ваше величество, пусть Андрей сходит туда, не знаю куда и принесет то, не знаю что. И дайте ему срок не меньше семи лет. А в это время вы достанете жену.

Царь услышал эти слова и послал за Андреем. Когда пришел посол и велел Андрею прийти к царю, Андрей ответил:

— Хорошо!

Вот говорит опять своей Елене Прекрасной:

— Что-то, Елечка, наверно, у царя опять есть дурное.

— Да, наверно, опять служба. Ну, от службы не отказывайся, берись, а там видно будет.

Когда Андрей пришел к царю, начинает ему царь говорить:

— Слушай, Андрей, отдай мне жену, а тебя я жещу на генеральской дочке и будешь ты счастливо жить, без лишних хлопот, а то опять дам тебе службу большую.

Андрей ни на что не соглашался, ни на какие уступки и сказал:

— Я лучше пойду, а не отдам жену.

— Тогда знаешь что, Андрей, я тебе даю службу: сходить туда, не знаю куда, принести то, не знаю что. Даю срок семь лет. Если ты не принесешь, то голова с плеч.

Тогда Андрей с теми словами вышел и приходит он домой, к Елене Прекрасной. Приходит он грустный,

печальный, со слезами на глазах. Елечка спросила Андрея:

— Что ты плачешь?

— Как, Елечка, не плакать, дали такую службу: сходить туда, не знаю куда, принести то, не знаю что.

Она ответила ему:

— Слушай, Андрей, не печалься, попей, поешь, ложись спать, а утро вечера мудренее, к утру все дело выяснится.

Поужинали и легли спать. Она поспала немного, встала, берет волшебную книгу в руки и начинает искать, где то, не знаю что. Долго она искала, найти не могла, бросила волшебную книгу, берет волшебный платок, тряхнула, выскочило три молодца.

— Что, Елена Прекрасная, прикажете?

— Вот, ребятки, не знаете ли, где то, не знаю что?

Один говорит — «я не знаю». Другой — «не знаю». Все как в одно слово. Она спрятала платок в карман, берет большой моток шерсти, начала вить клубок. Когда свила такой большой клубок, что чуть могла поднять его, вынесла на улицу и поставила его на крыльцо. Так провела она время до шести часов утра. Поставила самоварчик, начала будить Андрея.

— Вставай, Андрюшка, друг дорогой, уж тебе работа — путь-дорожка дальняя.

Вот они сели, чай попили, она и говорит:

— Вот, Андрей, на крыльце есть клубок. Этот клубок покатится по дороге, и ты с ним иди. Пока этот клубок катится, ты иди все, иди до тех пор, пока клубок не кончится, питка растянется по дороге, там ты увидишь дворец. В этот дворец ты иди, там тебя встретят.

Вот Андрей собирается. Собрала она ему сумочку с собой, торбочку, стал он прощаться:

— Ну, Елечка, больше мне тебя не видать, не знаю, куда я пойду!

— Не думай, Андрей, ни о чем, царь меня не возьмет. Я буду тебя ждать, конечно, долго, но увидимся.

Вдобавок она ему еще говорит:

— Вот тебе сумочка. Когда придешь во дворец, там тебя встретят, накормят, напоят, спать уложат. Когда на утро встанешь, будешь умываться, тебе принесут полотенце, но ты в их полотенце не утирайся, достань из сумочки свое и утрись.

Вот пошел он, очень ему было ее жалко. Она стала его утешать. Утерла платком, и вместе вышли на улицу. Он вышел на дорогу, и клубок впереди его покатился.

Как только царь узнал, что Андрей ушел, сейчас же поставил около его дома караул, стал обыскивать весь дом. Но найти не мог. Наконец рассердился и сжег весь дом.

Идет Андрей, а клубок катится и все меньше и меньше становится. Скучно Андрею идти, все думает об Елене Прекрасной. Вот все шел и шел, продолжал свою дорогу, клубок стал маленький, с куриную головочку. Чем клубок меньше, тем Андрею скучнее.

Вот уже до того клубок стал маленьким, что его и не заметно, нитка растянулась вдоль дороги. Андрей поднял глаза, смотрит, стоит дворец. Подходит к крыльцу, к переднему, а по лестенке к нему сверху сбегают две девушки: одна точно как его Елечка, но он не осмелился сказать. Берет его за руку и ведет во второй этаж.

Привели они его, накрыли скатерти браные, напоили, накормили и уложили спать на перину пуховую. И сами ушли.

Вот он проснул эту ночь. Утром прибегают в восемь часов, будят. Когда он встал, принесли ему воду умыться. Андрей умылся. Подают ему полотенце.

— Нет, девушки, у меня есть полотенце, свое, дорожное.

Достаёт полотенце из торбочки; вдруг одна из девушек хватъ это полотенце и убежала. И другая вслед. Андрей остался стоять в великой печали, думает:

— Что мне теперь будет?! Как же так - она мне велела утираться своим полотенцем.

А эти девушки приносят полотенце к матери и говорят:

— Знаете что, мама, ведь наш зять Андрей пришел.

— Ага, знаю, знаю, за чем он пришел.

Это ее было полотенце. Старуха вскочила со стула вместе с дочерьми и приходит к нему:

— Здравствуй, зять!

— Здравствуй, здравствуй, матушка!

— А я знаю, за чем ты пришел. Хочет царь мою Елечку взять. Ишь, он что вздумал, молодой царевич, мою Елечку взять, пусть он ищет хоть сто лет, не найдет. А тебе я помогу.

Тогда Андрей сел за стол, начал кушать, успокоился. Вот теперь она и говорит:

— Ладно, зять, побудь у меня трое суток, а я поищу!

И уходит. Вот она приходит, берет волшебную книгу в руки и стала смотреть, где это то, не знаю что. Смотрела она долго, бросила книгу. Думала, думала и говорит:

— Наконец, я надумала.

Берет два голика¹ и полетела по воздуху, летела сутки, прилетела, найти не могла. Берет волшебную книгу, опять начинает смотреть. Смотрела, смотрела, найти не могла, бросила книгу и начала думать. Думала часов восемь и сказала:

— Вот, теперь я придумала, узнала, где оно есть. Скакушка-бабушка живет в болоте триста лет, она, наверно, знает, полечу-ка я к ней.

Берет два голика и полетела. Прилетела она к Скакушке-бабушке в болото и спросила:

— Знаешь, Скакушка бабушка, где то, не знаю что?

— Знаю, — говорит.

— Так скажи.

— Нет, не скажу. Когда ты меня пронесешь до огненной реки в топленом молоке, тогда я тебе скажу, а раньше не скажу.

Берет она Скакушку и приносит к себе. Берет кувшин молока и начала парить. Когда напарила, посадила эту бабушку-Скакушку (лягушку то есть) и приходит к своему зятю.

— Ну, зять, одевайся, поедешь, дам я тебе своего коня.

Вот оделся наш Андрей-стрелок и выводит своего коня. Старуха ему и говорит:

— Лети на этом коне до огненной реки, а у огненной реки коня уже не будет, и спрашивай у бабушки, как попасть дальше.

Когда он доехал до огненной реки, коня у него уже не стало. Остался один кувшин, и стал он за ниточку вытягивать эту Скакушку. Когда он вытянул Скакушку, она ему и говорит:

— Садись, Андрей, на меня, пока не поздно.

А он ей и говорит:

— Что ты, бабушка, экая ты маленькая, я тебя раздавлю.

¹ Веник без листьев.

— Ну, садись!

Долго он мешкал, не садился, наконец, говорит:

— Ну, ладно, сяду.

Сел, а лягушка стала подниматься кверху, кверху и стала выше лесу. Вот она и заговорила:

— Ну, держись крепче.

Как эта лягушка скакнет, так и прыгнула через огненную реку. Выпустила его. Он начинает ее спрашивать:

— Да где же, бабушка, есть то, не знаю что?

— То-то, если бы не спросил, так и не узнал. Теперь я тебе скажу.

Вот говорит бабушка:

— Вот где то, не знаю что, живет: иди по этой дорожке, долго тебе, конечно, покажется идти, но иди. Увидишь дом — не дом, сарай — не сарай. Заходи в него, дом совершенно пустой, только одна печь. Зайдешь в этот дом и становись за печь. Зайдут два молодца и скажут: «Сват-Наум, попить-поесть». Заиграет музыка разная, накроются скатерти браные, наливки, наливки, вина заморские. Стой, пока они уйдут, и комната будет совершенно пустая. Тогда выходи и говори: «Сват-Наум, попить-поесть». И тебе то же самое будет. Когда будешь пить и есть, то угости свата-Наума рюмочкой. Тогда он от тебя никуда. Это будет: то, не знаю что.

Сказала бабушка-Скакушка, он поблагодарил ее, и сам отправился в дорогу. Вот идет он долго, наконец, увидал: дом — не дом, сарай — не сарай. Заходит он в него — совершенно пустой, одна печь. И вдруг видит, приходят два человека молодых:

— Сват-Наум, попить-поесть.

И откуда ни возьмись, накрылись скатерти браные, наливки, наливки, заморские вина разные, и комната переменялась, совсем другая стала.

Когда они поели, вышли прочь, комната стала опять пустая. Тогда выходит Андрей опять из-за печи и заговорил:

— Сват-Наум, попить-поесть!

Так же и ему сделалось, накрылись скатерти браные, наливки, наливки, вина заморские, и также водочка, и рюмочка, и все на свете. Вот он сел за стол, начал есть и говорит:

— Сват-Наум, нельзя ли вторую рюмочку?

Сват-Наум подает ему вторую рюмочку.

— Сват-Наум, угостись-ка второй рюмочкой, от меня, дорожного человека.

Когда сват-Наум выпил рюмочку и заговорил:

— Ну, Андрей-стрелок, ты меня угостил рюмочкой, а уж я от тебя никуда. Я двух дураков кормлю тридцать лет, а от них еще горелой корки не видал.

— Сват-Наум, покажись!

— Нет, — говорит, — я есть такой дух, что меня никто не видит. Я есть то, не знаю что.

Вот Андрей понял, поел, стал собираться.

— Ну что, сват-Наум, ты пойдешь со мной?

— Конечно, я всегда за тобой.

— Куда?

— Ну, пойдём.

Долго Андрей шел по дороге и все спрашивал:

— Сват-Наум, ты где?

— Я здесь. Я от тебя никуда.

Наконец, приходит Андрей к морю и говорит:

— Сват-Наум, а куда мы сейчас пойдём?

— погоди, Андрей, сейчас приплывет корабль, и мы поплывем на нем.

Вдруг, откуда ни возьмись, корабль; приплывает шлюпка и перевозит его на корабль, он спросил:

— Сват-Наум, ты где?

— Здесь, здесь, я от тебя никуда.

— Как же, сват-Наум, у нас нет людей. Кто из нас будет править, нет ни штурманов, ни матросов?

То сват-Наум сказал:

— Ложись спать, а я один управлюсь!

Вот Андрей лег, поспал, встает. Вот говорит ему сват-Наум:

— Ну, Андрей, приплывем мы к одному острову, и на этот остров мы высадимся, поселимся здесь.

Вот они приплывают к этому острову, сейчас же спускается с корабля лодка, перевозит их на остров, а уж корабль исчез. Вот они выходят на остров. Сват-Наум и говорит:

— Вот что, Андрей, на этом острове мы построим дворец и обнесем садами. Мимо острова пойдут три корабля, они зайдут к нам в гости.

Сейчас же сват-Наум построил дворец, обнес садами, и начали жить. И говорит ему сват-Наум:

— Через два дня приплывут сюда три корабля. Они

ходят тридцать лет мимо этого места и жилья здесь не видали. На этих кораблях у капитанов есть три диковинки, которые нам нужно захватить с собой. Ты их на меня обменяешь. Они согласятся, а я от тебя никуда.

Плывут три корабля. Сошлись все вместе и стали дивиться:

— Что такое, тридцать лет плавали, такой диковинки не видали! Кто приехал сюда, построил дворец, надо посмотреть!

Все три корабля остановились вместе; капитаны с матросами, с штурманами спустили лодки и поехали на гору, заходят в этот дворец. Андрей-стрелок их встретил и сказал:

— Сват-Наум, попить-поесть, угостить моряков!

И накрылись скатерти браные, пивки, паливки, разные заморские вина.

Сели гости за стол и начинают у него спрашивать:

— Что у тебя, Андрей-стрелок, за сват-Наум есть? Какой он человек и давно ли ты поселился здесь на острове?

Он тогда им и говорит:

— Сват-Наум мой друг, он исполняет все мои приказания.

— А что он за человек, как бы его посмотреть?

— Я не знаю. Я и сам не видал его, он есть такой дух — его никто не видит.

Когда напились эти гости, стали хвастать. Один капитан и говорит:

— Да, Андрей, у меня тоже есть диковинка — топор. Как захочу, скажу: «Топор, тям-ляп, и сделайся корабль» — и в ту же минуту будет.

Тогда заговорил второй из капитанов:

— А у меня есть сабля такая. Если я приду на берег и ударю вдоль воды, то сделается мост хрустальный. Ударю поперек воды, то ничего не будет. И ежели задумаю построить дворец, иду на хорошую площадь, три раза взмахну саблей, и сделается такой дворец, какой только прикажу.

Тогда говорит третий капитан второму:

— Есть и у меня вещичка хорошая. Есть трубочка такая, выйду я в поле, свистну, и сделается войско. Что прикажу, то они и будут делать.

Сват-Наум зашептал Андрею на ухо:

— Слушай, Андрей-стрелок, меняйся на меня; все эти вещи нам нужны, а я от тебя никуда не денусь, они согласятся.

Андрей-стрелок и говорит капитанам:

— Вот что, капитаны, давайте меняться, я вам отдам свата-Наума, а вы мне все эти вещи.

Капитаны подумали, поговорили между собой и, наконец, сказали:

— Ладно.

И так решили:

— Давайте сделаем так: идемте домой, привезем своих жен и будем жить на острове, а сват-Наум нас будет кормить, работать нам ничего не надо.

И сейчас же поехали на корабли за вещами. А в это время сват-Наум говорит Андрею:

— Когда они придут, ты их встречай, забирай вещи и иди на конец острова.

Приходят капитаны, отдают ему вещи, а он и говорит свату-Науму:

— Ну, сват-Наум, ты теперь оставайся с капитанами, служи им, как и мне служил, а я теперь уйду.

Распростился, получил вещи и пошел. Немного отошел и подумал: «Сват-Наум, ты где?»

— Я давно с тобой. А вот ты подожди, они заснут, а проснутся на голых камнях, больше ничего там не будет.

Капитаны заснули, проснулись, вскочили, остались на голых камнях, нет ничего, ни дворца, ни садов. Андрея и след простыл.

Когда Андрей пришел в конец острова и спрашивает свата-Наума:

— Ну, сват-Наум, что будем делать?

— Кажется, ты сам теперь знаешь, у тебя есть топор?

— Есть.

— Ну, и строй корабль.

Андрей отыскал дерево, ударил топором:

— Ну, тяп-ляп — сделайся корабль!

В ту же минуту корабль был готов, уже стоял на воде.

Теперь он говорит:

— Ну, как же мы, сват-Наум, попадем на корабль?

— Ну, у тебя же есть вещь?

Берет саблю, ударил вдоль воды, сделался мостик. Пе-

решили они на корабль. Ударил поперек, убрал мостик, и поплыли они на корабле.

Вот они плыли долго ли, коротко, низко ли, высоко, близко ли, далеко, и все плывут и плывут. Приплывает Андрей в то государство, из которого он вышел. Андрей берет саблю, ударил вдоль воды, вышел мостик. Встали они, пошли на гору. Когда вышли на берег, Андрей сразу пошел к тому месту, где стоял его дом. Когда увидел, что все сожжено и на этом месте трава уже выросла, запечалился и сказал:

— Ну, видно, погибла моя Елечка!

Делать нечего, стал спрашивать свата-Наума:

— А что же мы теперь, сват-Наум, будем делать?

Сват-Наум ответил ему:

— Строй дом — и найдется твоя Елечка.

Тогда Андрей-стрелок берет саблю, взмахнул ею вокруг себя и говорит:

— Ну, постройся мне дворец, даже в три раза лучше царского!

И в ту же минуту дворец построен с надписью серебряной: «Андрей-стрелец».

Когда он увидел, что построен был дворец такой великоленный, то он с радостью пошел во второй этаж и начал ходить по комнатам. Наконец, зашел в спальню, открыл занавеску, смотрит, Елечка спит на кровати. Он разбудил ее, она открыла глаза, вскинулась и давай целовать его, и сказала:

— Тебя ли я вижу, милый мой стрелок Андрей?

— Меня, — ответил.

— Ну, достал ли, Андрей-стрелец, то, не знаю что?

Он говорит:

— Достал.

Тогда говорит Андрей:

— Ну-ка, сват-Наум, поить, поесть, повеселиться, накормить себя, меня и мою жену!

Вот она и начинает спрашивать:

— Сват-Наум, кто ты такой есть, — покажись-ка мне?

— Нет, Елена Прекрасная, я сроду никому не показывался. Я есть такой дух, меня никто не видит, я есть то, не знаю что.

Больше она спрашивать не стала. Теперь спрашивает Андрей:

— Как, сват-Наум, что же мы теперь будем делать, к царю ли ты пойдешь, или у меня будешь жить?

Отвечает сват-Наум:

— Нет, Андрей, я к царю не пойду, царь меня не достал, а достал ты, Андрей-стрелок, и тебе я буду служить, а с царем мы расправимся иначе.

Вот говорит ему сват-Наум:

— Ну, Андрей, бери трубочку и пойдем в поле. Когда придем в поле чистое, свистни одиножды.

Андрей берет трубочку и выходит в чистое поле и свистнул. И полилось столько войска, что нет ни убили, ни прибыли. Прискакали к нему главные атаманы, поклонились в пояс:

— Что тебе надо, Андрей-стрелок?

Он не знает, что им сказать. Тогда говорит сват-Наум Андрею:

— Прикажи им палить по городу холостыми снарядами и вели вызвать царя самого или пусть присылает войско.

Царь услышал пальбу, растерялся и не знает, что делать. Присылает двадцать пять человек солдат в разведку,— что им надо и какие пришли войска. Когда приехали эти солдаты, Андрей спросил:

— Сват-Наум, что нам с этими солдатами делать?

— А вот что: привязать двадцать человек к траве волосами, а пять отправить обратно: столько нам не присылай. Присылай или войско, или приезжай сам.

Так и сделали: двадцать привязали, а остальных отправили с ответом. Когда солдаты обратно вернулись к царю, царь очень раздумался: что ему делать? Наконец решил ехать сам. Когда приехал царь на поле, Андрей-стрелок увидал его и говорит свату-Науму:

— Сват-Наум, что же мы будем делать с царем?

Отвечает сват-Наум:

— По-моему, с ним поступать просто: казнить его, а тебе поступать на царство.

Отвечает Андрей:

— Нет, сват-Наум, казнить я не намерен. Зла не люблю помнить. Лучше с ним другое что-нибудь сделать.

Царь подошел к Андрею-стрелку и стал просить помилованья:

— Андрей-стрелок, что хочешь делай со мной, но только моей головы не казни.

И увидал громадное войско.

— Мне не надо от тебя ничего, принес или не принес ничего, мне ничего не надо, только не казни ты меня.

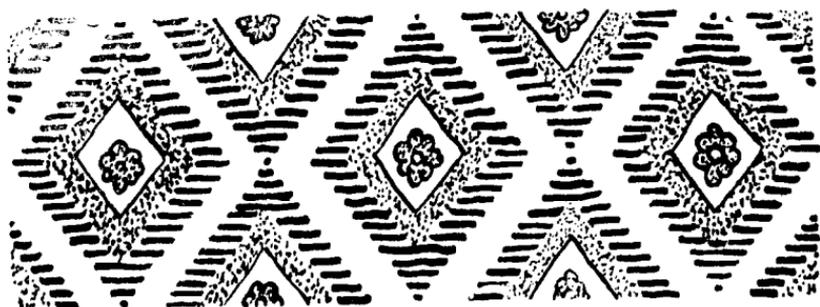
Он тогда сказал царю:

— Ну, ладно, оставляю я тебе жизнь, но будешь сорок лет в пастухах.

Потом свистнул два раза в трубочку, войско все унесло.

Вот они зашли в царские палаты, и стал Андрей этим царством править до глубокой старости.

ШУТ ГАВРИЛА

ил-был на свете шут Гаврила. Жили они вдвоем со старухой. К ним съездили все постояльщики: стояли¹. Что шуту Гавриле придумать? Вот он раз и придумал. Купил чашку-ставечок² да и говорит своей старухе:

— Как постояльщики приедут — ты разругайся на меня: такой, мол, сякой, не стану я самовара греть да ужина варить, а толокна мешанку сделаю.

Вот приехали постояльщики и говорят:

— Шут Гаврила, нельзя ли поужинать?

Старуха тут как разругалась — всем в глазах темно стало. А шут Гаврила возьми да и положи старухе-то толокна в рукав. Вот старуха воды в чашку палила да стала мешать. Мешанку намешала, а постояльщики стоят да дивуются:

— Шут Гаврила, что у тебя старуха толокна не кладет, а мешанку мешает?

— У меня, — говорит, — такой ставечок. Хоть на дороге прорубь выпешишь³, воды нальешь да и замешашь — не надо и толокна.

¹ Останавливались на постой.

² Деревянную чашку с отвесными краями.

³ Прорубишь пешней (ломом).

Постоящики и говорят:

— Неужто правда?

— Правда, — отвечает шут Гаврила.

Они и говорят:

— Продай ты, шут Гаврила, нам этот ставечок. Для дороги нам пригодится. Мы выненим прорубь по дороге, да помешаем, да и поедем — все сыты будем. Сколько, — говорят, — возьмешь за ставечок?

— Сыните полный серебра, — отвечает шут Гаврила.

Вот они насыпали ему серебра, взяли ставечок да и уехали. Приехали на реку, им и есть захотелось. Они и говорят:

— Что, ребята, надо ведь мешанку намешать.

Выненили прорубь, воды в ставечок налили и давай мешать. Мешают, мешают — у них ничего не рождается, одна вода. Они и говорят:

— Ну, такой-сякой, надул нас шут Гаврила!

На другой раз шут Гаврила что придумал. Раскидал он серебро по двору. Постоящики обратно поехали да опять к нему и просятся:

— Шут Гаврила, нельзя ли переночевать?

А он им:

— Ой, ребята, помогите собирать. Лошадь серебром ходит.

Они ему и пособили, собрали серебро.

— Шут Гаврила, продай ты нам такую лошадку, — стали они просить.

Он и говорит:

— Триста рублей дадите — так уж и быть.

Они триста рублей и отдали за лошадь. Шут Гаврила им и говорит:

— Привяжите мешок к лошадке да трое суток не отвязывайте.

Постоящики поехали домой с радостью, что не надо больше денег наживать: будут деньги от лошади. Приехали они к женам да говорят:

— Жены, мы купили лошадку.

Привязали они мешок да трое суток не отвязывали.

На четвертый день отвязали, и не очутилось никакого серебра. Их шут Гаврила опять надул.

Вот они опять поехали да к шуту Гавриле заехали.

А шут Гаврила убил быка, да нацедил полный пузырь крови, и привязал своей старухе под мышку.

И сговорились они со старухой: что как приедут опять постояльщики, чтоб старухе не варить ужина.

Приезжают эти самые постояльщики к ним да и говорят:

— Шут Гаврила, нельзя ли переночевать?

Их пустили. Заехали они и говорят:

— Шут Гаврила, нельзя ли поужинать?

Старуха разругалась на старика:

— Я, — говорит, — не буду сегодня ужина варить да самовара греть. Что хонь — то и делай!

Шут Гаврила схватил нож, ударил старуху, та упала и будто мертвая лежит. Вот шут Гаврила схватил плетку-ременку и ну старуху бить да говорить:

— Плетка-живулька, оживи мою жену.

Старуха векочила, сейчас же самовар согрела, ужин сварила — и все готово.

Вот постояльщики и говорят:

— Однако, шут Гаврила, хороша у тебя плетка. Не продашь ли, шут Гаврила, такую плетку нам. У нас такие жены противные, как приедешь домой — они все ругаются на нас. Хорошо бы, — говорят, — наших жен так же проучить.

— Так что, — говорит шут Гаврила, — рублей двести дайте, я и продам.

Они вынимают ему деньги, отдают да берут себе плетку. И поехали домой. Приехали они домой — на их жены бранятся, что деньги все пропили.

— Домой, — говорят, — ничего не привезли.

Вот один схватил ножик и дал жене под мышку, как шут Гаврила. Жена упала.

И другой брат также, и третий. И схватили они потом плетку в руки, и давай стегать жен.

— Плетка-живулька, оживи мою жену.

Жены не встают. Ну, видят — жены мертвы. Взяли их похоронили и опять поехали.

А шут Гаврила знает, что ему хорошо не будет.

Взял он да выкопал яму на задворках, сел в куль, и старуха похоронила его: землей зарыла живого в яму.

Приезжают эти самые постояльщики и говорят:

— Шут Гаврила, нельзя ли переночевать?

Старуха им и говорит жалобно:

— Нету шута Гаврилы, умер шут Гаврила. Я без шута Гаврилы не пускаю никого.

Они и говорят:

— А где его могилочка? Хоть словом нам его помянуть.

Старуха и говорит:

— Вот тут на задворках.

Пришли постояльщики на задворки к могиле и говорят:

— Не станем мы его поминать. Разроем землю да и вытащим его оттуда.

Разрыли землю и вытащили шута Гаврилу живого в куле. Положили его в сани и повезли.

Привезли на реку, выпешили прорубь, оставили шута Гаврилу на льду и пошли втроем в деревню за лопатой.

Вдруг едет барин на тройке да в карете. Вот шут Гаврила услышал и кричит:

— Насилу на барыне женят, насилу на барыне женят!

Барин остановил лошадей и развязал шута Гаврилу. Спрашивает:

— Что кричишь?

Шут Гаврила и говорит:

— Да вот, барин, насилу на барыне женят.

— Давай, — говорит барин, — я женюсь.

Посадил шут Гаврила барина в куле, куле завязал, а сам сел в карету да и уехал. Барин и дожидается, когда его на барыне женят.

Вот приходят мужики, выбрали лед из проруби и бросили этого барина с кулем в прорубь, а сами поехали и говорят:

— Ну, ладно. Хоть наши жены пропали — да и шут Гаврила не живой!

Едут — а шут Гаврила им навстречу едет в карете да на тройке. Они смотрят на него и говорят:

— Шут Гаврила, да ты откуда? Мы тебя в воду бросили, а ты едешь?

Шут Гаврила им и отвечает:

— Ой, ребята, там ведь всяких лошадей дают — сивых, и бурых, да вороных.

Вот эти братья воротились к проруби, и один бросился в воду, а другой говорит:

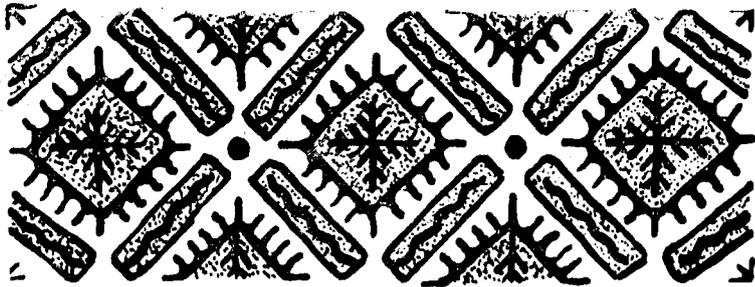
— Он самого лучшего коня возьмет!

Другой вскочил, а за другим и третий. Все и потонули.

А шут Гаврила приехал домой к своей старухе и стал с ней жить-поживать да добра наживать.

И теперь еще живет.

НАПЛОТ-МОЛОДЕЦ

или-были старик и старуха. Был у них сын. Стали старики советоваться, к какому ремеслу его приучить. «Надо учить его сапожному делу, чтобы мог он обушьшить!»
Купили ему на пять рублей кожи. Он все на кусочки разрезал и за окно выбросил. Второй раз купили на десять рублей, он то же самое сделал. Третий раз на пятнадцать купили, он тоже разрезал, за окошко выбросил. Видят они — пользы мало от сына! Сделали плот, привязали его к плоту и сплавляли по течению в море.

Вынесло его в море. Видит он вдали парус, плывет корабль. Все ближе, ближе. Подплыл к самому кораблю, схватился за борт.

— Не будет ли места, — говорит, — для меня на корабле?

Доложили капитану. Выходит капитан:

— Где ж тебе место дать?

— Мое место у грот-мачты!

— Ну, заходи, — говорит.

Зашел, сел к мачте. Напоили, накормили его, он и сидит. Стали его называть Наплот-молодец.

А на этом корабле плыл Иван-царевич в другое государство жениться на царевне. Прошла ночь, выходит Иван-царевич утром и говорит:

— Фу, какая тишь, да гладь, да божья благодать. Был бы меч — стал бы сечь, был бы добрый конь — гулять бы ездил. Была бы красная девица — замуж бы взял.

А Наплот-молодец и говорит:

— Будет меч — некому сечь, будет добрый конь — некому гулять ездить. Была бы красная девица — мужа нет.

Приказал капитан:

— Возьмите его, ребята, бросьте за борт!

Подошли пять человек — не могли пошевелить.

На второе утро выходит Иван-царевич, то же самое и говорит:

— Какая тишь, да гладь, да божья благодать! Был бы меч — стал бы сечь, был добрый конь — гулять бы съездил, была бы красная девица — замуж бы взял!

А Наплот-молодец и говорит:

— Будет меч — некому сечь, будет добрый конь — некому гулять ездить. Была бы красная девица — мужа нет!

— Возьмите, ребята, бросьте его за борт!

Подошли десять человек — не могли пошевелить.

Также и на третье утро, пятнадцать человек бросить его за борт не могли. Увидел царь, какой сильный Наплот-молодец, выходит из каюты и говорит:

— Побратаемся! Будешь мне младшим братом.

— Скажите вы мне, куда вы едете?

— Едем в другое царство. Буду я жениться на Анне Прекрасной. Знаешь ли ее?

— Ладно, — говорит, — знаю! Многие на ней жениться хотели, никто живой не вышел. Ну, не кручинься, все будет в порядке. Я тебе помогу.

Приплыли в другое царство. Пошли к королю свататься. Посватались — честным пирком и за свадебку. Пировали ночь. Молодым пора идти на покой. Наплот-молодец и говорит Ивану-царевичу:

— Вот что, брат, как ляжешь спать, не давай Анне Прекрасной руку на тебя накинуть, а то задавит. Как только руку накинёт, встань и выйди на минуту. Ты останешься в коридоре, а я пойду к ней.

По сказанному, как по писанному. Выходит Иван-царевич, отправляется Наплот-молодец в спальню. Пришел и лег, как ничего не бывало. Она накинула на него руку. Он как махнул — чуть в стену ее рука не вдави-

лась. Она накинула ногу — и нога отлетела в стену. Полежал немного, выходит в коридор и говорит:

— Иван-царевич, иди, больше этого не будет!

Иван-царевич пошел, Анна говорит ему:

— Что ты, Иван-царевич, такой горячий? Смотри — руку ушиб, ногу ушиб!

— Что ты, что ты, — говорит, — ничего этого не было.

— А кто же это был?

— Это, — говорит, — был мой младний брат, Наплот-молодец.

— Ага, хорошо, — говорит, — завтра с ним поведуся.

Пришло утро, Иван-царевич ничего не сказал Наплоту-молодцу. Утром вызывает Анна-королевна Наплота-молодца прокатиться по городу. Садится он в экипаж и поехали. А она взяла саблю под платье, он и не заметил.

Покатились по городу по одной улице, по другой. Потом приказала она кучеру сворачивать направо, выехать за город.

Выехали за город далеконько, выхватила она саблю, отрубила ему ноги до колен. Приказала кучеру вывалить его из экипажа. Сама вернулась обратно в город. Приехала домой, Ивана-царевича заставила коз пасти.

Наплот-молодец стонал, ревел целые сутки. Вдруг на этот крик приходит мужчина слепой.

— Что ты, — говорит, — здесь кричишь и стопещь?

— А как мне не стонать, — говорит, — когда мне отрубили ноги до колен?

— Забирай свои ноги, — говорит, — с собой и садись на меня! Правь, командуй мной, и я привезу тебя вон к той избе.

Пришли в избу, сидят, разговаривают:

— В соседнем государстве кликнул царь клич: сидит царевна на высоком срубе в двенадцать венцов; кто прыгнет и ее достанет, за того замуж отдадут.

Тут слепой и говорит:

— А что, поедем-ка мы туда!

— А на чем же ехать? У нас коня нет!

— За коня буду я, — говорит слепой. — Седоком будешь ты, Наплот-молодец. Как я подскочу, бери царевну и унесем ее сюда, будет у нас вместо хозяйки.

Сели, поехали — только пыль столбом стоит. Приезжают в город, а там царей, богатырей, витязей большая

толпа собралась. Подъезжают к толпе, Наплот-молодец и кричит:

— Давай дорогу!

Обернулись все, рассмеялись:

— На слепом безногий едет — и дай им дорогу, — говорят.

Рассердился Наплот-молодец, вынул плетку, обжег одного, другого, третьего — толпа раздалась. Слепой разбежался, вскочил на двенадцатый венец, схватили они царевну и понесли. Лови хоть так, хоть по-другому — и след простыл. Принесли в свою избушку и стали жить и поживать. Стала она у них за хозяйку.

Жили они пожили, вдруг стали примечать, что царевна их все худеет и худеет. Поговорили они меж собой и стали спрашивать у Настасьи-царевны:

— Что ты становишься все хуже и хуже, не скучаешь ли по дому?

— Нет, я по дому не скучаю. Ко мне каждую ночь прилетает лесная ведьма и сосет мою кровь.

— Ну, ладно, не печалься, это мы все устроим!

А ведьма эта слепого не боялась, потому что он ничего не видел. Наплот-молодец и говорит:

— Ты, слепой, оставайся дома, она тебя не боится. Когда она прилетит и начнет у Настасьи-царевны кровь сосать и потом уснет, ты возьми ее косы тихонько и дай их мне. Я буду у окошка сидеть.

Вылез и спрятался у окошка.

По сказанному, как по писанному: так и сделали. В полночь прилетела ведьма:

— Давай кровь сосать!

Пососала и уснула. Тут слепой подал ее косы Наплот-молодцу за окошко и крикнул:

— Держи, брат!

Закричал и сел на ведьму. А Наплот-молодец схватил ее крепко за косы и стал драть железными прутьями.

— Что вам от меня надо? Говорите, все сделаю, только отпустите меня на волю!

— Вот что нам надо: веди нас туда, где живая и мертвая вода и молодильные яблоки.

Убили маленькую птичку, сели вдвоем на ведьму и поехали. Несла она их, несла, опустила около озера и говорит:

— Вот тут живая и мертвая вода!

Побрызгали они птичку этой водой, отпустили ее, но птичка ничуть не пошевелилась.

— Врешь, ведьма, — и давай опять ее драть.

— Садитесь, садитесь, сейчас принесу на место!

Опять полетели. Летели, летели и опустились опять. Побрызгали птичку водой. Птичка вспорхнула и полетела. Наплот-молодец и говорит слепому:

— Пойди, товарищ, глаза свои сбрызни мертвой водой, потом живой, а я пока буду ведьму держать.

Помыл свои глаза слепой мертвой водой, потом живой водой, съел молодильное яблоко и сделался прекрасным молодцом. Пришел и говорит:

— Ну, поди теперь ты полечись, я один с ней справлюсь.

Наплот-молодец помыл свои ноги мертвой водой, потом живой водой, съел молодильное яблоко и тоже сделался прекрасным молодцом. Сели они на ведьму и говорят:

— Неси нас обратно, туда, где мы жили!

Когда принесла их обратно ведьма, они разложили костер и сожгли эту ведьму на костре, а золу раскидали по воздуху. Теперь говорят:

— Кому же остаться с Настасьей, кому идти?

Наплот-молодец говорит:

— Я пойду за свои долги рассчитываться!

А слепой говорит:

— Значит, мне жениться на Настасье-царевне.

Вот и пошел Наплот-молодец и пришел туда, где нас Иван-царевич коз — это его Анна-царевна заставила после того, как с Наплотом-молодцом расправилась. Обошел кругом стада, встретил Ивана-царевича и говорит:

— Бог помощь, Иван-царевич, что ты делаешь? Разве царевичи коз пасут?

И прошел мимо. Обошел кругом стада, опять встречается с Иваном-царевичем:

— Бог помощь, Иван-царевич! Кто это заставил тебя коз пасты?

Когда в третий раз спросил, Иван-царевич узнал его, наконец:

— Наплот-молодец, это ты? — говорит.

— Да, я, — говорит. Признался, наконец. — Снимай свою пастушью одежду, одевай мою. Я коз домой погоню.

— Что ты, — говорит Иван-царевич. — Не пригонишь всех коз домой — затопят баню, запарят тебя насмерть!

— Не беспокойся. Снимай свою одежду, одевай мою!

Пригнал он в полдень коз домой, а козы все поразбежались, не больше двадцати домой пришло. Приказала Анна-царевна баню топить, а он на пастушье место забрался на нары и слушает. Есть не дают ничего, так и лежит голодный.

Баня вытопилась, приходит Анна-царевна.

— Ступай в баню.

— Сейчас иду, иди сама-то!

Второй раз приходит:

— Ступай в баню!

— Иди, иди, я-то иду, — говорит.

Она ушла, он встал, взял железные прутья и пошел. Пришел в баню.

— Раздевайся! — приказывает ему Анна-царевна.

— Раздевайся, раздевайся, — отвечает Наплот-молodeц, — я-то уж разделенусь!

Она только разделась, он схватил железный прут и давай ее драть. Бьет и приговаривает:

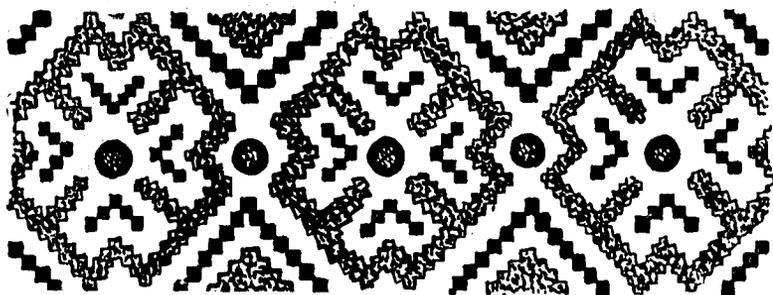
— Умей Ивана-царевича почитать, да умей Наплоту-молодцу ноги сечь!

Бил, бил, она и взмолилась:

— Отпусти, — говорит, — все сделаю, что скажешь.

С того времени стали жить-поживать и добра наживать. И лучше Анны-царевны во всем свете не было.

ОБ АЛЕШЕ ГОЛОПУЗОМ

некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужичок. У этого мужичка был сын Алеша. С малолетства Алеша у дьячка выучился грамоте, а потом сделался таким лентяем, что, кроме печи, никуда не ходил.

Вот и говорит отец Алеше:

— Пора тебе, Алеша, и к работе привыкать!

— А что, — говорит Алеша, — докормите до уса, так и буду помогать.

Вот и ус у Алеша пробился. Отец говорит опять:

— Алеша, пора тебе пахать.

— А на что пахать? — говорит Алеша. — Лучше на печи лежать. Докормили до уса, так докормите и до бороды, а тогда уж и пахать стану.

Выросла и борода, а Алеша, кроме печи, и света божьего не знавал. Вот отец и говорит опять:

— Ну, пора тебе, Алеша, и за ум взяться. Люди добрые, из твоих-то товарищей, уж некоторые и деток имеют, а ты и пахать не умеешь.

Алеша на другой день поехал пахать. А день-то был такой жаркий, что оводов и комаров гибель наслала на него и на лошадей. Он и давай их бить, да и пробил весь день. Под вечер стал считать: считал, считал, да и сосчитать не мог.

Приехал домой, уж темно было, да и говорит отцу:

— Уж я тебе не пахарь, да и не кормилец, а наживайка хлеб-то сам! Я поеду белый свет посмотреть да себя показать: у меня сила богатырская — поеду да потешуся, да еще дайте мне эту клячу.

Отец видит, что и вправду от него не хлеб, взял да и отпустил.

Алеша взял косу, да топор, да толокня мешок, на клячу рогожку накинул, сел да и поехал. У кого-то он слышал, что богатыри-то, когда ездят, так записочки за собой кидают, — и он тоже вынул лоскуток бумаги да и пишет: «Едет сильный и могучий богатырь Алеша... — да и задумался, какую дать себе фамилию: он не знал, как прозваться, отец да и он сам. Смотрел, смотрел да и увидел, что балахон у него разорван и сквозь его видно пузо; вот он и написал: «Алеша Голопузый». — Я, Алеша Голопузый, в один час и в одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей (за богатырей-то он принял оводов) избил, а мелкой силы (то есть мошек) и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеша Голопузого, назад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться».

Написал да и бросил.

Вот едет за ним настоящий богатырь и видит, что лежит записочка, сошел с коня, поднял и читает: «Едет сильный и могучий богатырь, Алеша Голопузый. Я, Алеша Голопузый, в один час и в одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей избил, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеша Голопузого, назад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться».

«Какой это, — думает он, — такой богатырь? Я, кажись, всех сильных и могучих богатырей знаю, а такого не слышал; да и это бы ничего, а он так еще похваляется, что, вишь, сильным и могучим богатырям от меня, Алеша Голопузого, назад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать, а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться! Хорошо, поеду».

А сам вынул лоскуток бумаги и написал: «Едет в царство Кашея сильный и могучий богатырь Иван-сын царский. Я, Иван-сын царский, в один час и в одну минуту могу избить столько силы, сколько есть на дне моря камешков».

Вот едет и скачет он за Алешей и видит, что едет такой хухляк¹ с косой да с топором, что и за богатыря не принял и хотел проскакать мимо.

А Алеша кричит ему:

— И потише можешь ехать!

Иван-сын царский подъехал к Алеше и говорит:

— Ты ли сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый?

— Известно, что я,— говорит Алеша.— А много ли ты можешь убить силы в один час и в одну минуту и куда теперь едешь?

— Я,— говорит Иван-сын царский,— еду теперь в царство сильного и могучего царя Кашея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть камешков на дне моря.

— Ну, нам такие люди и надобны: поезжай рядом.

А для Ивана-сына царского это было сущее наказание, потому что у него конь рвался, а у Алеши кляча еле двигалась.

Вот ехали они — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается.

Вот едет другой богатырь и видит две записочки; поднял и читает (на одной): «Едет в царство сильного и могучего царя Кашея сильный и могучий богатырь Иван-сын царский. Я, Иван-сын царский, в один час и в одну минуту могу избить столько силы, сколько есть камешков на дне морском». На другой: «Едет сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый. Я, Алеша Голопузый, в один час и в одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей избил, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Голопузого, назад ехать — не уехать, вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться».

— Как это, — говорит Илья Королевич, — я всех сильных и могучих богатырей и Ивана-сына царского знаю, а этого не слыхал? Да и это бы ничего, а он так похвально, что «вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Голопузого, назад ехать — не уехать

¹ Ряженный, переодетый, странно разодетый.

и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться». Хорошо, поеду.

А сам вынул лоскуток бумаги и написал: «Едет в царство сильного и могучего царя Кашея сильный и могучий богатырь Илья Королевич. Я, Илья Королевич, в один час и в одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочков в лесу».

Написал да и бросил, а сам поскакал за Алешей.

Вот слышит Алеша, что скачет кто-то, и говорит Ивану-сыну царскому:

— Скажи, чтобы тише ехал-то.

Иван-сын царский остановился и говорит:

— Тише, тише! Это сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый.

Илья Королевич подъехал к Алеше и говорит:

— Здравствуй, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый!

— Здорово, — говорит Алеша, — много ли ты можешь в один час и в одну минуту избить силы и куда теперь едешь?

— Я еду, — говорит Илья Королевич, — в царство сильного и могучего богатыря Кашея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть листочков в лесу.

— Ну, — говорит Алеша, — нам такие люди и надобны: поезжай рядом.

Вот они едут да записочки покидывают; близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Вот едет еще богатырь, Данило Белый, и видит — лежат три записочки; сошел с коня и читает (на одной): «Едет в царство сильного и могучего царя Кашея сильный и могучий богатырь Иван-сын царский. Я, Иван-сын царский, в один час и в одну минуту могу избить столько силы, сколько есть камешков на дне моря». На другой: «Едет в царство сильного и могучего царя Кашея сильный и могучий богатырь Илья Королевич. Я, Илья Королевич, могу в один час и в одну минуту избить силы столько, сколько есть листочков в лесу». На третьей: «Едет сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый. Я, Алеша Голопузый, в один час и в одну минуту три тьмы и три тысячи богатырей избил, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Го-

лопузого, назад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться».

— Как? — говорит Данило Белый. — Я всех сильных и могучих богатырей знаю, а этого не слыхал? Да и это бы ничего, а он еще так похваляется, что «вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеша Голопузого, назад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать, а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться». Ну, так и быть, поеду да посмотрю, что это за птица такая.

Вот слышит Алеша, что кто-то скачет, и говорит Илье Королевичу:

— Скажи, чтобы ехал-то потише!

Илья Королевич остановился и говорит:

— Тише, тише! Это сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый.

Данило Белый подъехал к Алеше и говорит:

— Здравствуй, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый!

— Здорово, здорово, — говорит Алеша, — а сколько ты можешь в один час и в одну минуту избить силы и куда теперь едешь?

— Я еду в царство сильного и могучего царя Кашея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть песку по краям моря.

— Ну, — говорит Алеша, — нам такие люди и надобны, поезжай рядом.

Вот они ехали — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — и, наконец, приехали они на луга царские, раскинули шатры белополотняные, выставили на них флаги шелковые, а Алеша раскинул рогожку да и повалился. Те богатыри насыпали своим коням пшена белого, налили сыты медовые, а Алеша пустил свою клячу на волю; а она тех коней и объела, да богатыри и прекословить ему не посмели. На другой день начали они клич кликать, у царя Кашея дочь просить; а если царь Кашей им откажет, так грозил войско прибить, царство разорить, а дочь силой взять. А лишь только увидели, что выходит войско из города, и пошли к Алеше и говорят:

— Скажи, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый: сам ли пойдешь против войска, или нам велишь?

— Пусть идет меньшей брат! — сказал Алеша.

Не прошло и часу, как приезжает меньшой брат, Иван-сын царский, привозит на копье голову воеводы и говорит:

— Ни одной души не осталось на поле сраженья, и голову воеводы к ногам твоим я привез.

— Ну, — говорит Алеша, — спасибо!

На другой день они опять выехали прежний клич кликать и лишь увидели, что выходит из города войско, поехали в шатры к Алеше и говорят:

— Скажи нам, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый: сам ли ты поедешь против войска, или которому-либо из нас прикажешь?

— Пусть, — говорит Алеша, — едет средний брат!

Не прошло и полутора часов, как приехал средний брат, Илья Королевич, привез на коне голову воеводы и говорит:

— Ни одной души не осталось на поле сраженья, и голову воеводы к твоим ногам я привез.

— Ну, — говорит Алеша, — и тебе спасибо!

На третий день царь Кащей вывел против них все войско — сколько осталось, и лишь только это увидели богатыри, пришли к Алеше и говорят:

— Скажи нам, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый, сам ли ты поедешь против войска, или которому-либо из нас прикажешь?

— Пусть, — говорит Алеша, — едет старший брат!

Не успели те богатыри ничего сделать, как приехал старший брат, Данило Белый, привез голову полководца и говорит:

— Ни одной души не осталось на поле сраженья, и голову воеводы к твоим ногам я привез.

— Ну, спасибо, — говорит Алеша.

Вот видит царь Кащей, что беда приходит, и посылает гонца к сыну Демьяну Кащенчу с вестью, что приехали в его царство четыре богатыря, и войско, сколько было в царстве, все перебили, и хотят царство разорить, и сестру его силой взять.

Демьян-то Кащенч был двенадцати лет, а ростом двенадцати сажень, а толщиной шести сажень; он ездил на волшебном коне и бился с сильным и могучим царем Далматом. В неделю проскакал он три тысячи верст и начал по чистому полю разъезжать и тех богатырей на битву вызывать.

Богатыри и говорят между собой:

— Ну, если сам Алеша Голопузый не поедет, то нам тут верная смерть.

Однако послушаться не смели и пришли к Алеше и говорят:

— Скажи нам, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузый, сам ли ты пойдешь против Демьяна Кащенча, или из нас кому-либо прикажешь?

— А что, разве я своей очереди не знаю? — говорит Алеша.

Вот выехал Алеша против Демьяна Кащенча с косой да с топором и думает:

— Однако смерть, так смерть: пусть отсекут мне голову — и концы в воду.

А богатыри один за другим и уехали: так испугались Демьяна Кащенча.

Вот как стал Алеша съезжаться да и думает:

— Дай-ка голову-то я наклоню, так хоть не увижу, как отсекут ее!

Задумано — сделано; а Демьян Кащенч думал, что это какая-нибудь рыцарская хитрость, повалился да и заснул. Вот Алеша и думает, что-то богатырь головы не сечет: «Дай-ка взгляну!» Взглянул, а Демьян-то Кащенч спит. Алеша сошел с лошади да и давай по шею пилить косой, коса не берет, — давай топором, и топор не берет. Что делать? — Подошел он к Демьяну, а у него меч-то закинут за спину.

Вот Алеша кой-как приподнял меч да и опустил на шею, а голова-то и покатилась. Алеша привязал ее за волосы к хвосту клячи, а та ни с места. Вскарабкался он кой-как на лошадь богатырскую ехать к богатырям: посмотрит, а там и место чисто; поворотился да и поскакал в город, там царь Кашей встретил его честью и славою, одели его как красную девицу. У царя Кашей не пиво варить, не вино курить, а честным пирком за свадьбу!

Вот прошло после свадьбы почти три года. В одно утро встает царь Кашей и смотрит, а на его лугах раскинуты шатры белополотняные, а на тех шатрах белополотняных выкинут флаг сильного царя Далмата. Царь Далмат лишь только услышал, что Демьян Кащенч убит, и пошел войной на царя Кашей. Царь Кашей не успел еще отойти от окна, как выехали из шатра три могучих

богатыря, и стали они клич кликать и царя Кашея на бой вызывать; а если царь к ним не выйдет, то они его царство разорят, а прекрасную царевну Елену Кашеевну силой возьмут.

Вот царь Кашей и говорит Алеше:

— Зять мой любезный! Ты прибил у меня все войско и сына моего Демьяна убил; так вся теперь надежда у меня на тебя: сам ты защищай и жену свою и царство; а если ты врагов прибьешь, я тебе царство отдам.

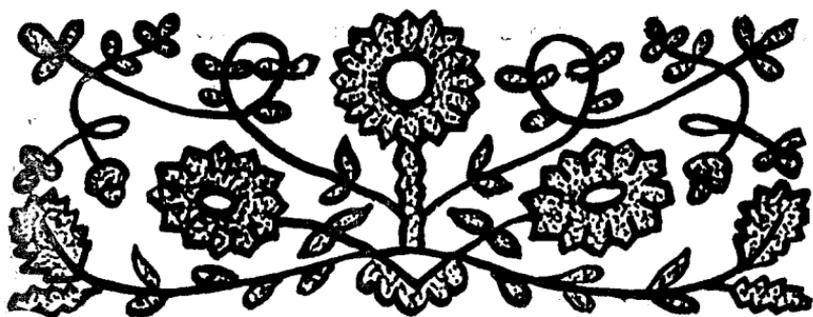
— Вот тебе, матушка, и Юрьев день, — думает Алеша, — однако уж двух смертей не будет, а одной не миновать, а я еще вот что сделаю: недалеко от города, на дороге, есть дуб, так велю на этот дуб приделать шелковую петлю, да такую крепкую, чтоб скорее дуб сломился, чем она сорвалась, а как поеду, так и суну голову в петлю: хоть стыда меньше будет; пусть там над мертвым что хотят, то и делают.

Как задумано, так и сделано. Вот и выехал Алеша и стал править к самому этому дубу, да вместо себя-то и загнал в петлю коня. А конь был такой сильный, что вырвал дуб со всеми корнями и побежал по войску, да куда прибежит — тут и улица, а повернет — там переулок, и, наконец, притоптал и придавил до одного человека.

Вот царь Кашей так этому обрадовался, что в тот же день и отдал ему свое царство. А наш сильный и могучий царь Алеша привез к себе отца и стал жить да быть.

Я там был, мед и пиво пил: пиво-то тепло, по губам текло, а в рот не попало.

О СОЛДАТЕ И СМЕРТИ

Прошло срочное время, отслужил солдат службу королю и стал проситься на родину с родными повидаться. Сначала было король не пускал его, но потом согласился, наделил его золотом-серебром и отпустил его на все четыре стороны.

Вот получил солдат отставку и пошел с товарищами прощаться, а товарищи и говорят ему:

— Неужели на простинах¹ не поднесешь, а прежде ведь мы хорошо жили?

Вот солдат и начал подносить своим товарищам, подносил-подносил, глядь, а денег-то осталось у него только пять пятаков.

Вот идет наш солдат. Близко ли, далеко ли, видит, стоит в сторонке кабачок,— зашел солдат в кабачок, на конейку выпил, на грош закусил и пошел далее. Прошел немного, встретилась ему старуха и стала милостыню просить, солдат и подал ей пятак. Прошел опять немного, смотрит, а та же старуха опять идет навстречу и просит милостыню; солдат подал другой пятак, а сам дивуется, как это старуха опять очутилась впереди.

¹ Прощанье.

Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню; солдат и третий пятак подал.

Прошел опять с версту. Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню; разозлился солдат, не стерпело ретивое, выдернул тесак да и хотел было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила к его ногам котомку и скрылась. Взял солдат котомку, посмотрел-посмотрел да и говорит:

— Куда мне с этой дрянью? У меня и своей довольно!

И хотел было уж бросить, — вдруг, откуда ни возьмись, явились перед ним, как из земли, два молодца и говорят ему:

— Что вам угодно?

Солдат удивился и ничего не мог им сказать; а потом закричал:

— Что вам от меня надобно?

Один из них подошел поближе к служивому и говорит:

— Мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вот этой волшебной сумочки, и если тебе что нужно, приказывай.

Солдат думал, что все это ему грезится, протер глаза, решился попробовать да и говорит:

— Если ты говоришь правду, то я приказываю тебе, чтобы сейчас же была койка, стол, закуска, водка и трубка с табаком!

Не успел солдат еще и кончить, а уж все и явилось, как будто с неба упало. Вынул солдат, закурил, повалялся на койку и закурил трубку.

Полежал он так довольно времени, потом махнул котомочкой и, когда явился молодец (служитель котомочки), солдат и говорит ему:

— А долго ли я буду здесь лежать на этой койке и курить табак?

— Сколько угодно, — сказал молодец.

— Ну, так убери все, — сказал солдат и пошел дальше.

Вот шел он после этого, близко ли, далеко ли, и пришел к вечеру в одну усадьбу, и тут славный барский дом. А барин в этом доме не жил, а жил в другом — в хорошем-то доме черти водились. Вот и стал солдат у мужиков спрашивать:

— Где барин живет?

А мужики и говорят:

— Да что тебе в нашем барине?

— Да почевать бы надо попроситься!

— Ну,— говорят мужики,— только пооди, так он уж отправит тебя чертям на обед!

— Ничего,— говорит солдат,— и с чертями разделаться можно, а скажите, где барин-то живет?

Мужики показали ему барский дом, и солдат пошел к нему и стал у него почевать проситься. Барин и говорит:

— Пустить-то я, пожалуй, и пуццу, да только у меня там не тихо!

— Ничего,— говорит солдат.

Вот барин и повел солдата в хороший дом, а как привел, солдат махнул своей волшебной сумочкой и, когда явился молодец, велел приготовить стол на двух человек. Не успел барин повернуться, а уж и явилось все. Барин, хоть и богат был, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а барин и украл золотую ложку. Кончили закуску, солдат махнул опять котомочкой и велел убрать все, а молодец говорит:

— Я не могу убрать — не все на столе.

Солдат посмотрел да и говорит:

— Ты, барин, для чего ложку взял?

— Я не брал,— говорит барин.

Солдат обыскал барина, отдал ложку лаксю, а сам и начал благодарить барина за почлег, да так его изрядно помял, что барин со злости занер на замок все двери.

Солдат запер все окна и двери из других покосов, закрестил их и стал чертей дожидаться.

Около полуночи слышит, что кто-то у дверей ницит. Подождал еще солдат немного, и вдруг набралось столько нечистой силы и подняли такой крик, что хоть уши затыкай! Один кричит:

— Напирай, напирай!

А другой кричит:

— Да куда напирать, коли крестов наставлено!..

Солдат слушал, слушал, а у самого волосы дыбом встают, даром, что нетрусливого десятка был. Наконец, и закричал:

— Да что вам тут от меня надо, босоногие?

— Пусти! — кричат ему из-за двери черти.

— Да на что я вас пушу сюда?

— Да так, пусти!

Солдат посмотрел кругом и увидел в углу мешок с гирями, взял мешок, вытряхнул гири да и говорит:

— А что, много ли вас, босоногих, войдет ко мне в мешок?

— Все войдем, — говорят ему из-за двери черти.

Солдат наделал на мешке крестов углем, притворил немного двери да и говорит:

— Ну-ка, я посмотрю, правду ли вы говорили, что все войдете?

Черти все до одного залезли в мешок, солдат завязал его, перекрестил, взял двадцатифунтовую гирию да и давай по мешку бить. Бьет, бьет, да и пощупает, мягко ли?

Вот видит солдат, что, наконец, мягко стало, отворил окно, развязал мешок да и вытряхнул чертей вон. Смотрит, а черти все изуродованы, и никто с места не двигается.

Вот солдат как крикнет:

— А вы что тут, босоногие, разлеглись? Другой бани, что ли, дожидаетесь, а?

Черти все кое-как разбежались, а солдат и кричит им вдогонку:

— Еще придете сюда, так я вам не то еще задам!

Наутро пришли мужики и отворили двери, а солдат пришел к барину и говорит:

— Ну, барин, переходи теперь в тот дом и не бойся уж ничего, а мне за труды надо на дорогу дать!

Барин дал ему сколько-то денег, и солдат пошел себе дальше.

Вот шел и шел он так долгонько, и до дому уже недалеко осталось, всего три дня ходьбы! Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается. Загородила она ему дорогу, а солдат не стерпел этого, выдернул тесак да и закричал:

— Что тебе надо от меня, старая? Хочешь тебе голову раскрою?

Смерть (это была она) и говорит:

— Я послана господом взять у тебя душу!

Вздригнуло солдатское сердце, упал он на колени да и говорит:

— Смилуйся, матушка-смерть, дай мне сроку только три года, прослужил я королю свою долгую солдатскую службу и теперь иду с родными повидаться.

— Нет,— говорит смерть,— не видаться тебе с родными и не дам я тебе сроку три года.

— Дай хоть на три месяца.

— Не дам и на три недели.

— Дай хоть на три дня.

— Не дам тебе и па три минуты,— сказала смерть, махнула косою и уморила солдата.

Вот очутился солдат на том свете, да и пошел было в рай, да его туда не пустили, недостойн, значит, был. Пошел солдат из раю, да и попал в ад, а тут прибежали к нему черти, да и хотели было в огонь тащить, а солдат и говорит:

— Вам что надо от меня? Ах вы, босоногие, или позабыли уж барскую баню, а?

Черти все побежали от него, а сатана и кричит:

— Вы куда, детки, побежали-то?

— Ой, батюка, — говорят ему чертеныга, — ведь солдат-то тот здесь!

Как услышал это сатана, да и сам побежал в огонь.

Вот солдат походил, походил по аду — скучно ему стало, пошел в рай да и говорит господу:

— Господи, куда ты меня пошлешь теперь? Раю я не заслужил, а в аду все черти от меня убежали; ходил я, ходил по аду, скучно стало, да и пошел к тебе, дай мне службу какую-либо!

Господь и говорит:

— Поди, служба, выпроси у Михаила-архангела ружье и стой на часах у райских дверей!

Пошел солдат к Михаилу-архангелу, выпросил у него ружье да и стал на часы к райским дверям.

Вот стоял он так долго ли, коротко ли, и видит, что идет смерть, да и прямо в рай. Солдат загородил ей дорогу да и говорит:

— А тебе что там надобно, старая? Пошла прочь! Господь без моего доклада никого не примет!

Смерть и говорит:

— Я пришла к господу спросить, каких на этот год велит людей морить.

Солдат и говорит:

— Давно бы так, а то лезешь не спросясь, а разве не знаешь, что и я что-либо да значу здесь; на-ка ружье-то поддержи, а я схожу спрошу.

Пришел служивый в рай, а господь и говорит:

— Зачем ты, служба, пришел?

— Пришла смерть, господи, и спрашивает: каких ты на следующий год велишь людей морить?

Господь и говорит:

— Пусть морит самых старых!

Пошел солдат назад да и думает:

— Самых старых велит господь людей морить, а что, если у меня отец еще жив, ведь она его уморит, как и меня. Так ведь, пожалуй, я и не повидаюсь больше. Нет, старая, ты не дала мне вольготушки на три года, так поди-ка погрызи дубы!

Пришел да и говорит смерти:

— Смерть, господь велел тебе на этот раз не людей морить, а дубы грызть, такие дубы, которых старше нет!

Пошла смерть старые дубы грызть, а солдат взял у ней ружье и стал опять у райских дверей ходить. Прошел на белом свете год, смерть опять и пришла спросить, каких на этот год велит ей господь людей морить.

Солдат отдал ей ружье, а сам и пошел к господу спросить, каких на этот год велит смерти людей морить. Господь велел морить самых матерых, а солдат опять и думает:

— А ведь у меня там есть еще братья да сестры и знакомых много, а смерть как уморит, так мне с ними и не повидаться больше! Нет, пусть же и другой год погрызет дубов, а там, быть может, нашего брата-солдата и миловать станет!

Пришел да и послал смерть грызть самые ядреные, матерые дубы. Прошел и другой год, пришла смерть на третий раз. Господь велел ей морить самых молодых, а солдат послал ее молодые дубы грызть.

Вот, как пришла смерть на четвертый раз, солдат и говорит:

— Ну тебя, старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: надоела!

Пошла смерть к господу, а господь и говорит ей:

— Что ты, смерть, худая такая стала?

— Да как худой-то не быть, целых три года дубы грызла, все зубы повыломала! А не знаю, за что ты, господи, на меня так прогневался?

— Что ты, что ты, смерть,— говорит ей господь,— с чего ты взяла это, что я посылал тебя дубы грызть?

— Да так мне солдат сказал,— говорит смерть.

— Солдат? Да как он смел это сделать!? Ангелы, подите-ка, приведите ко мне солдата!

Пошли ангелы и привели солдата, а господь и говорит:

— С чего ты взял, солдат, что я велел смерти дубы грызть?

— Да мало ей, старой, этого! Я просил у ней вольготушки только на три года, а она не дала мне и три часа. Вот за это-то я и велел ей три года дубы грызть.

— Ну, так поди-ка теперь,— говорит господь,— да откармливай-ка ее три года! Ангелы! Выведите его на белый свет!

Вывели ангелы солдата на белый свет и очутился солдат на том самом месте, где уморила его смерть.

Видит солдат какой-то мешок, взял он мешок да и говорит:

— Смерть! Садись в мешок!

Села смерть в мешок, а солдат взял еще палок да камня положил туда, да как пошлагал по-солдатски, а у смерти только косточки хрустят!

Смерть и говорит:

— Да что ты, служивый, потише!

— Вот еще, потише, еще чего скажешь, а по-моему так: сиди, коли посажена!

Вот шел он так два дня, а на третий пришел к свату-целовальнику¹ да и говорит:

— Что, брат, дай выпить; все деньги прожил, а я тебе на днях занесу, вот тебе мой мешок, пусть у тебя полежит.

¹ Трактирщику.

Целовальник взял у него мешок да и бросил под стойку. Пришел солдат домой, а отец еще жив. Обрадовался, а еще больше обрадовались родные.

Вот жил так солдат и здорово и весело целый год.

Пришел солдат в тот кабаk и стал спрашивать свой мешок, а целовальник едва и отыскал его. Вот солдат развязал мешок да и говорит:

— Смерть, жива ли ты?

— Ой,— говорит смерть,— едва не задохлась!

— Ну, ладно,— говорит солдат.

Открыл табакерку с табаком, понюхал да и чихнул.

Смерть и говорит:

— Служивый, дай-ка мне!

Она все просила, что увидит у солдата.

Солдат и говорит:

— Да что, смерть, ведь тебе мало одной щепотки, а поди сядь в табакерку да и нюхай сколько захочешь.

Только что смерть залезла в табакерку, солдат хлопнул да и носил ее целый год. Потом он опять отворил табакерку да и говорит:

— Что, смерть, нанюхалась?

Ой,— говорит смерть,— тяжело!

Ну,— говорит солдат,— пойдем я теперь покормлю тебя!

Пришел он домой да и посадил ее за стол, а смерть ела да ела за семерых. Рассердился солдат и говорит:

— Ишь, прорва, за семерых съела, эдак тебя не наполнишь, куда я денусь с тобой, проклятая?

Посадил ее в мешок да и понес на кладбище; вырыл в сторонке яму да и закопал ее туда.

Вот прошло три года, господь вспомнил про смерть и послал ангелов ее отыскивать. Ходили, ходили ангелы по миру, отыскивали солдата да и говорят ему:

— Куда ты, служивый, смерть-то девал?

— Куда девал? А в могилу зарыл!

— Да ведь господь ее к себе требует,— говорят ангелы. Пришел солдат на кладбище, разрыл яму, а смерть там уж чуть-чуть дышит. Взяли ангелы смерть и принесли ее к господу, а он и говорит:

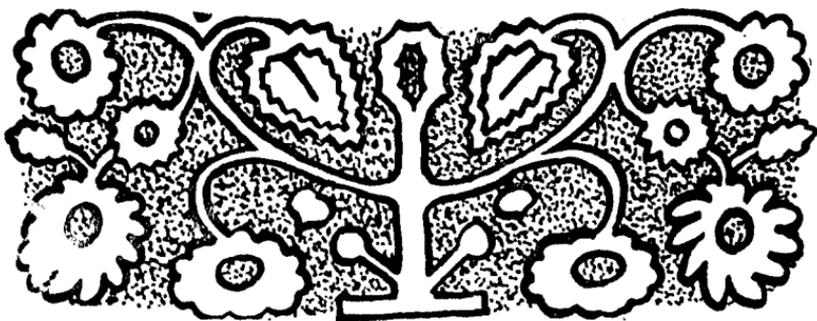
— Что ты, смерть, такая худая?

Смерть и рассказала господу все, а он и говорит:
— Видно тебе, смерть, от солдата не хлеба, поди-ка
кормись сама!

Пошла опять смерть по миру, да только того сол-
дата больше не посмела морить. Прожил он целых сто
лет, а потом пошел на войну, там его и убили.

В
жюльях
и
Минита
Д
яйца

СТАРИК И СОКОВИЦЫ¹

ил старик беднехонько. Все они со старухой приели, корочки сглодали.

Ну вот раз *(сказочник садится на лавку, подпирает подбородок рукой)* и завздохала старуха:

— Ох-ти, ох!

— Ты чего?

— Тоннехонько! Голодом живем. Для чего спину гнем? Все сарафаны на лоскутки разодрала.

— Надо бы, старуха, торговать.

— Что продашь, кроме навоза, ничего нету. *(Встает, обходит избу, заглядывает в углы, ищет подходящей для продажи вещи.)*

— Ничего нету, дырявая латка² одна. *(Уныло садится на лавку).*

— Старик!

— А?

— Наварю я, старик, соковиц, понеси в город продавать.

— Ну и баба! Генерал! Продам соковиц — куплю куру, продам куру — куплю гуся, продам гуся и дом куплю.

¹ Чечевица.

² Деревянная или глиняная посуда для молока.

Ну, наварила баба соковиц.

Взял старик кошель (*берет кошель с печки*), взял горшок (*берет из печи воображаемый горшок*), в кошель поставил (*ставит*), на спину привязал (*надевает кошель*).

— Прощай, баба! (*Крестится, целует воображаемую бабу.*)

— Ну, ты постой. Чего купишь-то, как денег наживешь?

— А многое надо бы.

— Мне на рукава купи, дочке на сарафан...

— Шапку новую, моя растрепалась.

— Мне горшков к печи.

— Мне крюк...¹

— Буренушку надо бы.

Вдруг баба и скажи:

— Нашему зятюшке ленивому гnedую кобылку или жеребчика! (*Вздрагивает и вытягивается. Угрожающе наступает на воображаемую бабу.*)

— Зятю?!

— Зятю.

— Ленивому?

— Ленивому.

(*Притискивает бабу к печке, идет крикливый спор.*)

— Чтоб жеребчика купил...

— Надо ведь.

— Да чтоб я...

— Надо.

— Да я ему...

Старик как пагнул, горшок-то и опрокинулся. Эти соковицы и поплыли. Ему все глаза залепило, в уши залило. Баба-то — ох! (*Опускается бессильно на скамейку.*)

Да и все тут. И торговать нечем!

¹ Кочергу.

ПРО УЛИТУ ДА МИКИТУ

или двое — Улита да Микита. Жили они хорошо: поужинать хлеб есть, а позавтракать и к обеду нету. Подряд два дня иногда не ели. Однажды посылает Улита Микиту дров попилить. Микита не идет:

— Есть,— говорит,— хочу!

Дров нет печки стопить, где попадется — жердь вытащат либо из дровен оглоблю выдернут да распилят. Нигде завалышей мучинки не стало.

— Эх ты, Микита! Посылала я тебя дров попилить, не пошел, теперь как жить будем?

Говорит Микита:

— Не тужи, Улита, жить будем!

— Не тужи! А как жить будем?

Микита выколотил простенок, распилили, стопили. Потом другой стопили. Так и дожили до пасхи, а весна тогда была ранняя.

Улита посылает Микиту:

— Поди к батюшке, попроси мякушку хлеба, скажи — третий день не ели, да проси маленько овса, маленько картошки, люди сеют, а нам сеять нечего!

А поп как раз в пасху насобирал хлеба и овса, приход был богатый,— в горницу не входит!

Бедный Микита в лаптях пришел, а поп был такой гордый, грубый.

— Проходи, Микита, что скажешь?

— Батюшка, послала меня Улита к тебе. Дай ты нам мякушку хлеба, третий день мы с Улитой ничего не ели! Да дай ты нам маленько овса, да маленько картошки. Люди сеют, а у нас сеять нечего.

Поп и отвечает:

— Какой у нас хлеб? Какая у нас картошка. Какой у нас овес? Ничего у нас нету, иди домой, Микита!

Микита ушел домой, а Улита и спрашивает:

— Что сказал батюшка?

— Ничего не дал.

Опять хлеба нету, уж четвертый день. Весна была ранняя, уж скот стали выпускать. Улита утром встала, берет топор и говорит:

— Бери топор, Микита, пойдем в лес!

— Для чего в лес?

Привела Микиту в лес, в такую рядину, где клочьяк¹ и пропасть² непроходимая.

Ну, руби лес, запрем огороду³.

Вот кружок и заперли. У попа было десять коров. Одна корова — белой масти, холмогорской породы. Они эту корову поймали, в огороде закрыли, а колокол запутали⁴.

А поп спохватился, стал корову искать. День ищут, другой ищут. Людей нанял, найти не могут. Улита опять посылает Микиту к батюшке просить хлеба, овса да картошки:

— Восьмой день не едим, батюшка, скажи!

Приходит опять Микита:

— Дай ты, батюшка, хлеба, восьмой день не едим! Да еще овса да картошки! Ведь народ сест, а у нас нету.

А поп опять отказывает:

— Какой у нас хлеб? Какой у нас овес? Какая у нас картошка? У нас такое расстройство — коровы восьмой день нет!

А Улита мужику наказала:

¹ Лес на кочковатом болоте.

² Крупный бурелом, гниющий в лесу.

³ Круговую ограду.

⁴ Подвязали, чтобы не звонил.

— Скажи батюшке: Улитушка моя не знает ли чего?
Ну, мужик и сказал.

А попадья и говорит:

— А правда, батюшка, бывает, люди знают. Микита, сходи за Улитой!

— Не пойдет, батюшка, подите сами!

Попадья и стала посылать попа. Поп приходит к Улите сам:

— Улитушка, у нас корова потерялась белой масти, холмогорской породы, не можешь ли найти?

— Батюшка, я восемь дней не ела, а ты не дал мне хлеба, овса да картошки. Я и в лес идти не могу, голодная. Люди бедным помогают!

— Да отыщешь, Улитушка, так дам!

— А придите вечером, да со мной в лес пойдете, и увидите, жива ли, мертва ли.

— Рано ли, Улитушка, прийти?

— А приходите перед заходом солнца.

Вот приходит поп перед закатом, солнце уж садится. А мужику она и наказала:

— Ты иди в лес, стань впереди огорода. Я два раза крикну — ты не отвечай, а третий раз крикну, ты ответь: «Есть, жива!»

Пошли они с попом в лес, пришли к рощанке¹.

— Ну, батюшка, эту березу загни да под левую пятку клади.

Потом закричала:

— Лес ирavedный, есть ли у тебя белая корова холмогорской масти?

Ответа нету.

— Батюшка, у тебя что-нибудь есть? Лес не отвечает, наверное, крест на тебе?

— Есть, Улитушка!

— Вынимай, клади под левую пятку!

Второй раз закричала:

— Лес праведный, есть ли у тебя белая корова холмогорской масти?

Опять ответа нету.

— Батюшка, у тебя еще есть что-нибудь?

— Есть молитвослов.

— Клади под левую пятку!

¹ К развилке дорог.

Поп положил.

— Больше ничего нет?

— Нет, Улитушка!

— Ну, теперь, батюшка, крепись!

Заорала опять во все горло:

— Лес праведный, есть ли у тебя белая корова холмогорской масти?

Микита в ответ кричит:

— Есть, жива!

Батюшка испугался, весь дрожмя дрожит.

— Батюшка, пойдемте домой, а к утру придет ваша Белка.

Попадья давала корове много хлеба, а эти сутки корова ничего не ела. Когда Улита ее отпустила, она раньше попа пришла домой. Поп приходит, попадья ему навстречу:

— Батя, Белка-то пришла домой!

— Матушка, дадим им хлеба каравая два, картонки, овса, чаю да сахару дадим!

Посылает Улита Микиту:

— Иди, а я пойду навстречу.

Приходит Микита к попу.

— Что, Микита, опять пришел?

— Да, батюшка, столько дней не ели, не может Улита из избы выйти!

— Дам, дам, Микитушка, дам! Дам две мякушки хлеба, овса, картошки дам, чаю да сахару дам!

Снесли домой картошку, овес и хлеб. Живут-ножат, чаек пьют да едят досыта.

Поп поехал к барину в город, деньги свезти и на месяц продукты забрать. Раньше, как поп приедет, так барин его встречает, а тут такой свирепый! Вот поп и говорит:

— Барин, что-то вы невеселый, мне кажется. Вряд у вас все по-ладному?

— А вот, батюшка, купил я перстень за полторы тысячи и потерял, а барыня все ворчит, все бубнит! Не знаю, куда он потерялся!

Поп и говорит:

— Барин, у нас такая есть колдунья, хоть что в воду брось, найдет!

— А где она?

— Да от нас через поле живет!

Написал ему адрес. Барин посылает работника за ней. У него было два работника. Одного звали Голова, а другого — Хребет. Имена такие были. Барин приказал работникам запрячь пару коней:

— Голова, поезжай за бабушкой, привези ее скорее! Написано было в записи: «Если не приедете — казню.» (Это раньше так все стращали!).

Приехали в деревню, даст Голова письмо:

— Да я неграмотная, дитяtko, почитайте вы сами!

— Вот, бабушка, у барина потерялся перстень в полторы тысячи ценой, надо отыскать.

— Да я не знаю, не знаю — не поеду.

— Бабушка, слушай, я прочитаю, тут написано: ты у попа корову отыскала, если не поедешь, то тебе голову на плаху! Если не поедешь, хуже себе сделаешь!

— Как, Микита, поедем или нет?

— Не знаю, дело твое, Улитушка!

А Голова одно твердит:

— Ехать надо!

— Как, Микита, одной мне ехать или вдвоем поедем?

— Как знаешь, Улита!

— А поедем вдвоем!

Ну, справились, поехали вдвоем. Едут дорогой, а Микита и говорит Улите:

— Улитушка, едем-то мы едем, а что-то нам будет!

— А что голове, то и хребту!

Работник услышал, вскочил:

— Бабка, да ты мое имя знаешь да и моего товарища?

— Да двадцать лет знаю! (А сама ничего не знает.)

Приехали. Народ собрался, а колдунья в лаптях, да Микита в лаптях, все в рибушах¹, народ смеется на них.

А Голова пришел к Хребту.

— Ну, товарищ, старуха ведь узнала и твое имя и мое.

И сговорились с ним, как сделать.

А их приводят в палаты, начинают угощать. Улита и Микита поели сколько хотели.

¹ В лохмотьях, в худом платье.

Потом их в особый покой положили спать. Легли, а часов в двенадцать за дверями что-то заскреблось. Микита и говорит:

— Улитушка, кто-то царапается!

— Дай-ка я сама схожу!

Улита вышла, а там Хребет. Он в руку что-то пихает:

— На двадцать пять рублей, а барину не говори!

— Иди скорми гусю перстень, да левое крыло замажь. Ты виноват не будешь!

А сама спать легла. Вот, поутру встают; их опять поят, кормят, а народу собралось много. Попила, поела и стала похаживать, только лапти скрипят.

— Барин, у вас есть гуся?

— Есть!

— Выпустите!

Гусей выпустили, она ходит меж гусей, ищет гуся с пятнышком. Увидала она гуся и говорит:

— Вот, вот виноватый! Зарежьте!

Гуся зарезали, а перстень в горле. Все тут дивуются:

— Вот старуха! Вот старуха!

Опять их поить-кормить стали на дорогу.

А барин и говорит барыне:

— Вот кто украл перстень, а ты меня ругала! Усь съел!

Народ и говорит:

— Все знает, так нарежьте-ка ворону, узнает ли, что это воронье мясо?

А она есть больше не хочет и говорит:

— Да, залетела ворона в царские хоромы, не знает, что есть да пить!

Тут все и ахнули:

— Вот ведь и воронье мясо узнала! Да еще снесите ка в тарантас под подушку десяток яиц, если все знает, так не сядет.

Ведут под руки Микиту да Улиту к тарантасу, публика сбоку глядит: сядет ли на яйца или не сядет?

Помогают старухе залезть в тарантас:

— О, господи, пришло время, что куру на яйца сядят!

Опять они дивятся:

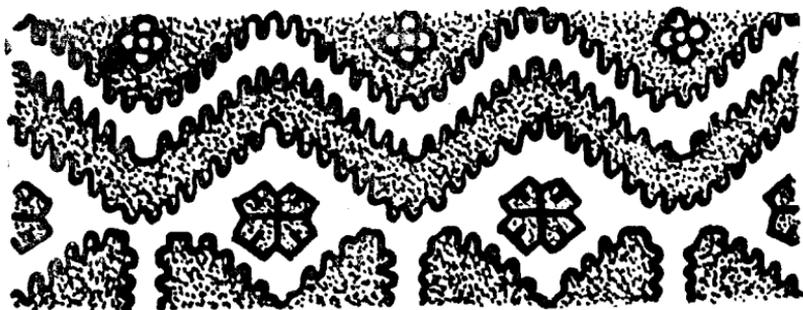
— Вот ведь! Все знает!

— Бабка, тут ведь яички положены. Возьмите их.

— Знаю, знаю! — говорит.

А барин им всего положил — надолго хватит. Приехали домой, старуха старую хату сожгла, новую выстроила, а как станут звать — стала отказывать: ничего, мол, не знаю.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ЦАРСТВО

Жил-был царь Ондрон. Жил он счастливо и хорошо, управлял своим государством, но детей у него не было.

Наконец, родилась у него дочь. Дочь эту назвали Марьей. Ну, вот эта Марья стала расти, девушка родилась красива, хороша, так что все соседи стали завидовать ее красоте.

И вот узнал про ее красоту чародей Мухомор. Этот чародей приехал к царю и стал свататься. Превратился молодым, а самому было, быть может, не одна сотня годов.

Царь узнал, что он чародей. За такого презренного человека царю отдать дочь не хотелось. Колдун-чародей так озлился на царя, что превратил все царство в болото, все царство заколдовал. А дочь их превратил в лягушку.

Заколдовал он это царство на 300 лет, а Марья-царевна стала лягушкой болотной. Царство все взялось болотом, а она скачет, квакает по болоту, по своему царству.

По соседству с ними жил тоже царь, и у этого царя было три сына: Макар, Захар да Иван. Сыновья у царя у этого стали вырастать. Надо ему их женить. Вот один раз он и говорит им:

— Ну, вот, дети, нужно вам жениться. Будете править царством. Я велю вам сделать по луку и по стреле. И эти стрелочки, — говорит, — будут решать вашу судьбу. Вы выйдете в чистое поле и выстрелите в разные стороны, какая стрела у кого куда упадет, тому там жениться.

Царь не терял времени, сделал им по луку, сделал по стреле и отправил в чистое поле стрелочки пускать — кто какую куда пустит.

Сыновья взяли стрелки и пошли в чистое поле. День такой прекрасный, хороший. Выстрелил старший — стрела попала к соседнему королю. А у короля была дочь. Значит, жениться ему на дочери. Ну, а второй сын выстрелил — к другому попало царю, у этого царя тоже была дочь. А младший выпустил стрелу, она полетела прямо в куст, в соседнее болото, где было заколдованное царство.

Вот из этого куста выскочила лягушка и несет стрелку в своих лапках:

— Ква, ква, — говорит, — вот тебе, Иван-царевич, твоя стрелка, попала ко мне в куст, в мою норку.

Он так разгневался:

— Вот, — говорит, — мое счастье! Попала в куст к лягушке моя стрела. Что теперь мне будет? Буду я несчастным человеком!

Приходят братья домой к своему отцу и рассказывают, у кого куда пала. Один говорит:

— Моя к такому-то королю.

Другой говорит:

— А у меня к такому-то царю.

Царь спрашивает у младшего:

— Ну, а ты что же ничего не говоришь?

— Совестно, — говорит, — мне сказать, папаша, куда моя упала стрела. Упала она в куст к лягушке болотной.

— Ну, это не беда. Ты счастливый человек, — отец говорит.

— Как же счастливый, когда к лягушке упала?

— Эта лягушка из заколдованного царства. Ты не бойся, — сыну говорит, — ничего опасного тут нет.

Ну, братья стали над ним смеяться:

— К скакухе болотной упала твоя стрела! Скакуху болотную подстрелил.

Прожили они так некоторое время, царь им и говорит:

— Ну-ка, дети, скажите своим женам, пусть мне вытрут по полотенцу. Посмотрим, какие они работницы.

Братья смеются над младшим:

— Мы-то пойдем — один к королевне, другой к царевне, а ты куда пойдешь, Ваня? Придется тебе идти к скакухе в болото. Что тебе скакуха сделает? Да ровным счетом ничего!

Приходит он к своей скакухе болотной. Бежит она ему навстречу:

— Ква, ква, Иван-царевич, что ты кручинный, что ты печальный?

— Вот, — говорит, — потому я кручинный, печальный, что папаша велел приготовить полотенце. Ты разве сделаешь?

— Ну, Иван-царевич, иди за мной, — говорит.

Вот Иван-царевич идет, она впереди, Иван-царевич следом. Приходят к большому кусту. Она заквакала, вдруг из этого куста стал большой дворец. Потом второй раз заквакала и перекувырнулась и сделалась из болотной скакухи прекрасной Марьей-царевной.

Иван-царевич посмотрел:

— Тут что-нибудь не то. Тут скакуха, да не та, не лягушка, а человек.

Затем он у нее спрашивает:

— Почему ты была лягушкой болотной, а теперь превратилась в прекрасную женщину?

— Иван-царевич, — говорит она, — я была одна дочь у царя, у отца, и на мою красоту позарился чародей Мухомор. Но отец узнал, что он чародей и не отдал меня за чародея Мухомора. А он рассердился и взял превратил наше царство в топучее болото. И вот до тех пор будет наше царство болотом, а я болотной лягушкой, пока меня не освободят. Теперь ты освободишь меня, и я буду по-прежнему прекрасной Марьей-царевной. Пока ты этой моей тайны не открывай никому.

Иван-царевич у нее ел ли, пил ли, того не знаю; знаю, что повалился спать. А она стала приготавливать полотенце для будущего свекра. Взяла разных трав нарубила, вынесла на ветер и бросила:

— Нянюшки, мамушки, верные служанушки, как служили батюшке, матушке, так послужите и мне,

Марье-царевне, скакухе болотной. Сделайте мне полотенце, чтобы подать моему свекру на стол было не совестно.

Тут недолго; они сделали ей полотенце и завернули в бумажку. Иван-царевич поутру встает со сна ранехонько. Она его разбудила — ей ведь долго нельзя было оставаться человеком, опять надо было возвращаться в старую свою шкуру лягухи болотной.

— Ну, вот,— говорит,— Иван-царевич, возьми этот сверточек и отдай своему папаше от меня в подарок. А про меня так скажи: «Вот подарок от моей будущей жены, от скакухи болотной».

Иван-царевич приходит домой, а братья уже дома. И братья тоже принесли подарки. Иван-царевич подал царю и говорит:

— Вот, папенька, мой подарок, от моей будущей жены полотенце, как вы велели сделать.

Царь у старшего посмотрел полотенце:

— Это полотенце отдайте кухаркам на кухню руки вытирать.

У второго посмотрел:

— Это полотенце,— говорит,— отдайте горничным, тоже руки вытирать.

Потом посмотрел у Ивана-царевича и велел повесить в свою столовую, где собираются гости — пусть оно висит там.

Прошло некоторое время, царь говорит:

— Ну, вот что, дети, пусть ваши жены сделают по ковру на мои диваны.

Вот и пошли братья: старший к королевне, второй пошел к царевне, а Иван-царевич пошел к скакухе болотной своей. Куда стрела упала, там надо и судьбу свою решать.

Приходит старший к своей королевне:

— Такой-то надо сделать ковер.

Второй тоже говорит своей царевне:

— Сделай ковер, папенька велел!

А Иван-царевич опять к скакухе болотной идет. А она опять бежит навстречу.

— Ква, ква, Иван-царевич, что вам нужно, что папенька приказывал сделать?

— Папенька велел невестам сделать по ковру на его диваны.

— Ну, ладно, это не служба, а службишка; служба вся будет впереди,— отвечает ему.— Умойся, утрись на спясть ложись, а поутру встанешь, все будет готово.

Иван-царевич умылся и спать повалился опять, а она, как стемнело, приготовила разных трав, вынесла на ветер, бросила эти травы и говорит:

— Нянюшки, мамушки, верные служанушки, как служили папеньке и маменьке, так послужите мне, Марье-царевне, скакухе болотной.

Ну, тут недолго: нянюшки, мамушки такой ковер сделали, что лучше не требуется. В бумажку завернули и говорят:

— Вот тебе, Марья-царевна, подарок твоему будущему свекру.

Время прошло, ей пора превращаться в скакуху болотную. Она разбудила Ивана-царевича и говорит:

— Получай ковер моей работы, передай папеньке своему и так скажи ему: «Вот, папенька, подарок от моей скакухи болотной».

Иван-царевич взял подарок и приходит домой. Братья тоже принесли подарки.

Стал царь смотреть подарки:

— Старшего сына, — говорит, — ковер — конюхам ноги вытирать. А второго сына ковер положите на кухню — кухаркам ноги вытирать. А ну, что, — говорит, — у тебя, Иван-царевич, от скакухи болотной?

Взял, посмотрел.

— О, да, — говорит, — это можно положить на ту кушетку, где я сижу.

Потом говорит:

— Ну, дети, принесите по пирогу от своих жен, я хочу попробовать их стряпни.

Отправились сыновья: один — к королевне, другой — к царевне, а младший — к скакухе болотной. Выбегает лягушка болотная:

— Ква, ква, Иван-царевич, чем могу тебе услужить?

— Вот мой отец хочет отвесть стряпни будущих невесток и велел испечь по пирогу.

— Ну, это что, — говорит, — не служба, а службишка, служба вся будет впереди, — она ему ответила.

Пошла к кусту, перекувырнулась — куст превратился в дворец, а она сделалась человеком, прекрасной девицей.

— Ну, Иван-царевич, помойся, да утрись, да спать ложись, поутру встанешь, все будет готово.

Иван-царевич умылся, спать повалился. А она тем временем взяла муку да воду. Болтала, наболтала, потом взяла да за окошко и вылила:

— Нянюшки, мамушки, верные служанушки, как служили папеньке, маменьке, так послужите и мне, Марье-царевне, скакухе болотной. Испеките пирог будущему свекру.

Через недолгое время и пирог готов. Завернули в бумажку, подали — только парок идет тепленький, горячий.

Иван-царевич встает, она ему подает:

— Вот моюстряпню отдай папеньке, скажи: «Возьмите, папаша, от моей будущей жены, скакухи болотной».

Иван-царевич взял и отправился к свосму папаше. Приходит домой, а братья пришли уже, поданы на столе пироги.

— Вот, — говорит, — папаша, мой пирог от моей будущей жены, скакухи болотной.

Царь взял пироги.

— Этот пирог, — говорит, — раскрошите, лошадям отдайте, пусть лошади едят — от старшего сына.

И второй пирог отдал:

— Пускай, — говорит, — служанки раскрошат и скоту отдадут: свињям, коровам.

Потом стал смотреть скакухи болотной пирог. Посмотрел и говорит:

— Ну, этот пирог не совестно и на стол положить.

Вот и подошло время, надо царю сыновей женить — свадьбы играть.

— Ну, дети, — говорит, — идите к своим невестам, зовите их, будем свадьбы играть.

А Иван-царевич и подумывает:

— Ну, как моя приедет? Они-то на конях и в каретах присдут, а мне что же делать? Лягушку болотную в кармане везти?

Приходит Иван-царевич на болото, а навстречу бежит скакуха:

— Ква, ква, Иван-царевич, чем могу услужить? Что вашему папеньке требуется?

— А вот, — говорит, — велел он привезти невест, будущих жен во дворец, будут свадьбы играть.

— Ну, это, — говорит, — не служба, а службишка, служба вся еще впереди.

Зашла в куст, перекувырнулась, сделалась прежней красавицей Марьей-царевной.

— Ну, Иван-царевич, — говорит, — иди домой и ве-ли папаше забить окна, чтобы не было свету во дворце. Будут кричать: «Царь, царство горит!» Царь побежит к дверям, а ты его держи, скажи, что не царство горит, это моя жена в карете едет. Так будет повторяться три раза. Все будут кричать: «Царь, царство горит!» А ты отвечай: «Не царство горит, а моя жена в карете едет».

Иван-царевич отправился домой, к своему папаше. Приходит, а братья еще не справились, не успели приехать. Потом приехали и братья, все по своим залам разошлись, царь увидел Ивана-царевича и спрашивает:

— А у тебя где жена?

— А моя жена, папенька, сама приедет в карете. А ты забей окна, чтобы не было свету во дворце.

Царь послушал сына. Приказал забить окна. Только окна забили, вдруг кричат:

— Царь, царство горит!

Царь вскочил. Он думал, что и на самом деле царство горит.

— Это не царство горит, — говорит отцу Иван-царевич, — это моя жена в карете едет.

Вдруг опять закричали:

— Царь, царство горит!

Царь опять вскочил, Иван-царевич говорит:

— Нет, не царство горит, моя жена в карете едет.

Царь опять уселся. В третий раз кричат:

— Царь, царство совсем загорелось!

Царь вскочил, хотел бежать посмотреть, что делается. Сын опять схватил его за руку:

— Нет, садись, — говорит, — папенька, это моя жена в карете приехала.

Вышли все встречать. Царь сам был там. Стоит карета, вся как жар горит, вся самоцветными камнями усылана.

Вот привели Марью-царевну в покои. Ночью она человеком, а днем скакухой болотной.

Иван-царевич говорит:

— Ну, папаша, пир делай к ночи, днем она опять скакухой болотной будет.

Царь так и сделал. Пир устроил ночью. Всех королей, всех царей позвали соседних на свадьбу. И братья пришли со своими женами. Все красивы, все хороши, а у Ивана-царевича Марья-царевна лучше всех, красивее.

Сели за стол. Марья-царевна, скакуха болотная, из рюмки, из бокала маленько выпьет, а остальное в рукав выливает. И озубки¹ тоже за рукава пускает. А жены братьев это увидели и тоже за рукава стали выливать и озубки прятать.

Старику царю захотелось потанцевать. Как пошли танцевать, у жены старшего — королевны из рукава озубки посыпались, полилось все. Вот позор! И у второй тоже: из рукава льется, да озубки валяются.

Ну, вот дело доходит до жены Ивана-царевича — лягухи болотной. Та пошла плясать, рукавом пошевелила — оттуда посыпались сады разные, пруды на улице сделались, птицы в садах запели, и такое сделалось веселье, какого никогда не бывало.

Кончился пир к утру, к свету. Братья ушли с женами по своим покоям. А Ивана-царевича жена — Марья-царевна превратилась в лягушку болотную и говорит ему:

— Ну, Иван-царевич, еще три дня я буду скакухой, а потом стану человеком.

День прошел, Иван-царевич и говорит:

— Такая жена моя красавица. Довольно ей быть скакухой! Взял ее шкуру и сжег. Ночь проходит, приходит день, она шкуру свою ищет, а шкурки нет.

— Ну, Иван-царевич, не умел ты мною владеть, не хотел обождать день-два, теперь не увидишь меня, может быть, вечно. Теперь овладеет мною чародей Мухомор, который меня заколдовал. А ты, Иван-царевич, будешь по свету путешествовать, сносишь три пары железных лаптей, сносишь три железных кафтана и три железных шляпы, три железных посоха о землю исколотишь, тогда только ты меня найдешь, а, может быть, и тогда не найдешь.

Только она проговорила, чародей подхватил ее на воздух и унес. Только у Ивана-царевича и жена была.

¹ Огрызки, обглоданные кости.

Иван царевич закручинился. Ну, что же делать! Придется идти путешествовать по белому свету.

Сходил он к кузнецам, заказал железные лапти, потом железные кафтаны велел сделать, потом три шляпы железных и три посоха тоже железных. Все это ему сделали, и он отправился в путь-дорогу.

Долго ли там, коротко ли путешествовал. Одни лапти износил и один кафтан тоже износил, палку одну истыкал о землю, и шляпу дождем пробило, стала дырявая; он ее скинул, надел другую.

В конце концов пришел он к бабушке-задворенке и рассказывает ей, что с ним было и что случилось.

— Ой, ой, ой, миленький, — говорит, — долго тебе путешествовать. Но я помогу твоему горю. Марья-царевна теперь у чародея Мухомора. А он живет у самого моря. На море стоит остров, на острове его дворец. В этом дворце и Марья-царевна у него. А тебе надово что сделать. На море лежит рыба-кит. В этом ките ящик, а в том ящике утка и в утке яйцо, а в этом яйце смерть Мухомора-чародея. Достань его смерть, и твоя будет Марья-царевна.

Пошел Иван-царевич путешествовать. Ходил он долго ли, коротко ли, наконец, нашел рыбу-кита, стал просить он, чтобы выхаркнул ящик. Кит выхаркнул ящик, он взял этот ящик, открыл. Открыл ящик, а утка из ящика вылетела — и до свиданья, как будто век не была. Пошел он опять по берегу. Что же делать!

Он уже второй кафтан износил, и вторые лапти, и шляпу, и посох истыкал, остался один кафтан, да пара лаптей, и одна шляпа. Видит, у берега коршун.

— А что, — говорит, — я усталый, голодный, убью-ка этого коршуна и сварю.

А коршун ему и говорит:

— Не бей, Иван-царевич, у меня малые дети не выкормлены, дай мне пожить, а я тебе что надо, то и сделаю.

Он оставил коршуна. Идет и не знает, что и делать. Видит, на берегу лежит щука.

— Коршуна не удалось убить, давай хоть щуку сварю и съем.

Щука говорит:

— Оставь, Иван-царевич, меня живой, я тебе пригожусь.

— Ну, ладно, — говорит, — не трону тебя.

И спихнул ее с сухого берега в воду.

Идет — едва уж ноги переставляет: голодный да холодный.

— Хоть бы зайка, — говорит, — папался бы, я бы его убил да и съел.

Вдруг, откуда ни возьмись, бежит зайка. Он прицелился, только хочет выстрелить, а заяц говорит:

— Не бей, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

— Дай я оставлю и зайца, — говорит.

А утка все летит и летит, чуть-чуть видно. Куда он идет, туда и утка летит, а убить не может. Тут и подумал Иван-царевич:

— Коршун мог бы ее подогнать ко мне. Где же, — говорит, — этот коршун, которого я не убил, оставил в живых?

Ну, а в это время коршун тут как тут.

— Что, — говорит, — Иван-царевич, тебе угодно? Я твоей беде помогу.

— А мне, — говорит, — надо достать утку, которая тут летает вверх.

Коршун, не говоря ни слова, взлетел вверх, утку ударил или не ударил, испугал, она все вниз, вниз. Иван-царевич выстрелил, утка упала в море, опять достать никак нельзя, опять несчастье.

Иван-царевич задумался. В это время явилась щука:

— Что, Иван-царевич, тебе угодно?

— А мне, — говорит, — надо достать утку, утка плавает в море раненая, никак достать не могу.

Щука, не говоря ни слова, повернулась да за уткой. Поймала утку и притащила Ивану-царевичу.

— На, Иван-царевич, вот тебе твоя утка.

Иван-царевич взял утку, разорвал ее, яйцо выпало на песок. Выпало на песок да и разбилось. Вот где беда! Иван-царевич подумал: «Я ведь спас зайку, не подстрелил его, не может ли он чем помочь?»

Зайка прибежал, лапками всплеснул, и яйцо снова сделалось, как яйцо. Иван-царевич взял яичко, положил в карман и пошел дальше к морю.

Теперь надо перебраться на остров. Как перебраться, не знает.

— Где-то был еще кит. Не придет ли он ко мне и не поможет ли?

Откуда ни возьмись, этот кит пришел.

— Ну, что, Иван-царевич, вам угодно?

— Переправь меня на этот волшебный остров к Мухомору-чародею.

— Садись, — говорит кит, — на меня, на кита, я тебя перенесу на этот остров.

Он сел на кита, кит его понес на ту сторону. Кит говорит:

— Ну, иди, Иван-царевич, теперь нету чародея Мухомора. Мухомор летает по свету, воюет с другими чародеями. За этой горой его дворец. Ты иди прямо к его дворцу. Там тебя встретит Марья-царевна.

Он приходит к дворцу, его встретила Марья-царевна:

— Откуда ты взялся, — говорит, — и как сюда попал?

— Как не попался, а здесь оказался.

— Скоро, — говорит, — прилетит Мухомор-чародей. Он тебя растерзает. Куда же мне тебя спрятать? А надо куда-нибудь спрятать!

Обернула его булавочкой да воткнула в стену. Только она его обернула в булавочку и ткнула в стену, вдруг прилетает Мухомор-чародей:

— Фу, фу, фу, — говорит, — я на Руси не бывал, русского духу не слышал. Кто у тебя есть? Говори!

— Есть Иван-царевич.

— Ага, а как он сюда попал? Я его сейчас раздавлю!

А Иван-царевич тут как тут, выскочил из стены, обернулся человеком. Мухомор ему говорит:

— Ну, долго я тебя искал, наконец, нашел. Смерть тебе, не бывать тебе, Иван-царевич, на белом свете.

А он ему в ответ:

— Да нет, — говорит, — мне ли не бывать на свете или тебе. Еще посмотрим. Довольно ты живешь, много людям вреда сделал.

Вынимает из кармана яйцо и перекидывает с руки на руку. Как с руки на руку перекинул, так этого Мухомора-чародея из угла в угол и бросило.

— А, — говорит Мухомор, — Иван-царевич, ты достал смерть мою.

— Ну, ладно, довольно, — говорит Иван-царевич, — что с тобой капителиться.

Ударил ему в лоб этим яйцом, Мухомор упал и помер.

Марья-царевна Ивану-царевичу в объятия бросилась:

— Ну, спас меня от чародея! Надо нам отсюда уезжать теперь.

Вышли они из дому с Марьей-царевной, и вот он ей говорит:

— Надо этот замок сжечь, чтоб не было и Мухомора-чародея и этого замка.

Она говорит:

— Нужно это сделать, нужно сжечь.

Вышли они из дворца, зажгли его, и сгорел он вместе с Мухомором. Остров стал пустой, ничего не осталось на острове.

— Ну, как же теперь, — говорит, — Марья-царевна, мы переберемся на ту сторону?

— Ну, это уже дело, Иван-царевич, не твое, а мое.

Вынула из кармана волшебный перстень чародея Мухомора, одела его на палец. Выходят два молодца:

— Что вам угодно, Марья-царевна и Иван-царевич?

— Перенесите нас на ту сторону моря.

Сделалась у берега лодка, в лодке два молодца, перевезли их на другую сторону. Они пересехали на ту сторону, вышли на берег.

Рассказал Иван-царевич Марье-царевне, как он путешествовал. А Марья-царевна говорит ему:

— Иван-царевич, Мухомор-чародей убит и мое царство теперь расколдовано. Поедем в мое царство. Ты теперь уж будешь не в отцовском царстве править.

— Это-то, — говорит, — все равно, в твоём царстве жить или в отцовском, да как мы туда попадем?

— Ладно, сейчас попадем.

Огаль взяла кольцо, перекинула с руки на руку, и опять явилось два молодца.

— Что вам угодно, Марья-царевна и Иван-царевич?

— Нужен нам ковер-самолет!

Сели они на ковер-самолет и быстро приехали в царство к Марье-царевне.

Приехали в царство, там народ уж живет по-старому, ожило все. Потом они царя, отца Ивана-царевича, и братьев созвали и сделали пир на весь мир.

Я там был, вино пил, по усу текло, а в рот не попало.

БАРИН И ПЛОТНИК

ел плотник между двумя деревнями — Райковой и Адковой. Встретился ему барин приезжий из другой губернии и спрашивает: — Ты, мужик, из какой деревни идешь? — Из Райковой.

— А я куда еду?

— В Адкову.

— Ах ты, дурак! Ты — мужик, да из Райковой, а я — барин, да в Адкову... Слуги, взять его и всыпать ему хорошенько!

Лакей соскочил, схватил плотника и давай его бить; били сильно, а потом уехали.

Ладно, — думает плотник, — не пройдет это тебе даром. Узнал мужик, где барин живет, и идет к нему; приходит. А барин любил строиться и строил мызу¹. Барин не узнал плотника и подрядил его мызу строить. Зовет его плотник в лес бревна выбирать. Барин пошел. Пришли. Плотник ходит по лесу, да обухом по деревьям постукивает, да ухо прикладывает.

— Ты что же это, что-нибудь узнаешь?

— А ты обойми дерево, приложи ухо, и ты услышишь.

¹ Дачу, хутор.

— Да у меня руки не хватают!

— Ну, я тебя привяжу.

Привязал плотник барина к дереву, взял вожжи и давай бить. Дул, дул, барин еле жив остался. А мужик бил да приговаривал:

— Еще тебя, сукина сына, два раза взбучу: не обижай мастерового человека!

Взял барскую коляску и уехал. Барина еле нашли в лесу через три дня, уж при смерти был.

Хворает барин от мужицкого угощения, а плотник переоделся так, что не узнать, и приходит лечить барина. Докладывают барину, что пришел лекарь. Барин обрадовался, а лекарь велел истопить баню. Пошли в баню. Помыл, потер лекарь барина и говорит:

— Ну, теперь надо, барин, тебя попарить.

Барин согласился, и опять плотник вздул барина, да еще по голому телу хуже пришлось.

— Ну, еще раз от меня тебе битому быть: не обижай мастерового человека.

Сговорился плотник с братом: велел брату прогнать мимо барского дома на барских лошадях, которых плотник угнал из лесу. Барин увидел в окно и послал всех своих слуг в погоню. Гнали, гнали слуги вора — не догнали, а пока ездили, барин был один дома, плотник пришел к барину и еще раз поколотил его.

— Ну, барин, помни смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человека.

Наутро барин приехал в город, увидел плотника, спрашивает:

— Мужичок, ты ведь вчерашний?

— Никак нет, мне сорок лет, какой же я вчерашний!

ЧТО ДАЛЬШЕ СЛЫШНО

Жил вдовый крестьянин, было у него три сына, и все были женаты. Все было хорошо, да одно неладно: невестки между собой жили недружно, постоянно ругались, а все из-за того, что каждая из них хотела большухой¹ быть. Все были исправны, и каждая из них могла быть большухой.

Наскучили старику перекоры невесток; однажды он призвал сыновей и говорит им:

— У невесток каждый день споры, дым коромыслом. Надо это прикончить; я надумал задать им загадку, которая отгадает, та пусть и большухой будет; только чтобы после этого уж спору не было, если они будут согласны, то и делу конец.

Призвали невесток, и те на это согласились.

Поздно вечером старик и говорит невесткам:

— Вы согласились отгадать загадку, так вот на целую ночь вам загадка, отгадайте: «Что дальше слышно?» Завтра рано спрошу у вас, и которая отгадает, та и будет большухой.

Утром старик позвал сыновей с невестками и спрашивает у старшей:

¹ Хозяйкой, старшей женщиной в доме.

— Что, отгадала ли?

— Петуха голос, когда он весной поет на заре, дальше всего слышно.

— Да, петуха далеко слышно, — говорит старик. — Ну, а ты? — спрашивает он у средней.

— Когда весной собака лает на заре, то гораздо дальше петуха слышно.

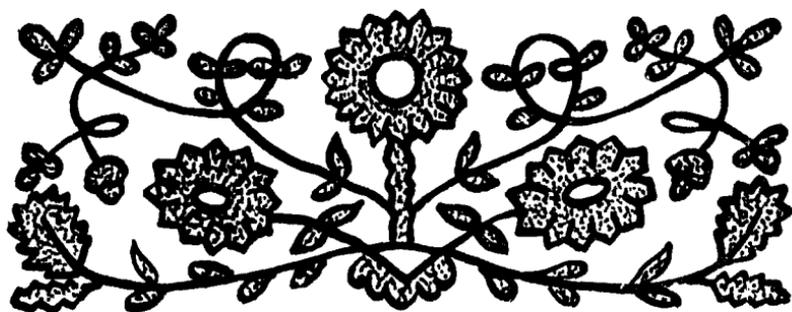
— Да, — говорит старик, — пожалуй, собаку и дальше слышно. Ну, а ты что скажешь, меньшая невестка?

— Хлеб да соль¹ дальше всего слышно.

— Да, — говорит старик, — хлеб да соль за тысячи верст слышно! Будь же ты большухой.

¹ Гостеприимство.

ПЕТУХ, КОТ, СВИНЬЯ, БАРАН И БЫК

или старик со старухой, было у них много скотины: петух, кот, свинья, баран и бык. Сидят летом старик со старухой на зава- линке, старик и говорит:

— А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, скоро у нас праздник, зарежем его к празд- нику.

— А как знаешь, так и делай, — говорит старуха.

А петух услышал и ночью в лес улетел. Долго на другой день искал старик петуха и не мог найти.

Пришел вечер, опять сидят старики.

— А что, старуха, петух куда-то затерялся, завтра зарежу свинью.

— Зарежь, — говорит старуха.

Свиньи услышала и ночью убежала в лес. Пришел утром старик на двор, а на дворе свиньи нет; искал, искал, не мог найти. Вечером опять сидят, старик и го- ворит:

— Завтра зарежу барана.

Баран услышал и в лес убежал. Старик и того найти не мог. Сидят опять вечером и говорит старуха:

— Бык один на дворе остался, хоть быка зарежь.

— Ладно, — говорит старик.

А бык услышал и в лес убежал. Пришел старик на

двор — и быка нет, долго искал и не мог найти. Пришел и говорит старухе:

— Что за чудо! Вся скотина извелась, поищу еще хорошенько, а если не найду, то и коту убью да из шкуры шапку сошью.

Кот услышал и ночью в лес убежал.

Летом в лесу хорошо. Быку и барану травы сколько угодно, только кушай; кот мышей ловит да птичек; петух мошек клюет, свинья все ест. Только и плохо, когда дождик пойдет.

Но лето прошло, наступила осень, стало холодно, а после осени еще зима придет, еще холоднее будет. Бык надумал на зиму избу строить, нашел барана и говорит:

— Давай, баран, вместе избу строить. Зима придет, будет холодно, замерзнешь.

— Нет, не замерзну, у меня шуба теплая, буду бегать, мне и тепло будет.

Нашел бык свинью:

— Давай избу строить, свинья, зимой будет холодно — замерзнешь.

— Нет, не пойду избу строить, я вырою глубокую яму в земле, заберусь в яму, а снега нападёт, мне еще теплее будет, так и пролежу до лета.

Пришел бык к петуху:

— Давай, петух, избу строить, зима придет, холодно будет.

— Нет, — говорит петух, — я одно крыло постелю, а другим покроюсь, мне и тепло будет.

Нашел бык коту:

— Давай, кот, избу строить.

— Нет, мне тепло будет, свернусь клубком и согреюсь.

Все отказались избу строить. Бык выбрал сухое место, натаскал бревен, нарвал моху и соорудил избу; печку сложил и дров наготовил.

Пришла осень, иной день и холодно, а быку тепло, истопил печку и сидит в избе.

Наступила зима, стало холодно, баран бегал, бегал и согреться не может и пошел искать быка, нашел и просится в избу.

— Что же, — говорит бык, — ты сказал, что будешь бегать и согреешься, что и шуба теплая. Не пущу в избу, зачем строить не пособил.

— А если непустишь, то я рогами все углы в избе отобью, все равно и тебе не тепло будет.

— Ну, ступай уж, — говорит бык.

Баран зашел в избу и сел в угол.

Вырыла свинья яму рылом, легла в нее, стало и свинье холодно и побежала хавропьюшка быка искать. Прибежала к избе и просится у быка. Бык и говорит:

— Что же ты хотела зиму пролежать в яме, а сама просишься? Не пущу, избу не строила.

— А не пустишь, так я вырою под все углы ямы — и изба упадет.

Пустил бык свинью, свинья забралась в избу, да показалось жарко и ушла в подполье.

Петух одно крыло подостлал, а другим покрылся, но все холодно; пробрал холод петуха, и полетел он искать быка; еле до избы дотащился и просится у быка в избу.

— Ведь ты сказал, что одно крыло подстелешь, а другим прикроешься, тебе и тепло будет, а теперь просишься; нет, брат, не пущу, избу строить не собил.

— А не пустишь, так я весь мох выклюю из стен, тебе и самому будет холодно.

— Ну, забирайся в избу, тебе немного места нужно.

Забрался петух и сел на жердочку.

Кот еще кое-как сбивался, но и того холод пробрал. Пошел тоже быка искать. Добежал до избы, лапки стряхивает и просится в избу. Бык и говорит коту:

— Что же ты говорил, что свернешься клубком, тебе и тепло будет? Нет, не пущу, избу не строил.

— Если не пустишь, то я у тебя весь мох когтями выцарапаю, ты и сам замерзнешь.

Пустил бык и кота.

— Иди, — говорит, — уж мы все тут собрались, куда же тебя одного покинуть.

Кот забрался и прямо на печку, и лежит.

Идут семь волков серых, видят в лесу избушку, один молодой волк и говорит:

— Братцы, я пойду в избушку, а если долго не приду, приходите на выручку.

Приходит волк в избу и уставился на барана, испугался баран и от страха хотел уже заблеять; вдруг петух закричал:

— Куку-реку!

Слетел с жердочки и давай волку глаза клевать. Выскочил кот из печи, фыркнул и ну глаза волку царапать. Бросился на подмогу баран из угла и так боднул рогами волка, что тот перекувырнулся. Набежал бык и рогами проткнул бок волку. А свинья в подполье кричит:

— Хрю, хрю, хрю! Ножики точу, топоры точу. Хочу живого съест.

Едва волк из избы выбрался, бежит и кричит товарищам:

— Ой, братцы, бегите!

Когда убежали далеко и сели отдохнуть, волк и стал рассказывать:

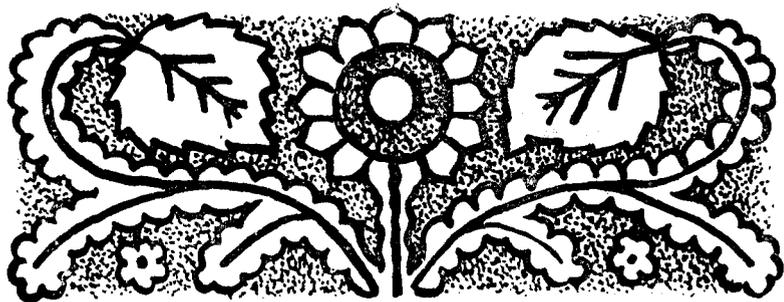
— Как только я зашел в избу, вижу кого-то мохнатого, он уставился на меня; вдруг что-то захлопало, закричало и на меня, и прямо в глаза клюет; потом небольшой выскочил с печи, наскочил на меня и тоже глаза царапать. Потом из угла выскочил мохнатый, ударил меня чем-то, я на ногах устоять не мог. Потом кто-то большой наскочил, как ткнул меня чем-то, я свету не взвидел, так жаром всего и обдало. А еще кто-то кричал: «Хрю, хрю, хрю, ножики точу, топоры точу. Хочу живого съест!»

— Ой, бегите, братцы, чтобы погони не было.

И волки пустились бежать.

А в избушке успокоились и живут да поживают.

КУПЕЧЕСКИЙ СЫН И СОЛОВЕЙ

Ж

ил-был купец и помер, у купца остался сын. Стал он подрастать. Стали ребяташки его звать рубить дрова. Он говорит:

— Маменька, я пойду дрова рубить?

Она ему говорит:

— Купеческий сын, какой из тебя дроворуб!

А он говорит:

— Пустишь — пойду, не пустишь — пойду.

Он и пошел с малыми ребятами дрова рубить. Пришел в лес. Прилетел соловей очень красивый, начал соловья ловить. Ловил, ловил, дров не нарубил, соловья не поймал.

Ребяташки пошли домой в деревню, и ему надо идти. Домой пришел, мать говорит:

— Что, нарубил ли дров?

— Нет, — говорит, — как я мог рубить дрова — налетел соловей очень красивый, ловил, ловил, поймать не мог, ребяташки пошли домой, и я домой.

Мать говорит:

— Не лови соловья, если поймаешь, не будешь счастлив.

Потом на второй день ребята пошли, его опять зовут.

Он опять просится у матери:

— Отпусти меня дров рубить.

Мать говорит:

— Какой из тебя дроворуб, кунеческий сын!

Ну, он говорит:

— Пустишь — пойду, не пустишь — пойду.

Опять ушел с ребятами.

На второй день еще красивее соловей прилетел. Вот он ловил, ловил и поймал соловья; поймал и понес домой. Принес к матери, мать и говорит:

— Поди, продай соловья.

Он пошел на рынок и думает:

— У меня деньги есть, зачем мне деньги, пойду снесу царю в подарок.

Снес царю в подарок, а царь его пожаловал чипом, барином выбрал над крестьянами (думчим боярином, над крестьянами, значит, распорядиться).

Ну вот, этим крестьянам не захотелось ему покоряться, задумали его проучить. Идут дорогой и говорят сами с собой:

— Не охота нам ему покоряться, надо его проучить.

А соловей обернулся старушкой и говорит:

— Подите, скажите царю, как будто он хотел достать лань златорогую с чистого поля. Ему не достать: она его забьет, залягает.

Ну вот, они сказали царю, что хочет думчий боярин достать лань златорогую с чистого поля. Царь послал за думчим боярином:

— Подите приведите его сюда, что он с крестьянами думу думает, а не с царем? Хочет достать лань златорогую с чистого поля!

Ну вот, его привели. Пришел он к царю, царь и говорит ему:

— Если не достанешь лань златорогую с чистого поля, так твоя голова на плаху!

Он пошел к маменьке, закручинился, запечалился. Встречает его мать:

— Что же ты кручинен, печален?

— Что же мне не кручиниться, не печалиться, я с крестьянами не думал думы, не говорил ничего, они насказали царю, что я хотел достать лань златорогую с чистого поля, где же мне достать?

Мать говорит:

— Это не служба — службишка, служба вперед будет. Богу молись да спать ложись, умел соловья поймать, так сумей и погоревать. Утро мудро, день прибыточен.

Мать волшебница была; вышла на крыльцо, махнула тонким полотном: налетело тридцать два сокола, обернулось тридцать два молодца.

— Что, сударыня, делать?

— Пригоните лань златорогую с чистого поля; к утру-свету на царский двор представьте.

Они и пригнали. Царь еще больше его возлюбил.

— Вот ему, — говорит царь, — еще больший чин.

Еще больше крестьян дал ему в распоряжение.

Ну, опять эти крестьяне пошли на работу и говорят — надо казнить его. Соловей старушкой опять обернулся и к ним навстречу идет:

— Что вы, крестьяне, думаете? — опять у них спрашивает.

— Что ты говорила, то он исполнил.

А она опять им говорит:

— Да что, — говорит, — люди людям век помогают; пойдите, скажите царю, как будто он хотел достать кобылицу-златыницу с тридцатью пятью жеребцами. Ему не достать, его забьют жеребцы в поле.

Царь опять послов послал.

— Что же ты с крестьянами думу думаешь? Хочешь достать кобылицу-златыницу с тридцатью пятью жеребцами? Если не достанешь, голова твоя на плаху!

Ну, опять домой пошел, закручинился, запечалился. Опять мать его встречает, спрашивает:

— Что же ты закручинился, запечалился, купеческий сын?

— Как же мне не кручиниться, не печалиться, крестьяне доносят царю, что я хочу достать кобылицу-златыницу с тридцатью пятью жеребцами; где мне достать? — страшится.

Мать говорит:

— Это не служба — а службишка, а служба вперед будет. Богу молись, спать ложись.

Он богу помолился, спать лег. Мать вышла на крыльцо, взмахнула тонким полотном, налетело тридцать два сокола, обернулось тридцать два молодца.

— Что, сударыня, делать?

— Пригоните кобылицу-златыницу с тридцатью пятью жеребцами, к утру-свету на царский двор представьте.

Они к утру-свету пригнали на царский двор.

Она встала, сыну и говорит:

— Поди-ка, дитятко, на царский двор!

Вот он пришел на двор, коней поглаживает и похаживает, а царь поутру встал, вышел, увидел коней, еще больше его возлюбил, еще больший чин дал, еще больше крестьян дал.

Пошел он к матери домой, а эти крестьяне опять пошли на работу и между собой говорят, что его надо решить¹, чтобы он не был над ними, не распорядился.

Соловей опять обернулся старушкой и им говорит:

— Куда вы, крестьяне, пошли? Подите скажите царю: он хочет города сделать с пригородками, терема с притеремками и на каждом теремку по колокольчику. Он этого не сделает, его царь казнит, не бывать ему живому.

Они опять и сказали, царь опять его призвал.

— Что же ты с крестьянами думу думаешь, а не с царем? Хочешь город сделать с пригородками, терема с притеремками и на каждом теремочке по колокольчику. Если не сделаешь, то голова твоя па плаху!

Вот пошел он к матери. Мать говорит ему:

— Сходи к царю, скажи, чтобы был бы лес и чугуи припасен, и серебро, и медь, было бы довольно всякого.

Ну, он пошел, сказал царю; у царя недолго, справил ему все.

Вот мать опять вышла на крыльцо, взмахнула тонким полотном, налетело тридцать два сокола, обернулось тридцать два молодца.

— Что, сударыня, делать?

— Сделайте города с пригородками, терема с притеремками и на каждом теремочке по колокольчику.

И стали они делать, что она приказывала. Она сына опять и будит:

— Возьми,— говорит,— молоток да поди поцел-кивай, поколачивай гвоздики в этом строеньице.

Царь вышел посмотреть, еще больше возлюбил его, еще чин больше дал. Опять эти крестьяне пошли на работу, старушка им и говорит:

¹ Убить.

— Подите, скажите царю (он вель не женат) будто он хочет достать ему из-за синего моря, из-за огненной реки царь-девицу, а уж ему не достать.

Царь послал послов, он опять пришел, царь и говорит:

— Что ты думу думаешь с крестьянами, а не с царем? Достань мне девицу из-за синего моря, из-за огненной реки! Если не достанешь, голова твоя на плаху!

Опять пошел молодец к матери.

— Как же мне не кручиниться — велел мне царь достать девицу из-за синего моря, из-за огненной реки.

А мать ему говорит:

— Умел соловья поймать, так умей погоревать. Поди,—говорит,—сходи, скажи царю, чтобы разного товару полный корабль был нагружен.

Он пошел, царю сказал. У царя все недолго, царь нагрузил корабль. Мать молодцу говорит:

— Взойдешь на корабль и скажи: «Ну-ка, корабль, полетай-ка, корабль, за синее море, за огненную реку к царь-девице». Корабль полетит, полетит да встанет посреди синего моря, сутки постоит, налетит Могуль-птица, захочет корабль проглотить, ты что-нибудь отсеки у Могуль-птицы.

Корабль простоял, налетела Могуль-птица, хочет корабль проглотить. Он взял саблей ударил, крыло отсек у ней.

Вторые сутки стоит; встал лев-зверь из моря, хочет корабль проглотить, он взял саблей ударил, ухо отсек у льва-зверя.

Третьи сутки постоял; поднялась кит-рыба, он саблей ударил, выбил зуб у нее.

Потом опять поехал дальше за синее море, за огненную реку. Приехал на царский двор. Царевна увидела, нянек, служанок всех подняла, оделась и пошла на корабль.

— Что за чудо такое объявилось, что за корабль, пойти посмотреть!

Ну вот, она взошла на корабль, начала товар выбирать, а деньги он не берет.

— Ну-ка, корабль, лети-ка, корабль, в свои места!

Корабль полетел, а она ходит, товар выбирает. Товару набрала и выйти не ведает куда — увезена.

Ну вот, царь его опять встречает со всей силой, со всем солдатством. Эта девица царю говорит:

— Я просто так за вас замуж не пойду. Сделайте сруб, положите в сруб смолы, моху, лесу, да зажгите, да вокруг этого сруба мы пойдем втроем.

Ну вот, они пошли вокруг сруба, царь впереди, царевна вслед, а молодец за ней. Она пихнула царя в огонь.

— Не ты меня доставал, и не за тобой мне быть.

Он там и сгорел. А этот молодец ее замуж взял и царством завладел и стал жить и быть.

ЖАЛОСТЛИВАЯ ДЕВУШКА

Ж

ил-был старик со старухой и внучат двое: внук да внучка. Внучку послали на берег мочалу полоскать. Долго она не возвращалась, и бабушка стосковалась по ней, пошла искать. Пришла на сходенку¹, видит — сидит да плачет на сходенке внучка:

— Что же ты, родимая, долго?

Там за озерушком деревня была. Она и говорит:

— Выйду в эту деревеньку замуж, рожу паренька. Паренек будет на двенадцатом годку, пойдет по молоденькому ледку да и потонет.

И бабушка начала плакать.

Ну, и дедушка пришел, стосковался по ним:

— Что же ты, старушка, долго?

— Ну... Ой ты, старичок, внучка у нас что подумала: выйдет в эту деревеньку замуж, родит паренька, паренек будет на двенадцатом годку, пойдет по молоденькому ледку и потонет.

И дедка стал плакать тут же на сходенке.

Ну, и внук там стосковался — долго дедки нет. Пришел к дедке:

— Что же так долго?

¹ Мосток у речки.

Бабка проговорить не может, дедка говорит внуку:
— Сестрица твоя что подумала! Как выйдет она в эту деревеньку замуж и родит сына, и сынок будет на двенадцатом годку, пойдет по молоденькому ледку да и потонет.

Ну, он плюнул:

— Тьфу, какие шальные, пойду искать, есть ли еще такие.

Ну, и пошел мимо бани. На бане трава выросла, и коров поднимают на баню травой кормить. А он скazujeет:

— Что вы делаете?

А ему говорят:

— Коров кормим, траву выкормить надо па бане.

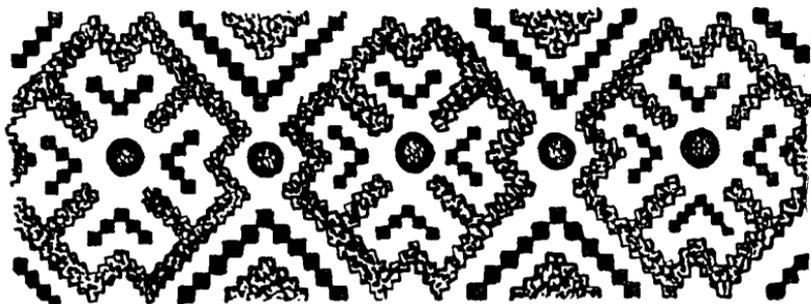
Он взял косу, траву выкосил косою и на землю сбросил, и коровы съели на земле.

Дальше пошел: дом новый построен, окон нет. Мешком свет в избу носят.

Мешком много не принесешь света в избу.

Он взял топор да окно вырубил, и стала квартира светла.

ПРО БОГАТЫРЕЙ

Р некотором царстве, в некотором государстве жил купец. У купца был один сын, да и того взяли в солдаты. Он три года в солдатах служил и пошел домой. Приходит в один город, а город этот волшебниками заколдован так, что был весь во мху.

Королю доложили, что пришел служивый. Он позвал его:

— Если этот город от мха очистишь, то свою дочку за тебя отдам и потом королевство. А для этого надо всего три ночи на посту простоять.

В ту же минуту отвезли солдата за город, очертили черту и говорят:

— Не выходи из черты, а то тебя могут разорвать.

Только в городе огни потухли и все спать легли, нашло столько чертей, будто войско, и приступают к нему:

— Мы тебя сменим, Вася.

А он говорит:

— Нет, я три года служил, измены не делал и теперь ее делать не хочу.

А они к нему все приступают, еле ночь простоял.

Путру приезжает за ним карета. А у народа в этом

городе из мха уже показались плечи, крыши на хоромах очистились.

Привезли его домой, хотят его наградить. Он денек пил-гулял, а на вторую ночь опять его ведут на то же место.

— Ну, в эту ночь тебе еще больше муки будет, да только ты крепись, из черты не выходи.

Василий и эту ночь скоротал. Опять, как в городе огонь потушили и все спать легли, нашло столько чертей, будто войско. Они говорят:

— Мы дадим тебе кошелек-самотряс. Что тебе надо будет, все будет готово, как кошельком тряхнешь.

А он говорит:

— Бросайте в черту.

Они бросили, он левой пяткой наступил, они и забыли, что ему дали¹.

Ночку он опять простоял. Стали люди в городе вставать — чертей не стало. И опять приезжает за ним карета. И что Василий хочет, все ему готово. А мох уже до окон скатился, а у людей мох только на ногах.

Король не знает, чем солдата уладить². Приходит ночка, его опять выводят за город.

— Ну, Вася, крепись. Настала последняя ночь.

В городе огонь потушили, и все спать легли, нашло столько чертей, будто войско, в три раза больше, чем в первую ночь.

— Мы сменим тебя, Вася.

А он говорит:

— Нет, я три года служил, измены не делал и теперь ее делать не хочу. Нет, ребята, последняя ночь моя, потом хоть век стойте!

Ночь прошла. Стал вставать народ в городе, а народ совсем расколдован, мох пропал, и черти потерялись.

Опять приехала за ним карета.

Король затеял почестный пир, выдает дочь за него. Только свадьбу отыграли, она говорит:

— Ну ты, Вася, ложись спать, я поеду к своему отцу. А это не отец мой был, а принц, он меня завоевал и заколдовал. Поеду к отцу сказать, что я уже свободна.

¹ По старинному поверию, положить под левую пятку — значит спасти от «нечистой силы».

² Не знает, как отблагодарить.

А если ты по мне стоскуешься, приди к дедушке, что вот в той избенке живет. Он тебе поможет.

И уехала. А этот Васенька думает:

— Ах, я дурак, отпустил ее от себя, поеду-ка за ней следом.

Приходит к дедушке, а тот уже знает, зачем он пришел.

— Стосковался, — говорит, — Васенька, по хозяйке? У тебя есть жеребец, Вася, дома. Пойди сдери с него шкуру, принеси ее сюда.

Солдат пришел домой, заколол жеребца, содрал шкуру, принес ее дедушке. Тот пошел с ним к озеру. Врезал в эту кожу стекло, чтобы можно было глядеть. Посадил Васю в кожу, зашил и говорит:

— Птица прилетит и стащит тебя, Вася, в этот город. — Дед ему наказал еще: — Как птица станет спускаться, крикни изо всей силы, она тебя опустит, кожа лопнет, ты и выйдешь, а то она тебя расклюет.

Могуль-птица прилетела, когтями вцепилась в кожу и полетела. Притащила его в город, он видит в стеклышко, что они опустились низко. Крикнул изо всей силы. Птица опустила его, шов лопнул, он и вышел. Пришел в город, а там в крайней избушке — мужичок с женщиной, детей у них нету. Он попросился у них почевать.

Переночевал, утром встал, идет по городу. Видит, три богатыря распяты на кресте и подписано, что кто идет, должен этим богатырям плевать в глаза.

Он вернулся к хозяину и говорит:

— А какое у вас в городе безобразие! Три богатыря распяты на кресте и подписано, что кто идет, должен этим богатырям плевать в глаза. Надо их похоронить. Иди к королю и скажи, пусть мне позволит их похоронить!

Хозяин пришел к этому королю и говорит:

— Служивый хочет богатырей похоронить!

А король смеется:

— Пусть двенадцать бочек золота принесет, тогда и хоронит, а не принесет, не дам хоронить их.

Василий опять хозяина послал:

— Пускай бочки выкатывает, к утру золото будет.

Король приказал слугам бочки готовить. Василий пришел, тряхнул кошельком-самотрясом и все двена-

дцать бочек наполнил, и еще немного потрянул, чтобы у короля глаза были полны¹.

Король позволил ему хоронить богатырей. Он собрал в городе людей, отлил три золотых гроба и похоронил их.

Лег Василий отдохнуть. И видит во сне — приходит к нему богатырь:

— Спасибо, Василий, что ты похоронил нас, землематери смертное тело предал.

Дал ему свой волосок:

— Выйди в любое время и скажи: «Бурушка-сивушка, вещей воронеюшка, стань передо мной, как лист перед травой». Он перед тобой и будет.

И вдохнул ему в рот богатырской силы.

Только ушел, другой богатырь его благодарить приходит. Дал ему опять волосок и богатырскую силу. Потом и третий богатырь дал ему дубинку и меч:

— Нигде тебе с ними беды не будет.

Пробудился Васенька — у него в одном кармане волосок, в другом другой, а рядом меч лежит. Чует, что у него сила стала богатырская. Выглянул в окно и говорит:

— Ах, хозяин, война ведь у нас, принц приехал воевать!

Хозяин и говорит:

— Пойдем, Вася, посмотрим, как будут воевать.

А Вася говорит ему:

— Нет, хозяин, я боюсь. Я хоть и был на службе, не осмелюсь туда пойти.

Хозяин отправился один. Только он ушел, Вася за ним. Вышел в поле да крикнул по-богатырски, свистнул по-молодецки:

— Батюшкины слуги, матушкины служанки, как батюшке и матушке служили, так и мне послужите. Бурушка-сивушка, вещей воронеюшка, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, только мать-земля дрожит. Конь прибежал, встал на колени. Васенька сел на него и поехал воевать. Едет — большие озера перескакивает, а малые меж ног пропускает. Приехал, дубинкой острым концом в воду толкнул — несметная сила войска встала.

¹ Чтобы королю хватило за глаза.

Этим войском он всех солдат принца пленил, только сам принц едва успел вырваться.

Король хотел Василия поблагодарить, да не видел, куда он поехал — скрылся.

Приезжает солдат домой, а хозяин говорит ему:

— Ах, Васенька, ты не видал, как богатырь приезжал, как воевали!

— А что же делать — боюсь!

Легли отдыхать.

Через несколько дней этот принц опять войска свои привел. Хозяин говорит:

— Вася, пойдем со мной, посмотришь, как воюют.

— Я боюсь, не смею, не пойду, иди один.

Хозяин отправился один. Вася остался дома. Только он вышел, Вася за ним, вышел в поле, крикнул по-богатырски, свистнул по-молодецки:

— Батюшкины слуги, матушкины служанки, как батюшке и матушке служили, так и мне послужите. Бурушка-сивушка, вещей воронеюшка, стань передо мной, как лист перед травой.

Конь бежит, только мать-земля дрожит. Конь прибежал, встал на колени. Васенька сел на него и поехал воевать. Дубинку острым концом ткнул в землю — надвинулось войска в три раза больше, чем у принца.

Все войско разбил и принца к хвосту коня привязал — один прах от него остался.

Король опять хотел поблагодарить его, да не видал, куда скрылся он, куда уехал этот богатырь. А потом стал вспоминать:

— Видно, не простой человек насыпал мне тогда двенадцать бочек золота!

И послал послов к мужичку, у которого Васенька спал. А Васенька лег спать богатырским сном на трое суток.

Посланные короля пришли, спрашивают:

— Где богатырь? Какой он есть?

А хозяин говорит:

— Я не знаю, какой есть. У меня человек один остановился — третьи сутки спит без просыпу!

Король говорит:

— Видно, не простой человек, а богатырь, коли спит третьи сутки!

И поставили вокруг дома стражу.

Потом Васенька пробудился, смотрит, кругом стража.

— Почему, хозяин, кругом стража?

— А это король до тебя добирается. Думает, не ты ли это воевать ходил, а я не знал, что ему сказать — ты ли!

— Эх, поздно ты хватился!

Хозяин прибежал к королю и говорит, что Василий пробудился.

Король приехал к солдату, благодарит его и зовет к себе в гости. Угостил его, и стал этот Васенька говорить:

— Сколько я мытарства принял, добрался я, наконец, до своей жены, до королевны!

А жена его — королевская дочь — узнала:

— Не тот мой богосуженый, — говорит, — который околдовал меня, а тот мой муж богосуженый, который рядом сидит.

Потом пошли они в поле, солдат Васенька и говорит:

— Ну, тесть, хочешь посмотреть мое войско, оно не такое, как твое!

Дубинку острым концом в землю воткнул, король ужаснулся — сколько войска нашло!

Поднял дубинку — и скрылось войско.

Король и говорит:

— А вот тебе мое царство! Все теперь твое!

Стали жить-поживать, добра наживать. Может быть, и до сих пор живут и нас переживут.

Сколько знала, столько сказала. Половину манила, другую позабыла.

ГЛУПЫЙ МУЖИК

или-были мужик да баба. У них было трое детей. Мужик поехал в лес за дровами да и стал сук рубить, на котором сидел. Ехал мимо цыган и говорит:

— Мужик, упадешь ведь!

— Куда упаду? Не упаду!

Цыган отошел, а он и упал.

— Ну, — говорит, — догоню цыгана. Верно, он колдун. Все знает. Догоню, узнаю, как мою жену зовут.

Догнал цыгана и говорит:

— А скажи, колдун, как мою жену Матрену зовут?

Цыган и говорит:

— А Матреной.

Мужик и думает: «Ну и колдун, уж это колдун».

Да и спрашивает:

— А сколько у меня коров?

— А дойные?

Тот и скажи:

— Пеструшка дойная, а Краснушка недойная, а Черная — та дойная.

— Так у тебя три коровы.

— Ох-ти мне! Да скажи, цыган, когда я помру?

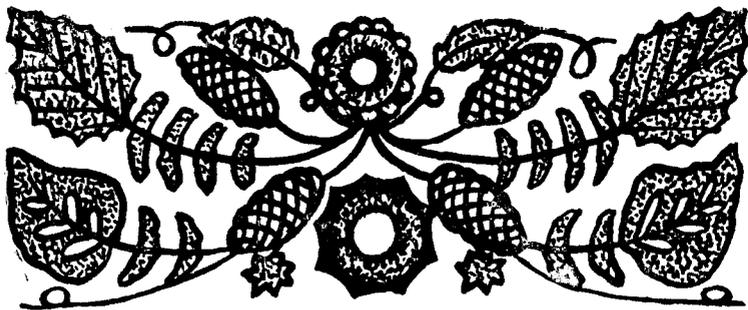
— Три раза чихнешь, да и помрешь!

Ну, он раз чихнул, другой раз чихнул, а потом третий чихнул, лег и говорит:

— Помер я!

Руки сложил да в лесу на морозе и остался. Так и замерз.

ЗОЛОТОЙ МУЖИЧОК

Жил-был крестьянин много лет тому назад. В каком государстве, не помним. Этот крестьянин посеял хлеб. Посеял хлеб, и хлеб у него стал расти замечательный — колосья золотые, а солома серебряная. Хлеб стал поспевать, и стали вору его воровать.

Вот он говорит своей старухе (детей-то у него не было):

— Надо, — говорит, — нам подкараулить вора, а то он у нас все испортит, не столько украдет, сколько притопчет.

Старик и старуха бросили жребий: кому первому идти караулить. В первый день досталось старухе идти, а старик остался дома.

Старуха села караулить, сидела, сидела и уснула. Проснулась, а все поле как в огне горит. Старуха ничего не могла понять и не смела пошевелиться с места, не знает, что и сделалось.

Приходит она домой и рассказывает старику:

— Вот так и так, — говорит, — не знаю, что случилось на нашем поле ночью, горело поле как в огне, а воров я не видала.

Старик пошел проверять. Приходит, а поле пуще прежнего истоптано и колосья порваны.

— Ну, старуха, худо ты следила, дай я сам пойду.

На вторую ночь собрался сам старик караулить. Сидел да задремал, захотелось спать старику и приуспокоился немного.

Задремал, вдруг слышит, как будто шорох в пшенице. Он глаза открыл, а прямо перед ним так все и горит. Он перепугался, потом наконец одумался: «Что со мной?».

Потом всмотрелся — видит, будто клубок катается по полю. Он на цыпочках пополз, видит, будто человек, но только весь в огне.

— Дай я подползу к нему ближе.

Подполз и поймал его за ногу. Видит, что человек и человек как огненный весь, небольшого роста, а весь как в огне. Поймал, скрутил его, а человек проснется:

— Отпусти меня, я с тобой рассчитаюсь, и вечно ты будешь счастливым, старик.

Но старик был таким злым, что взял и свел его к царю на суд. А царь тому и рад, чтобы наказать построжу, это дело царево. Царь посадил золотого мужичка в тюрьму и закрыл двери тюрьмы. Закрыл и стал думать:

— Куда я ключи положу?

Управители царева — вельможи — говорят:

— Ты отдай эти ключи жене, пусть она повесит их на пояс, и скажи ей, чтобы она их берегла, никому не дала.

А у царя был сын, небольшой мальчишка, лет ему было восемь или десять. Вот этот мальчик бегал по улице и увидел, что ребята пускают стрелки, и захотелось ему стрелки попускать.

— Папа,— говорит,— сделайте мне стрелку.

Царь распоряжение дал сделать сыну стрелку. Сделали стрелочку золотую, иди да стреляй. Мальчишка бегал на улице около тюрьмы, эту стрелочку пускал, пускал да и попал как раз в окно, где сидел золотой мужичок. Вот он прибегает к матери, говорит:

— Мама, я стрелочку пустил в тюрьму.

— Ну, надо еще две или три стрелки сделать, ты опять потеряешь.

Сделали еще три стрелочки. И вот мать ему наказала:

— Не теряй эти стрелочки — отец строгий, стрелочки дорогие, он тебя и меня накажет.

Цари были досюль¹ как попы, шальные.

Взял нарский сын стрелочки, пошел пускать. Пускал, пускал, и эти все стрелочки попали туда же, куда и первая. Что же теперь делать? Домой идти не смеет, боится, что накажут. «А пойду,— думает,— к этому заключенному, может, он отдаст мне стрелочки, все равно они ему не нужны».

Пошел он к этому окну и стал просить:

— Отдай ты мне эти стрелочки, я тебе что хочешь сделаю.

А золотому мужичку надо вырваться из неволи и удрать.

— Вот что, — говорит, — выпусти меня из тюрьмы, Иван-царевич, я тогда тебе эти стрелочки отдам.

— Да как же тебя выпустить? Ключи у маменьки привязаны у пояса, мне достать их трудно.

— А я, — говорит, — тебя научу, как достать ключи и выпустить меня. Придешь домой, скажи маме, что у тебя головушка болит да живот болит, она тебя возьмет на руки, станет тебя убаюкивать, а ты за это время отвяжи ключи, выпустишь меня да обратно замкнешь. Обратно замкнешь, — говорит, — потом придешь и привяжешь снова ключи так же, как их взял.

Мальчик, долго не думая, побежал домой. Приходит:

— Мама, головушка болит да животик болит.

Мама стала его утешать, взяла на руки, стала его гладить да баюкать, а он в это время ключиками этими брякал, брякал, взял да отвязал их. Отвязал, положил в карман и вышел на улицу. Прибежал к тюрьме и освободил золотого мужичка. Золотой человек говорит ему:

— Вот тебе стрелочки, Иван-царевич, а случится с тобой какое-нибудь несчастье, вспомни меня, золотого мужичка, и я тебя от всякой беды спасу.

Таким образом мужичок ушел, а Иван-царевич снова стал стрелочки пускать. Попускал стрелочки, потом пришел домой и ключи снова привязал к маминому поясу.

¹ В старину.

Прошло времени порядочно. Назначили день казни, стали преступников выводить по очереди — кого первая очередь, того и выводят. Всех казнили. Пришла очередь золотого мужичка. Приходят за ним, а его нет.

— Вот так ловко, — говорят, — замки повешаны как следует, а преступника нет. Куда он делся?

Царь спрашивает царицу:

— Как ты смела его выпустить? Кроме тебя, ни у кого ключей не было!

Судьи и царь присудили вместо золотого мужичка казнить царицу за то, что она его выпустила. А в это время Иван-царевич бегал на улице, пришел домой в царские свои палаты и видит, ведут мать на казнь, голову отсечь ей хотят. Он как это увидал и говорит:

— Не мама выпустила вора, а я. Из-за этих стрелочек отпустил!

Ну, что с ним делать? У царских родов¹ тогда не рубили головы, убивать его нельзя.

— А вот, — говорят, — с ним что сделать: пустить его по свету странствовать, пусть он здесь не живет, а куда хочет, туда и идет.

Царь на это согласился тоже, хоть и жалко было. Одного сына и того лишиться пришлось. Но чем убивать — лучше живого отпустить.

Ну вот, надо дать ему на дорогу все, что нужно с собой. Пока справляли, за это время мать вышла на нижней рубашке на спине: кто он такой, откуда и почему пошел странствовать.

Вот они его справили и дали ему проводника с собой в товарищи, чтобы двоим идти было веселее.

Пошли они путешествовать. Сколько они шли, бредли, долго ли, коротко ли, наконец, устали, прилегли отдыхать. Отдохнули и отправились на следующий день опять в путь. Захотелось им пить. Наконец, они нашли колодец. А воды в нем было только-только на самом дне. Проводник туда спустился и говорит:

— Ты, Иван-царевич, поддержи меня на поясе, я напьюсь, потом тебя спущу сюда напиться.

Проводник напился, Иван-царевич его вытянул из колодца, и тот спустил Ивана-царевича туда тоже вопить. Иван-царевич напился.

¹ У лиц царской крови.

— Тяни, — говорит, — меня из колодца.

А он Ивану-царевичу говорит:

— Нет, я до тех пор тебя не вытяну, пока ты не дашь мне своей одежды и не возьмешь моей.

Ну что ж, чем пропадать в колодце, лучше отдать одежду. Согласился:

— Вытянешь, я тебе отдам.

Проводник вытащил его оттуда из колодца:

— Ну, Иван-царевич, раздевайся, снимай все.

А Иван-царевич думает: «Все равно мне, в какой одежде путешествовать, все равно звери съедят в той одежде или в этой».

Переоделись они, ну, а эту рубашку, па которой мама ему вышила, он не снял.

В конце концов перешли они границу и попали в чужое государство. Там их поймали и доставили царю. Царь стал спрашивать: почему они пошли путешествовать. Проводник говорит:

— Я такого-то царя сын!

— Ну, ладно, — говорит царь, — я возьму вас на службу.

Живут они у царя — сколько времени, это не знаю точно. Царь одного назначил в царские покои, а второго, настоящего Ивана-царевича, послал на конюшню лошадей мыть да чистить.

Жили они долго ли, коротко ли. А у царя была дочь красавица. И вот этому названому царевичу-проводнику захотелось сделаться царским зятем. Но прежде надо извести Ивана-царевича — ведь он в конце концов расскажет, кто царевич, а кто слуга. А за это царь может казнить.

Вот раз выпускают на пастбище быков самых сердитых. Проводник и говорит:

— Дайте их нашему конюху пасти. Он был у нас подпаском.

Дали Ивану-царевичу пасти быков. И царь велел ему укротить этих быков, чтобы были они смиренные и повиновались.

Как их выпустили из сарая, они начали рыть землю, и подойти страшно. А потом разбежались быки, какому куда хотелось.

Иван-царевич сел на клочок¹, залился слезами, сидит да плачет. Долго ли коротко он там сидел, потом, наконец, он вспомнил золотого мужичка.

— Где-то,— говорит,— мой друг вечный, золотой мужичок?

Только он вспомнил золотого мужичка, а он тут как тут.

— Ну, что, Иван-царевич, вижу я твое несчастье,— говорит,— я помогу тебе. Садись на меня и закрой глаза.

Вот он сел на золотого мужичка, закрыл глаза, а тот понес его и притащил к своей старшей сестре.

— Вот, — говорит, — сестра, умей этого гостя принять и угостить, он меня от смерти избавил!

Сестра Ивана-царевича приняла, раздела, напоила, накормила, повалила спать.

Иван-царевич скоро заснул. А тем временем золотой мужичок этих быков всех собрал, сделал их смиренными, как будто век бык быка слушался и не трогали друг друга, не бодали, такие они сделались ласковые и смиренные.

Иван-царевич переночевал у сестры золотого мужичка. Утром сестра золотого мужичка говорит ему:

— Вот тебе подарок, трехгорлый кувшинец, как повернешь его — начнется музыка и весь народ будет танцевать. Услышит царевна, будет у тебя просить его продать, а ты скажи: «Не продажный, а заветный». Она спросит: «Что за завет?» — «А вас один раз поцеловать!»

Пришел золотой мужичок, посадил Ивана-царевича на себя и понес его к быкам. Все быки смиренные, ни один не пошевелится, не убегает, как раньше бегали со двора. Он и погнал их к царю. Пригнал к царю, и царь обрадовался, что быки все обучены и смиренные. И приказал дать конюху кушанье со своего стола. А он эти кушанья не взял, а отдал другим конюхам:

— Пате, — говорит, — товарищи, пускай это будет вам, а мне и так хватит.

Вынул кувшинец, повернул его — из кувшинца выскочили танцоры, музыка началась, на столах поставлено чего угодно, что душа просит.

Услыхали служанки музыку, рассказали царевне:

¹ На кочку.

— У нашего конюха, у молодого, такая музыка, какой нигде на свете нету.

Царевна это услышала, сама послушала — правильно, такой музыки нигде не слыхала да и не услышать будет. Захотелось ей кувшинец купить. Приходит к нему и говорит:

— Продай ты мне эту музыку.

— А что же, — говорит, — купите мой кувшинец.

— А сколько он стоит?

— Он не продажный, а заветный.

Она спрашивает:

— Что за завет?

— А вас один раз поцеловать!

Ну что же, дала она ему один раз себя поцеловать, кувшинец забрала да пошла. Потешилась, поиграла, потом играть у ней эта музыка не стала, испортилась.

А проводник опять говорит царю:

— У вас есть жеребцы необъезженные, можно, — говорит, — дать их нашему конюху, он их приручит, как быков.

Ну, а царь говорит:

— Жеребцы есть, но только ему их не приручить!

— Одолест, — говорит проводник.

Царь позвал конюха Ивана-царевича и говорит:

— Приручи жеребцов; ежели не сделаешь — голова с плеч.

Взяли коней этих выпустили, кони понеслись кому куда захотелось — совсем дикие. Иван-царевич опять сел на клочок, затужил, затуманился, думает:

— Что же дальше будет?

И опять вспомнил золотого мужичка:

— Где-то, — говорит, — мой друг прежний, золотой мужичок, которого я от смерти спас, из-за которого хожу, путешествую?

Только вспомнил, а этот золотой мужичок как будто тут и был.

— О чем, — говорит, — Иван-царевич, тужишь? Вижу я твою беду, но я тебе помогу. Садись на меня, на золотого мужичка, закрывай глаза.

Сел Иван-царевич на золотого мужичка, закрыл глаза, а тот понес его к своей средней сестре.

— Ну вот, сестра, — говорит, — этого гостя умеи принять и угостить, он меня от смерти избавил.

Золотой мужичок ушел собирать жеребцов, а сестра сейчас же Ивана-царевича накормила, напоила и положила спать. Пока Иван-царевич спал, золотой мужичок собрал жеребцов всех, вымыл, вычистил как следует и сделал всех смиренными, как будто давно объезжены были.

Является золотой мужичок к Ивану-царевичу. И вот говорит его сестра Ивану-царевичу:

— Я дам тебе шестигорлый кувшинец, как повернешь, тут все тебе будет — музыка, танцоры, все, что захочешь!

Взяла завернула кувшинец в платочек, подала Ивану-царевичу. Иван-царевич ее поблагодарил, сел на золотого мужичка, и золотой мужичок потащил его к табуну, к жеребцам. Жеребцы все стоят смиренно, ни один не шевельнет хвостом, а раньше как бешеные бегали — аж страшно подойти было к ним.

Тут Иван-царевич погнал их к царю. Царь увидел, что идут жеребцы смиренные, ни один не дрыгнет хвостом. Царь обрадовался, дал угощение со своего стола и сделал его старшим конюхом.

Он это кушанье не принял опять, угощение царское.

— Нате, товарищи, кушайте, а мне своего хватит.

Взял повернул кувшинец, началась музыка еще лучше прежней. Угощается Иван-царевич, забавляется, пригласил всех конюхов.

— Пейте, товарищи, — говорит, — кушайте за здравие мое.

Услыхали служанки танцы да музыку, приходят и говорят царевне:

— Вот, царевна, опять у него кувшинец, еще лучше прежнего.

— Во что бы то ни стало, надо купить у него эту музыку.

Пришла она к конюху Ивану-царевичу и спрашивает:

— Конюх, продай эту музыку.

— Она, — говорит, — не продажна, а заветна.

— Что за завет?

— А чтобы вы меня сами три раза поцеловали!

Она, не говоря ни слова, поцеловала его три раза, а он взял кувшинец ей отдал и остался без музыки.

Живет Иван-царевич теперь старшим конюхом, работает по-прежнему, так и время идет. А проводник его, с которым он шел, все думает, как бы извести его, чтобы не помешал он сватать у царя дочь и сделаться потом вельможей или царем. Вот он один раз и говорит царю:

— Я видел, у вас есть стадо свиней, диких кабанов. Вы бы поручили их конюху. Паш бы конюх вычистил их как полагается.

А свињи еще хуже быков и коней, могут его совсем растерзать.

Царь говорит:

— Да, кабаны есть, но ничего ему не сделать с ними.

— Да нет, сделает, — говорит.

А сам думает: «Все равно надо его как-нибудь извести».

Царь, наконец, согласился с проводником и призвал Ивана-царевича:

— Вот у меня, — говорит, — есть свињи. Ты возьми их пасти и сделай их смиренными, чтобы они были смиреннее овец. А ежели не сделаешь, то голова с плеч!

Свиней выпустили, свињи мечутся, одна другую грызет да землю роют. Иван-царевич боится и близко подойти, а не то что их пасть, да обучать, да чистить. Опять сел на клочок, закручинился, задумался и вспомнил про золотого мужичка:

— Где-то был друг, — говорит, — золотой мужичок, из-за которого я хожу, странствую?

В это время тут как тут явился золотой мужичок к нему на помощь, на выручку.

— Ну, Иван-царевич, — говорит, — садись на меня, золотого мужичка, закрывай глаза.

Сел Иван-царевич и понес его золотой мужичок к третьей сестре. Приносит его к младшей сестре и говорит:

— Вот что, сестра, умей гостя принять и умей угостить, он меня от смерти избавил.

Сестра приняла Ивана-царевича, напоила, накормила, положила спать. А тем временем золотой мужичок собрал свиней, вымыл, вычистил, сделал смиреннее овец.

Поутру является золотой мужичок, а сестра дает Ивану-царевичу подарок — кувшинец девятигорлый, еще в три раза лучше первого.

— Придешь,— говорит,— повернешь этот кувшинец, и начнется такая музыка, что на всем свете нет такой, и танцоры, и угощение и все, все. Придет царевна, станет его у тебя покупать, а ты ей говори: «Не продажный, а заветный». А она спросит: «Что за завет?» А ты ей отвечай: «В ваших покоях ночь проспать».

Завернула этот кувшинец в платок и отдала Ивану-царевичу. Иван-царевич сел на золотого мужичка, закрыл глаза, тот его принес к стаду свиней.

— Вот, Иван-царевич,— говорит золотой мужичок,— гони их на царский двор.

Погнал Иван-царевич свиней, свиньи пошли одна за другой, как по веревочке, ни одна в сторону не бросится. Пригнал их к царю, царь встречает опять Ивана-царевича. Остался живой Иван-царевич. Царь опять велел дать угощение пастуху со своего стола и назначил его старшим по всем конюшням.

Он это кушанье принял, отдал другим конюхам. Этот кувшинец открыл—и опять началась музыка лучше, чем раньше была. Опять служанки услышали, докладывают царевне—веселье у пастуха лучше того, что раньше было.

Царевна пришла сама послушать музыку, спрашивает:

— Ну что, конюх, продаешь кувшинец?

— Нет,— говорит,— не продажный, а заветный.

— А что за завет?

— В ваших царских покоях,— говорит,— ночь проспать.

— Ну, нет,— говорит,— ты бери деньги, нам туда тебя не надо такого, пастух пастухом.

— А зачем мне деньги,— говорит,— денег не надо, я и так сытый, пьяный живу.

В конце концов она согласилась, так ей хотелось кувшинец получить.

Он пришел в царские покои, исправил все кувшинцы, которые не играли. Музыка, веселье началось. Поиграли они с царевной, поугощались. Повалился он спать. Уснул крепким богатырским сном. А у этой рубашки, которую ему мать вышила, загнулся ворот. Царевна подошла к нему и нечаянно увидела эту надпись.

— Что за надпись? — заинтересовалась и прочла, что

написано на рубашке. А он спит спокойно, ничего не слышит.

Долго ли, коротко ли спал, потом пробудился и думает:

— Надо скорее уходить прочь.

А она ему говорит:

— Вы сами и есть Иван-царевич, а другой не Иван-царевич, а ваш проводник.

— А как же вы могли узнать, что я Иван-царевич, а он мой проводник?

— Вот,— говорит,— у вас на вашей рубашке вышито, кто вы такой и из-за чего вы пошли странствовать.

Он не стал скрывать, рассказал все как следует, как из колодца пили воду, как обменялись одеждой.

Он ей рассказал и ушел на конный двор, туда, где жил.

Она потом рассказала все отцу своему. Царь призывает того и другого и спрашивает у них. Иван-царевич снял свою рубашку и показал царю.

Проводника царь прогнал, а за Ивана-царевича выдал дочь. Потом написали отцу Ивана-царевича, чтобы отец с матерью приехали на свадьбу. И был у них пир на весь мир. Иван-царевич женился и до сей поры живет счастливо.

Сказка вся, больше врать нельзя.

ЗАМОРСКИЙ ГУСЬ

Родном городе жил-был купец. Он ходил на кораблях за границу. У него была жена. И вот она ему сколько раз говорила:
— Муженек, привези мне заморского гуся!
И вот он опять пошел за границу. Она ему и наказывает:

— Муженек, не забудь мне привезти заморского гуся.

Приходит он за границу. Нагрузил корабли. И пошел заморского гуся искать. Обошел весь город — нет нигде, не может купить. И пошел по дорожке за город.

— Ну, еще зайду в какую-нибудь деревню, если там не куплю, буду сниматься с якоря.

Так. И вот ему попадаете старичок навстречу.

— Здравствуй, купчик.

— Здравствуй, дедушка.

— Куда идешь?

— Да иду, ищу заморского гуся. Надо бы где-нибудь найти.

— Купи, у меня есть.

— Сколько просишь?

— Триста рублей. Но только с тем продаю, что он тебя одного будет слушать. И я расскажу, какой он есть. Дает он ему деньги.

— Вот у меня такой гусь: прикажешь ему: «Гусь, щиплись», он оциплется, потом скажешь: «Гусь изжарься», сам и изжарится. Бери на стол и ешь. Потом собери кости в мешок, тряхни его — и опять сделается гусь, какой был. Но слушать будет он только тебя, а жену слушать не будет.

Он гуся получил, на корабль сел и пошел домой...
Приходит домой. Разгрузил корабли.

— Ну, жена, я привез заморского гуся.

И вот созвали они гостей. Купец говорит:

— Гусь, поди сюда!

Гусь пришел. Он опять приказывает:

— Гусь, щиплись!

Гусь выщипался.

— Гусь, жарься!

Изжарился.

— Гусь, па стол!

И уж гусь па столе.

— Ну вот, гости, ешьте, только костей не раскидывайте, а собирайте в кучу.

Потом он кости в мешок собрал, трякнул — и образовался опять гусь. Все гости удивились. А жена и думает:

— Ну, ладно, теперь и я со своим дролей¹ угощусь.

На второй день купца позвали в гости. Купец и говорит:

— Ну, жена, пойдем!

— Нет, я не пойду, у меня голова что-то болит.

Купец один пошел. Гуся оставил дома.

А она приказала прийти дякону и говорит:

— Знаешь что? Мы сейчас угостимся. Привез мне муж заморского гуся.

И велит:

— Гусь, иди сюда!

А гусь ни с места. Она подходит к нему и говорит:

— Гусь, щиплись!

Гусь шипит, не щиплется.

— Гусь, жарься!

Он только шипит.

¹ Возлюбленным.

Она взяла палку и ударила его. Ударила и ульнула¹, и говорит дьякону:

— Помоги, брат, избавиться от гуся.

Тот прибежал, замахнулся и тоже ульнул. А гусь по-ташил их из комнаты к своему хозяину.

Вот по улице их тащит. Идут два человека с лопатами:

— Эй, друзья, помогите от гуся нам оторваться.

Они лопатами замахнулись и тоже прильнули.

Вот идут два человека с кирками:

— Братцы, помогите, выручите нас!

Ну, те замахиваются кирками и тоже прильнули. Гусь всех их тащит.

И видят, идет батюшка с крестным ходом. Они ему и кричат:

— Батюшка, помоги, ради бога, нам избавиться!

Батюшка крестом как махнет, задел немного и тоже прильнул. Гусь их всех тащит.

Вдруг бежит чертенок.

— Эх, три года все хотел ткнуть попа, а теперь-то уж ткну долговолосого!

Как ткнет попа, так и чертенок ульнул с ними. А гусь их приташил к одному дому и наверх тащит, где сидел хозяин у одного купца. И вот говорит хозяину:

— Вот, хозяин, я тебе привел правых и виноватых. Кого теперь прикажешь держать, а кого отпускать?

— Ну что же, гусь, правых отпусти, а виноватых оставь.

И гусь оставил только жену да дьякона. И приташил их домой. Купец и говорит:

— Ну-ка, угости этого дьякона, гусь.

И он его так натрепал, что тот весь в синяках убежал домой. Пришел, закрыл окна, зажег огонь, стал смотреться в зеркало. Стал смотреться, а черт под окном и говорит:

— Мало еще тебе, вперед не ходи к чужим женкам.

Тот испугался, вскочил и нуще того разбился.

А купец начал свою жену бить, а та плачет — не буду больше. А черт под окном и заговорил (поспел и тут!):

— Мало, не ходи с чужими мужиками; мало, мало, бей ее!

¹ Прилипла, приклеилась.

Купец и говорит:

— Кто там?

Гусь отвечает:

— Черт там!

— Ну-ка, дай ему, гусь, чтобы не ходил под чужими окнами слушать.

Гусь гнался, гнался и схватил черта, притащил его домой и говорит:

— Ну, что, хозяин, велишь с ним делать?

Купец и говорит:

— За то, что ты, черт, ходишь под чужими окнами слушать, я тебе даю наказ: сработай мне еще такой дом, как у меня, а иначе я тебя не отпущу.

Черт за два дня сработал ему такой же дом, как у него. Купец собрал новоселье, позвал кушсов и черта тоже позвал. И напоил его пьяного. Вот чертенок пьяный заходил, захвастал:

— Я никого не боюсь, и даже твоего гуся не боюсь!

Купец и говорит:

— Раз так, то возьми его, гусь, убей!

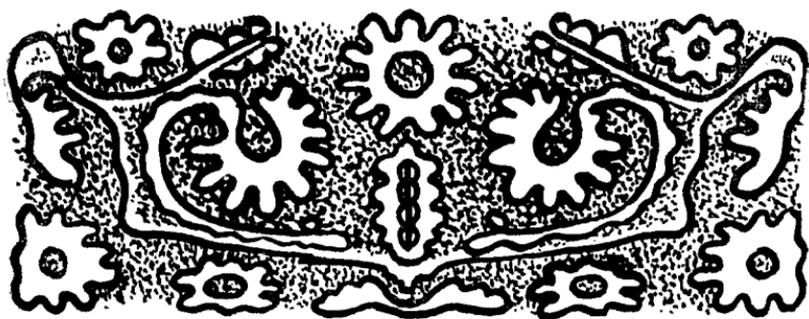
Тут чертенок взмолился:

— Не убивай, я тебе всегда буду служить!

И с тех пор стал жить с гусем у этого купца. И купец не видал больше никакой нужды ни в чем при таких помощниках.

Тут она и кончается.

ЦЫГАН, ПОП И МУЖИК

дет мужик по базару, встречается ему поп.

— Куда, мужичок?

— Да, батюшка, трудом кормлюсь, так иду посмотреть, где бы нажить.

— Давай сядем, мужичок, побеседуем.

Вдруг, откуда ни возьмись, выскакивает цыган:

— Здравствуй, батюшка!

— Здравствуй, здравствуй, садись с нами беседовать.

Тот тоже уселся. Вот поп спрашивает цыгана:

— Слушай, откуда ты деньги берешь? Я вижу, ты никогда не работаешь, а ходишь чисто.

А цыган любит языком чесать и говорит попу:

— Я-то ладно, батюшка, а вот откуда вы деньги берете и ходите в такой длинной рясе?

— Как откуда? — говорит ему поп. — Я служу богу, крещу ребят, молюсь, служу панихиды — деньги идут мне каждый день. Но скажи теперь, цыган, где ты берешь деньги, я про себя рассказал.

Цыган и говорит:

— Правда, батюшка, ты рассказал, а я тоже про себя расскажу. Ты, батюшка, служишь, поешь, обманываешь людей, а я зарабатываю языком, кому что-нибудь предскажу, другому обменяю. Вот и зарабатываю, батюшка.

Мужичок все это слушал и говорит им — попу и цыгану:

— Батюшка, я вижу, ты зарабатываешь горлом, а цыган языком — оба вы обманываете людей, а я, как человек простой, зарабатываю горбом — где тяжелее. И эти деньги делю на три части: свиней кормлю, в воду мечу, в долг даю и старый долг плачу.

Теперь они спрашивают:

— Расскажи, мужичок, что это за загадки?

— А вот, если можете отгадать эти загадки, берите мой кафтан, а не можете — давайте мне вашу одежду.

Поп и цыган согласились на это. Сняли одежду. Поп снял рясу, хоть и жалко ему было, а думал: «Может отгадаю, так кафтан будет мой». И цыган снял с себя шубу. Но сколько ни бился, отгадать не могли. Тогда мужичок им и говорит:

— Вот слушайте: свиней кормлю — царю подать плачу; в воду мечу — таких как вы обманщиков кормлю; а третья часть — старый долг плачу — отца-мать кормлю, а в долг даю — детей рощу.

Взял их одежду и пошел домой веселый.

На том она и кончается.

БАРИН И СОБАКА

К одной деревне был крестьянин, а тут недалеко жил барин в своем имении. Крестьянину случилось раз пройти мимо имения. А у барина собака была злоющая. Собака накинулась на него, а он ударил собаку посохом и убил ее.

Барин подал в суд. Позвали этого крестьянина судиться с баринком. И вот когда пришли на суд, судьи спрашивают барина:

— Что ты хочешь от этого мужичка, какое наказание ему дать?

— А я вот что хочу сделать — лишить его человеческого звания и голоса, и пусть он станет собакой, охраняет мое имение и живет у меня при дворе.

Ну, конечно, суд это и решил. Лишили мужичка человеческого звания и заставили жить у барина, охранять барское имущество.

Мужичку пришлось прийти к барину и стать вместо собаки: лаять по ночам и охранять его имущество.

И вот в одно прекрасное время сговорился он с ворями:

— Приходите, воры, в такую-то ночь, пограбите, а там разделим.

И вот в одну ночь приехали воры. Когда барин утром встал — видит, что имущества у него увезли много. И он подает на собаку в суд, что она худо охраняла: были воры и ограбили. Когда пришли на суд, то судьи стали спрашивать барина:

— Ну, барин, скажи, лаяла ли у тебя в ту ночь собака?

— Очень хорошо лаяла, сильно лаяла в ту ночь, когда была покража.

Тогда судьи отвечают барину:

— Так что же тебе надо от собаки? Что же она могла еще сделать, раз она лишена человеческого голоса?

И решили судьи, что собака права, и дали ему право человеческим голосом опять говорить.

Тогда барин был недоволен судом и повез этого мужичка в город, на пересуд. И поехали они с ним вместе. Заехали в лес. А уж было темно. Мужик и говорит барину:

— Смотри-ка, барин, медведь стоит на дороге!

— Ну, мужичок, пугай!

— Да нет, я теперь лаять не стану — я получил человеческое право. Лай, барин, сам, а то медведь-то может нас съесть.

— Мужичок, полай немножко, хоть поучи меня.

Мужичок полаял немного и говорит:

— Теперь лай сам, а то медведь нас съест.

И вот барин начинает лаять. А мужик ему говорит:

— Лай, барин, лай, медведь-то ближе подошел!

А сам сидит, не смеется. И барин до того долаял, что рассвело. Мужичок и говорит:

— Стой, барин, стой, не лай! Это ведь не медведь, это нам повиделась кокура¹.

Тогда барин заговорил:

— А, так ты меня обманул! Теперь я тебя отдам под суд.

— Ну, ладно, барин, отдавай, а я всем скажу, что ты всю ночь по-собачьи лаял.

— Послушай, мужичок, я тебя отпущу домой и дам

¹ Сухое дерево, вырванное с корнем.

тебе денег и корову. Иди, живи с богом, только никому не рассказывай, что я по-собачьи лаял!

И вот они вернулись домой. Барин дал мужичку корову да денег, и мужичок пошел домой.

И стал он жить, ни в чем нужды не зная с тех пор, как барина обдурил.

ПРО БЕЛОГО ЦАРЯ

некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил да был царь. У него было три сына. Вот он говорит своим сыновьям:

— Кто из вас дальше меня съездит, тот и на царство станет. Возьмите на дорогу по платочку!

Старший сын поехал. Ехал он выше леса стоячего, ниже облачка ходячего. Приехал он к трем дорогам. Столб стоит и на столбе написано: «Вправо ехать — самому живому не быть, влево ехать — коню живому не бывать. Прямо ехать — холод и голод».

Испугался он, вернулся назад.

Приезжает домой. Спрашивает его отец:

— Далек ли ты бывал?

— Был я, — говорит, — там, где столб и три дороги!

— Ну, — говорит, — ты еще не доехал туда, где я был!

Средний сын в путь-дорожку отправился. Ехал, ехал, доехал по чистому полю до трех дорог, прочитал, страшно ему стало, и он вернулся назад. Приезжает домой, отец спрашивает:

— Далек ли ты бывал?

Он ему и рассказывает:

— Я был у трех дорог, где столб написан, я и вернулся назад!

— Не досхал ты еще туда, где я был!

Вот младший Иван отправился в путь. Поехал он по чистому полю и приехал он к трем дорогам и к столбу, на котором было написано. Прочитал: «Влево ехать — самому живому не бывать!» И поехал влево. Ехал он близко ли, далеко, сам устал, и конь устал. Приезжает он к дому, заехал на двор на белый и насыпал пшеницы коню.

Вдруг выходит девка-чернавка.

— Фу, фу, русским духом пахнет. Видом не видано, слыхом не слыхано! Никогда птица залетная сюда не долетала, никогда люди не заезжали, а тут заехал человек! Сейчас я тебя съем!

А он вынул платок из кармана и говорит:

— Не ешь,— говорит,— девка-чернавка!

— Ах,— говорит,— это белого царя сын! Знаю я его, он у меня бывал!

Она привела его в дом, напоила, накормила и стала его спрашивать:

— Куда же ты путь держишь?

— А кто есть дальше вас?

— Есть,— говорит,— у меня впереди две сестры; одна отсюда поближе, другая отсюда подальше. Твой папаша говорил, что он бывал у моей у средней сестры!

— Вот он дал нам задачу. Нас три сына, который дальше съездит, тот и на царство станет. Братья с поля вернулись, а я поехал дальше!

Она говорит:

— Возьми моего коня, а твой пусть отдохнет.

Вот Иван-царевич взял ее коня, сел и поехал.

Опять ехал, ехал, близко ли, далеко, низко ли, высоко. Приехал он ко второй сестре. Заехал на двор, выходит девка-чернавка и говорит опять:

— Фу, фу, русский дух, слыхом не слыхано, видом не видано, никакая птица залетная сюда не залетала, никогда люди не заезжали. Сейчас я тебя съем!

Он опять вынул платок и сказал:

— Не ешь, девка-чернавка!

— Ох,— говорит,— это белого царя сын!

Провела его в дом, напоила, накормила и спать положила, а потом спрашивать стала:

— Куда ты едешь?

Он опять ей рассказывает.

— Ну,— говорит,— твой папаша был у меня, а у сестры старшей не был! Она такая злая, может тебя съест!

Дала ему свой платок.

— Ты оставь у меня коня. Пускай,— говорит,— отдыхает, а сам на моем поезжай!

Он сел и поехал, конь понесся, как стрела.

Приезжает он к старшей сестре. Заезжает во двор, выходит опять девка-чернавка.

— Фу, фу, русский дух! Откуда,— говорит,— ты взялся?

Он вынул из кармана платок, утерся.

— Не ешь, девка-чернавка!

— А, это белого царя сын, он был у сестры, до меня не доехал!

Она накормила, напоила, стала его спрашивать.

— Куда,— говорит,— ты путь держишь?

Вот он ей рассказывает:

— Наш папаша дал такую задачу: из трех братьев кто съездит дальше, тот получит царство. Кто же дальше вас живет?

— Дальше нас,— говорит,— живут тридцать три девки-богатырки!

Он подумал: «Поеду я туда!»

Она говорит:

— Не смей туда ехать, Иван-царевич, не бывать тебе живому!

— Ну, пускай не буду живой, ехать так ехать!

— Ну, поедешь, возьми моего коня, своего оставь отдыхать. Только как будешь там, присядь к стене высокой, будешь через нее перескакивать, смотри, чтобы конь не задел копытцем. Ежели он заденет, не уехать тебе от них.

Он подумал: «Ничего! Наберусь я духу побольше и посду посмелее!»

Вот приезжает он к стене высокой:

— Ну-ка,— говорит,— Сивка, не задень копытцем!

Конь прыгнул и не дотронулся.

Он поставил коня и заходит к девкам-богатыркам. Вот он идет в палату—видит, они спят богатырским сном, ничего не чувствуют. Он приходит в комнату, где

самая старшая спит, и видит — такая она красавица, нигде не встретишь такой, ни в сказке сказать, ни пером описать!

Обнял он ее, поцеловал, снял с нее перстень, она ничего не слышала. Жалко было ему выйти, но не смел он больше ждать. В углу на столике увидел две скляночки — в одной живая вода, в другой мертвая. Он взял их и в карман положил. Потом старыми следами перешагнул через девок — ни одна не проснулась.

Вот приходит он к коню, и говорит ему конь:

— Иван-царевич, иди умойся, а то мне не перескочить!

Иван-царевич не послушался, вскочил на коня, конь прыгнул и задел копытцем за проволоку. Вдруг со всех сторон пушки забили, колокола зазвонили, овцы заблеяли, собаки залаяли, бабы забаяли. Девки-богатырки вскочили.

А Иван-царевич вышел в поле, встал и стоит, ждет, что будет. Самая старшая на коня вскочила и вдогонку.

— Какой невежа посмел у нас побывать!

Догнала его и давай с ним сражаться, но не могла с ним справиться, он ее переборол, он тоже был богатырь могучий. Вот она ему и взмолилась:

— Не губи тридцати трех голов. Отпусти меня!

Отпустил он ее, сам домой поехал, а она к сестрам возвратилась.

Приехал к первой девке-чернавке, она и говорит:

— Что-то долгонько ты загостился!

Иван сейчас же своего коня берет и марш к другой сестре, а та так говорит:

— Что долго сзидил?

Он взял своего коня и уехал. Так и у третьей побывал.

Приезжает он домой, в домашний край, отец спрашивает:

— Далеко ли ты, Ваня, побывал?

Он говорит:

— Побывал я там, где тридцать три девки-богатырки живут, и привез перстень от них.

Отцу нечего делать, надо царство отдавать. Отец говорит:

— Вот что, сыновья, есть в поле камень. Сходите перекатите его!

Пришли два старших брата, ходили, ходили вокруг — пошевелить не могли, а Иван-царевич разгорячился, взял палицу — по камню как свистнет, и камень сквозь землю провалился.

Братья говорят:

— Ваня, послушай! Камень-то шумит!

Он нагнулся послушать и провалился сквозь землю, выпал на берег моря, а на этом берегу сидит девушка, плачет.

Он спрашивает:

— Что же ты, красавица, плачешь?

— Я привезена к змею на съеденье! Зачем ты сюда пришел, он и тебя съест может.

— Ничего, — говорит, — подавится!

Сел дожидаться, да уснул: устал в дороге. Вдруг море всколыхалось, змей показался.

Девушка стала его будить, а он спит богатырским сном. Она стала плакать, упала слезинка ему на лицо, он вскочил.

— Ох, как долго я, — говорит, — спал!

Маленькая собачка идет впереди змея. Собачка споткнулась, змей говорит ей:

— Что ты, падина, спотыкаешься? Мою или свою беду чаешь! Здесь ведь нету Ивана-царевича — богатыря!

А Иван-царевич и выскочил из-за куста:

— Что ты меня поминаешь? Давай съезжаться!

Один раз сразился — три головы у змея снес. Другой раз сразился — еще три головы снес. Устал сильно, еще осталось три головы. Бились, бились, еще две снес. Так они бились — грязь до колена намесили! Вот Иван-царевич и говорит:

— Погляди, змей, на небо. Солнышко на коромысле висит!

Змей повернулся, а Иван-царевич ему последнюю голову отрубил.

Иван девушке говорит:

— Иди домой и не говори, что я тебя спас, а я сильно устал, лягу спать!

Вот она идет домой. А там был богатырь, Алексеем звали, он встретился ей и спрашивает:

¹ Предчувствуешь.

— Кто тебя спас?

Она говорит:

— Никто не спас!

Он к ней приступил:

— Говори! Не скажешь — я сейчас тебя уложу!

Делать нечего, пришлось ей сказать. Он говорит:

— Где он остался?

— Там, — говорит, — у моря.

— Скажи отцу, что я спас тебя!

Она пошла домой, а он пошел к морю, голову у сонного Ивана-царевича отсек.

А девушка на другой день пошла к морю. Приходит и видит: лежит Иван-царевич убитый. Она поплакала, поплакала и пошла было домой. Идет и думает:

— Человек он, видно, не простой, надо посмотреть в карманах — нет ли живой и мертвой воды.

Посмотрела в обоих карманах, нашла потайной маленький кармашек и там две склянки. На бутылочках написано: на одной — живая, а на другой — мертвая вода. Вспрыснула мертвой водой — стал он мертвый, а потом живой вспрыснула, он живой стал и говорит:

— Ох, как я долго спал!

— Не я бы, так ты бы все проспал!

Приходят они в город, рассказали все, и отец этой девушки — царь тамошний — хотел, чтобы он женился, а ему хочется попасть в свое царство.

Он стал их просить, чтобы отложили на неделю свадьбу, взял ружье и пошел к морю на охоту.

На море сделалась погода.

Видит Иван-царевич, птенцы жар-птицы летают, шифкают, он скинул пиджак и закрыл гнездо. Погода прошла, жар-птица мать налетела:

— Кто моих детей решил¹, тому сейчас смерть!

Они ей и говорят:

— Мамочка, такого человека не надо обижать! Он нас спас от погоды, а то бы мы померзли.

Жар-птица говорит:

— Выходи, добрый человек, какую тебе надо службу, все могу сослужить.

Он вышел и попросил ее:

¹ Убил.

— Нельзя ли доставить меня в тот свет, где я раньше жил?

— Можно. Только бочку найди большую, набей дичи, нарежь кусочками и приготовь шелковые крепкие ремни.

Он приходит домой, ничего не говорит царю, спросил бочку, сходил на охоту, дичь припас: барышня этого не знала. Приготовил все. Жар-птица запряглась в ленты и сказала ему:

— Как я клюв протяну, кидай два кусочка дичины!

Сел Иван-царевич на жар-птицу, и полетели они. Она как протянет клюв, он ей бросит кусочек. Кидал, кидал и все выкидал.

Она просит:

— Дай еще, а то не долетим!

Что делать? Он вынул нож, от ноги своей икру отрезал. Она проглотила, еще несколько раз крыльями взмахнула и сказала:

— Выходи, Иван-царевич, прилетели!

А Иван-царевич говорит:

— У меня икры нет, идти не могу!

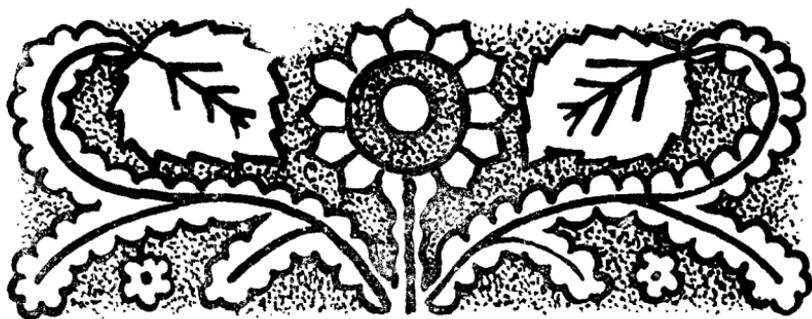
— Ну, этому делу мы поможем!

Натужилась жар-птица и выплюнула обратно его икру. Иван-царевич помазал ногу мертвой водой, потом живой водой — и готов. Явился к отцу и все рассказал.

Царь выслушал его, братьев в тюрьму посадил, а Ивана-царевича на старшей деве-богатырке женил и царство ему свое передал.

Вот и сказка вся.

О ВАСЬКЕ-МУСЬКЕ

В

некотором царстве, некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил был досюль помещик. У помещика был кот, звали его Васька-Муська.

Помещик любил Ваську-Муську, и кот свою кошачью работу работал хорошо — в хлебных лабазах ловил крыс и мышей. Когда хозяин прогуливался, Васька-Муська мог нести во рту до фунта весом гостинец из лавки домой, и крепко любил его за это помещик — двадцать лет держал кота Ваську-Муську.

Наконец Васька-Муська стал старый, усы у него выпали, глаза у него стали худые, сила стала у него мала, не может крыс ловить и мышей давить. Надоел помещику Васька-Муська, схватил его помещик за загривок, выбросил на задворок и пнул ногой.

Побежал Васька-Муська и заплакал, стал думать, как жить до смерти, потом придумал:

— Давай-ка я помру у лабаза, пойдут крысы да мыши пить, так и меня увидят.

Взял да и помер Васька-Муська.

Увидали крысы да мыши, обрадовались, что Васька-Муська помер, стали мыши свистать, крысы кричать:

— Помер наш неприятель!

Сбежались все крысы и мыши к Ваське-Муське

и решили, что надо бы схоронить Ваську-Муську, чтобы он не ожил. Было их около десяти тысяч. Притянули они артелью дровни, закатали Ваську-Муську на дровни, а он лежит — не шевелится. Привязали штук семь веревок, стали на лапки, веревки взяли через плечо, а около двухсот мышей и крыс сзади с лопатками да кирками. Все идут радуются, присвистывают. Притянули Ваську-Муську на песочное место, на боровинку на сухую и начали копать яму всей силой.

А Васька-Муська лежит и маленько смотрит: выкопали яму очень глубокую, метра па три.

Вылезли кошари¹ из ямы. Теперь надо Ваську-Муську в яму толкнуть. Взялись — кто за шею, кто за хвост.

Как зашевелился тут Васька — мыши прочь. Как вскочил Васька-Муська, да давай-ка их ловить, да в эту яму складывать. Бегают по песку, а скрыться некуда ни мышам, ни крысам. Набил ими Васька полную яму. Досталась ему еще музыка да сотни полторы лопат.

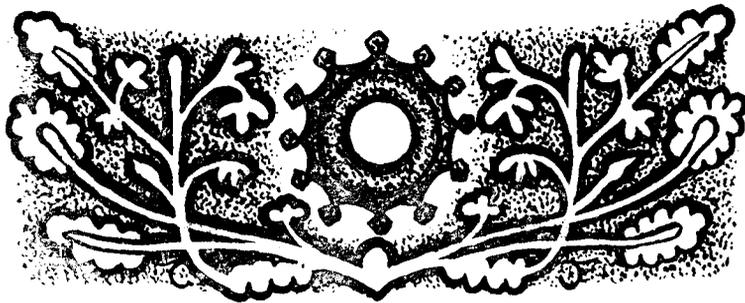
Богато стал жить кот. Лопаты продает, себе рыбы покупает, да в музыку играет, да из ямы мышей добывает.

Живет ни в сказке сказать, ни пером написать, лучше, чем у помещика, и сам стал себе хозяин Васька-Муська.

Тем и кончилось.

¹ Копавшие яму, землекопы.

СОН ВЕЩИЙ

ил-был купец в некотором царстве, в некотором государстве. У купца было три сына. Этот купец построил новый дом. Когда дом был совсем готов, он сказал старшему сыну:

— Ты иди, сын, один ночевать первую ночь в этом доме.

Когда он пошел, отец ему и говорит:

— Возьми с собой петуха¹.

А потом еще:

— Что во сне увидишь, мне расскажи!

Вот он отправился вечером на ночь спать. Переночевал. Когда пришел, отец стал его спрашивать:

— Скажи, сын, что тебе снилось?

Он ему:

— Слушай, папа, мне ничего особенного не снилось. Только видел, будто наш меньшой брат Иван по поднебесью летал на двенадцати орлах.

Вот на вторую ночь он посылает второго сына, среднего:

¹ По старинному поверию крик петуха прогоняет нечистую силу. Поверие это возникло в связи с тем, что петухи поют перед наступлением рассвета, как бы разгоняя тьму (ср. повесть Н. В. Гоголя «Вий»).

— Ну-ка ты пойдй, сынок, что тебе будет сниться, скажешь мне.

На вторую ночь средний сын тоже отправляется с петухом; повалился спать и проспал тоже всю ночь. Пришел к отцу. Отец его и спрашивает:

— Ну-ка скажи, сынок, что тебе снилось?

А тот ему говорит:

— Вот что, папа, я тоже ничего особенного не видел; только видел, что у нас со двора пропала любимая овца.

Приходит третья ночь. Он призывает третьего сына:

— Ну, Ванюша, поди в новый дом спать и наутро мне скажешь, что ты во сне увидишь.

Ванюша ничего отцу не ответил, взял петуха и пошел спать. И ему всю ночь снилось, будто он добывает прекрасную царевну. А потом прилетела змея, хотела его клюнуть¹, и как раз в это время зацеп петух, и змея улетела.

Пришел наутро к отцу домой. Отец его и спрашивает:

— Ну, скажи, Ванюша, что тебе спилось?

Иван молчит, ничего ему не говорит.

— Говори, что же ты молчишь?

— Я свой сон до тех пор не скажу никому, пока не сбудется, а когда сбудется, тогда и скажется!

Так Отец ему и говорит:

— Нет, ты должен сказать!

— Нет, не скажу, хоть убей меня, не скажу и не скажу!

Отец старался всячески выведать у него, бил его, но он ничего не говорит. Тогда отец решился раздеть его донага, вывел на дорогу и привязал к столбу.

— Ну, сын, скажи!

— Не скажу, хоть ты меня и привязал к столбу!

Так отец и уехал, оставил сына у столба.

Через недолгое время проезжает царский сын мимо этого столба. Увидел связанного человека, остановился и стал спрашивать:

— Кто тебя к столбу привязал? Расскажи, кто ты **есть такой?**

¹ Ужалить.

— Я есть Иван-купецкий сын, а связал меня отец.

— За что же отец так жестоко тебя наказал?

Взял, отвязал его и повез с собой. Привез, одел как следует. И жил у него Иван целый месяц. Потом царевич пришел к Ивану-купецкому сыну и спрашивает:

— Ну, так за какую вину отец наказал тебя, Ванюша, скажи мне?

— А что рассказывать? Я скажу тебе, что у батюшки была сработана новая изба, я спал в ней ночь и не рассказал ему сон, а другие братья рассказали. Вот за это он меня и привязал к столбу.

А этот царевич был еще молод и очень заинтересовался — что же такое Иван во сне видел.

— Слушай, Иван-царевич, коли я своему отцу не рассказал, так и тебе ничего не скажу! Делай, что хочешь со мной!

Тогда царевич говорит:

— Если не расскажешь, я посажу тебя в замок и буду держать до тех пор, пока сам не захочешь рассказать мне этот сон!

Он говорит:

— Воля твоя, царевич, делай, что хочешь, по я тебе этот сон не расскажу!

Тогда царевич увел его в замок и посадил в темницу. И вот он так сидит месяц. А этот царевич уже прискивает себе в соседних государствах невесту. И искал он себе в одном царстве царевну Елену, но не знал, что она волшебница.

Приказал царевич грузить корабль съестными припасами. А у него была сестра, и он говорит ей:

— Ты пока правь престолом и посмотри за всем царством.

Царевич снарядился, корабль готов — и отправился в путь.

Проходит месяц, два — и никаких известий от царевича нет. Проходит полгода — все нет; и сестра очень опечалилась и стала носить по тюрьмам подаяния по тюремщикам¹.

¹ Заключенным в тюрьмы. Это место сказки следует понимать так: сестра стала молиться за избавление царевича от несчастий и раздавать милостыню заключенным, чтобы и они тоже молились, как это было принято в прошлом.

Приходит она и к Ивану-купецкому сыну. А Иван спрашивает у нее:

— А где же твой брат?

Она отвечает ему:

— Брат уехал жениться!

— Тяжело ему будет без меня жениться. Да и не женится он в том государстве, где задумал.

Она все это выслушала и говорит:

— Слушай, как тебя звать?

Он отвечает:

— Иваном.

Потом она говорит:

— Коли ты знаешь моего брата Ивана-царевича и хочешь помочь ему жениться, то помоги, а я тебя выпущу из тюрьмы. За это и брат тебя наградит, чем только пожелаешь!

— Я поеду только с условием: когда вернусь, ты посадишь меня обратно, в это же самое место!

Она и говорит ему:

— Слушай, Иван-купецкий сын, если ты выручишь из беды моего брата, как же я тебя после этого могу посадить в тюрьму?

— Не ты меня посадила, не ты и должна меня выпустить. С тем только я и поеду и буду ему помогать. А теперь ищи капитану в полк рапорт, чтобы я мог отобрать себе одиннадцать человек, и приготовь нам всем коней.

Она выпустила его из темницы, увела к себе во дворец и села писать капитану рапорт, чтобы вывел весь полк на площадь. Дала рапорт Ивану-купецкому сыну.

— Поди с этим рапортом к полковнику и выбирай себе солдат, а мы приготовим вам все на дорогу.

Он сейчас же к полковнику. Полковник вывел полк и сказал:

— Ну, выбирай, Иван-купецкий сын, солдат каких тебе надо.

Походил Иван перед полком и выбрал одиннадцать Иванов, какие ему были нужны, и сказал им:

— Теперь, братцы, пойдём во дворец!

Пришли они во дворец — и все кони и одежда им была уже приготовлена. Когда стали одеваться, Иван-купецкий сын осмотрел все и видит, что ему пригото-

лена самая лучшая одежда. Пошел к царевне и говорит:

— Ты подбери нам все так, чтобы одежда была одинаковая. Этой мне не надо!

В скором времени и ему подобрали такую же одежду, как и у других Иванов. Он оделся и сказал:

— Ну, братцы, садитесь на лошадей и подем!

Сели и поехали. Скакали, скакали, подъезжают к крутой горе. Иван говорит:

— Теперь вы меня дожидаетесь, а я поднимусь па гору, посмотрю сверху, куда нам дальше ехать.

Поднялся на гору — видит, три черта дерутся. Он сошел с лошади:

— Что вы деретесь?

А они к нему все подошли и говорят:

— Слушай, добрый человек, нам от отца осталось три диковины, и вот мы сто лет делим, разделить не можем. Пожалуйста, помоги нам, раздели поровну.

— Хорошо, я вам разделю, только слушайте меня!

Он вынимает лук и три стрелы:

— Смотрите, я выстрелю: кто первый принесет мне стрелу — тот получит шапку-невидимку; второй принесет стрелу — получит сапоги-скороходы, третий принесет мне стрелу — получит ковер-самолет.

Выстрелил он в разные стороны, и они побежали за стрелами. А он забрал шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы, приехал к братьям и сказал:

— Отпускайте, братцы, своих коней, садитесь на ковер-самолет и полетим.

Растянули ковер-самолет и полетели. И вот они в скором времени прилетели в то государство, где в это время был Иван-царевич. Только успел царевич прийти к пристани, Иван говорит:

— Ну, пойдёмте, братцы, на корабль.

Когда они пришли на корабль, царевич их спросил:

— Откуда вы, молодцы, как вас звать?

— Нас двенадцать братьев и всех зовут Иванами. Я слышал, что у вас нет матросов; не возьмешь ли ты нас к себе матросами?

Царевич очень обрадовался и сказал:

— Как мне не взять! Я как раз во время шторма потерял двенадцать матросов!

Так они поступили к нему на корабль. Царевич пробыл сутки на корабле, а на вторые — собрался идти в город, посмотреть царевну, какая она есть и не пойдет ли она за него замуж.

Приходит к царевне, поздоровался. Она спросила его:

— Ну, зачем, царевич, ко мне пожаловал?

Он ей отвечает:

— Я бы желал, чтобы вы стали моей женой. За этим только я сюда и пришел.

А она ему и отвечает:

— Да, я согласна, но только исполни мою задачу. Не исполнишь — твоя голова с плеч. Отгадай мою первую загадку, и тогда я выйду за тебя замуж. Завтра приходи и принеси мне ее. А что — это ты должен сам угадать, по чтобы точь-в-точь была бы такая же!

Царевич пошел на корабль; ходит по кораблю и печалится. Подходит Иван-купецкий сын к царевичу:

— Ну, царевич, скажи мне, что ты думаешь? Может, я тебе помогу?

Он поглядел на него:

— Уходи прочь, я без тебя знаю!

А сам все ходит и думает. Иван-купецкий сын подошел второй раз:

— Иван-царевич, поделись своим горем, пока не поздно. Может, я тебе и помогу, а то худо будет.

Тогда Иван-царевич повел его в палаты и стал ему рассказывать:

— Вот послушай, Иван, какое дело — царевна, когда я посватался, сказала: «Угадай загадку, а если не угадаешь — казню!» А я не могу угадать.

Тогда Иван-купецкий сын сказал:

— Ладно, погоди!

Сейчас же надевает шапку-невидимку на голову, сапоги-скороходы на ноги и пошел во дворец. Приходит во дворец невидимо, сел на стул против царевны и сидит. А царевна ничего не знает и зовет свою служанку. Призвала она служанку и говорит ей:

— Вот, служанка, поди закажи башмачок мастеру; пусть он поскорее его сошьет, и носи мне башмачок сюда.

Служанка пошла, и Иван-купецкий сын за ней пошел. Она приходит к башмачнику:

— Царевна приказала: сшей в один час башмачок!

Башмачник сразу взялся за работу. Сшил башмачок и говорит служанке:

— Подожди минут пять, пока обсохнет!

Положил его на печку сушить. Только он его положил, не прошло одной минуты, как башмачка не стало. Сколько он ни искал, башмачка нету. Пропали его труды! А это Иван взял.

Принялся башмачник снова за работу. Изготовил новый башмачок и дал его служанке.

— На, неси скорее царевне!

Пошла служанка, а Иван опять вслед за ней. Пришли, а царевна спрашивает:

— Что ты так долго?

— Да когда он сшил первый башмачок, куда-то башмачок подевался!

— Ишь, какой этот башмачник мешкотный!

Взяла этот башмачок, села к столу. Иван сел рядом с ней, а она его не видит. И вот она приносит коробку золотых булавок и жемчуг и стала украшать башмачок. Иван то же делает: берет из коробочки булавки и тот же жемчуг и украшает свой башмачок.

Приготовила все царевна и пошла спать, а Иван пошел на корабль, сам думает:

— Ладно, на этом ты нас не поймаешь!

Иван приходит на корабль, отдает царевичу башмачок и сказал:

— Бери башмачок и в десять часов пойди во дворец. Посмотрим, что она еще тебе прикажет.

Наутро Иван-царевич отправился к царевне. Приходит, а там все бояре за столом сидят, дожидаются, с чем царевич придет. Только он пришел — выходит царевна с башмачком, а за ней слуга идет с саблей.

Иван-царевич подошел к ней и подает башмачок — точь-в-точь такой, как и у царевны. Бояре все встали, захлопали в ладоши и говорят:

— Ну, достоин царевич нашей царевны, угадал первую загадку!

А царевна говорит:

— Теперь, царевич, угадай мою вторую загадку, тогда я пойду за тебя замуж. Принеси мне завтра то же, что у меня будет, да другое.

¹ Медлительный, непроворный.

Царевич сразу же пошел на корабль и хотя печалился, но не очень. «Может быть, — думает, — мне Иван поможет.»

А Иван-купецкий сын уже выходит на палубу:

— Ну, царевич, как дела?

— Пойдем в каюту, поговорим!

Когда пришли в каюту, он и говорит:

— Вот дала мне вторую задачу, если угадаю, так выйдет за меня замуж. Как ты думаешь — можно мне помочь в этом деле?

А Иван-купецкий сын говорит:

— Ладно, пойду посмотрю!

Одел сапоги-скороходы, шапку-невидимку и пошел. Приходит во дворец и слышит, как царевна говорит своей служанке:

— Принеси мне серую уточку. Пусть Иван-царевич догадается селезья принести.

Пошла служанка, пошел и Иван-купецкий сын. Поймал он селезья и вернулся на корабль. Вернулся на корабль, дает царевичу селезья и говорит:

— На тебе селезья, а у царевны будет уточка.

Пошел царевич наутро во дворец, как и раньше. Приходит, а там все бояре за столом сидят, его ожидают. Вдруг царевна — в левой руке у нее уточка, в правой — шага. Бояре увидели эту уточку и говорят:

— Ах, хорошая уточка, да без пары!

А царевич сейчас же вынимает селезья и дает им.

— Ах, молодец, царевич, угадал. Можешь взять нашу царевну замуж!

Но царевна опять говорит:

— Нет, царевич, угадай мою последнюю загадку: принеси мне такой волос, какой у меня будет.

Царевич пошел на корабль и думает:

— Какой же у нее будет волос? Может ли это Иван угадать?

Приходит он на корабль и встречает Ивана:

— Что, царевич, ты сегодня такой кручинный? Скажи мне скорее!

— Вот слушай, Иван-купецкий сын, какое дело! Царевна велела мне принести такой волос, какой у нее будет. Можешь ты или нет?

А Иван-купецкий сын отвечает:

— Надо идти скорее!

Сейчас же надел сапоги-скороходы, шапку-невидимку и пошел во дворец. Приходит во дворец, а царевна в дороге снарядилась. Иван-купецкий сын подсел к ней в экипаж, а она его опять не видела.

В дороге он ей крепко жал руку, а она все думала: — Что это творится с моей рукой?

Приехали они к морю. Села царевна в лодку и поехала, и он вместе с ней. Приезжает на остров, села на бережок, стала кликать своего деда.

Вдруг поднимается из моря старик—волосы серебряные, а борода золотая. Вот он к ней подошел и заговорил:

— Здравствуй, племянница, давно ты у меня не была, а у меня волосы заплелись, борода вся запуталась.

Дедушка уселся, положил голову ей на колени, и она начала ему волосы расчесывать и бороду разглаживать. А сама нет-нет и волосинку выдернет.

Иван все видит. Набрала царевна волосинок с десятков. Дедушка заснул у нее на коленях. Иван смотрел, смотрел да и выхватил у него целый пучок волос из головы. Старик вскочил:

— Что ты? Разве можно так? Что ты делаешь?

— Прости, дедушка, прости. Больно¹ уж волосы заплелись у тебя. Дай я расчесу тебе бороду.

Повернулся он бородой; начинает она расчесывать и бороду. Расчесывает, а сама золотые волоски поштучке выдергивает. Иван все это видит, а царевна догадаться не может. Иван подобрался, как хватит—чуть полбороды у него не вырвал. Старик вскочил со сна и говорит:

— Что ты? Разве можно так делать?

Поругал ее и бросился в море, даже с ней не простился. Она очень удивилась:

— Что такое? Никогда я так с дедушкой не прощалась. Что тут могло случиться?

Села в лодку и поехала. Иван вместе с ней. Приехали на берег, царевна поехала во дворец, а Иван пошел на корабль. Приходит на корабль и говорит царевичу:

— На, даю тебе волосы, такие же, как и у царевны будут. Только у нее мало, а у нас целый пучок. Иди

¹ Очень.

завтра во дворец. Царевна вынесет несколько волосков, и ты сначала ей столько же покажи. А потом скажи: «На, царевна, я тебе целый пучок подарю». И выкинь ей пучок. Она тогда тебе прикажет сказать, кто-нибудь у тебя есть или ты сам угадываешь. Ты скажи: «У меня есть Иван-купецкий сын». Она скажет: «Пошли его сюда!» А ты скажи: «Я не знаю, кого посылать, у меня их двенадцать молодых. Кто из них угадывает? А, может быть, и я сам?» Тогда она прикажет послать нас всех, и мы пойдем.

Наутро царевич пошел к царевне. Только приходит к ней, а там уже все бояре за столом сидят, дожидаются, с чем он придет, угадает ли последнюю загадку. Выходит царевна, выносит волоски и саблю — голову рубить, если он не угадает.

Царевич подходит к ней и дает ей волоски золотые и серебряные. А потом говорит:

— Если тебе нужно, царевна, я подарю тебе целый пучок. — И кидает ей целый пучок. Тогда все бояре в ладоши заплескали и говорят:

— Ну, достоин царевич нашей царевны!

А она так расстроилась, что в обморок упала. Пролежала целый час, встала и ушла в свою комнату. Приходит в свою комнату, берет волшебную книгу в руки и начинает смотреть.

— Кто же это угадывает? Сам царевич или кто-нибудь из его слуг? Раньше этого не бывало! Много было женихов, но никто не угадывал, все свои головы здесь оставляли.

Посмотрела эту книгу и увидела, что царевич не сам угадывает, а у него есть слуга Иван-купецкий сын, и сразу же узнала, что это тот Иван, к которому она прилетала змеей.

— Почему же он не за себя меня сватает, а за царевича отдает?

Приходит она к царевичу и говорит:

— Пошли ты ко мне твоего слугу Ивана. Ведь это не ты все отгадываешь, а Иван!

Царевич ей и говорит:

— Слушай, прекрасная царевна, у меня двенадцать молодых, и я сам не знаю, кто это делает. Пошлю тебе всех. Сама угадывай, кто это был.

Пришел царевич на корабль и говорит Ивану:

— Вот что, Иван, теперь тебе надо идти к ней со всеми братьями. Царевна зовет.

— Ну, ладно, я пойду. Только надо моих братцев позвать.

Позвали всех братьев, он и говорит:

— Ну, братья, теперь пойдем все к царевне на пир. Когда мы придем к ней, царевна спросит: «Кто у вас старший?» Вы все в голос кричите: «Я старший, я старший!» Тогда она нальет одиннадцать бокалов с простым вином, а двенадцатый бокал золотой, из которого сама всегда пьет. И вы все беритесь за этот бокал и кричите: «Я старший, я старший!»

Теперь отправились они к ней, к царевне. Когда они пришли к царевне, она сразу посадила их за стол и стала спрашивать:

— Ну, кто из вас есть старший?

И все в голос кричат:

— Я старший, я старший, я старший!

Так ей и не удалось ничего узнать. Потом она приносит одиннадцать бокалов простых, а двенадцатый золотой, из которого сама пьет. Налила эти одиннадцать простым вином, а двенадцатый дорогим. Вот сама думает: «Кто старший — этот бокал возьмет!»

Только она подумала — все двенадцать потянулись за золотым бокалом и чуть не перевернули стол. И все кричат:

— Я старший, а не они!

И это ей тоже не удалось!

Решила она поить их вином, пока не свалятся. Иван-купецкий сын пил, но осторожно и видит: братья все стали валиться с ног. Иван тоже повалился, как будто захмелел. А царевна увидела, что все лежат, — сейчас же пошла, принесла волшебную книгу и стала наводить на них.

Наводила, наводила, и книга все-таки указала на Ивана-купецкого сына. Тогда она книгу оставила, вынимает ножницы из кармана и подстригает ему правый висок. Отрезала и ушла.

— Ладно! Ты теперь попался, Иван-купецкий сын, и вместе с тобой Иван-царевич. Никто у меня живой не уйдет!

Иван проснулся, ощутил себя, видит — правый висок подстрижен.

— Вставайте, братья, скорее, беда близко. Ложитесь правыми висками наверх!

Братья повернулись, он у всех виски и выстриг.

— Ну, теперь лежите до тех пор, пока она не придет сама!

И вот они лежат, немного только успели поуспокоиться. Приходит царевна, смотрит на первого, который лежал с краю — а висок-то подстрижен!

— Так это ты все сделал? — кричит. — Ты хотел женить царевича на мне? Теперь я тебя убью вместе с царевичем!

А Иваны ей говорят:

— Слушай, царевна, ты сначала посмотри — ведь у нас у всех виски одинаковые!

Она посмотрела: «Что такое? Так это моя волшебная книга неправильная!»

Взяла и бросила волшебную книгу в море, не верит больше. И говорит Иванам:

— Ну, ведите царевича сюда. Будем играть свадьбу.

Пошел Иван с братьями на корабль. Пришел на корабль и говорит:

— Ну, царевич, собирайся. Теперь будем играть свадьбу.

Царевич очень обрадовался, созвал всю команду, и отправились они во дворец.

Пришли они к царевне, она посадила их всех за стол, начала угощать, и стали играть свадьбу. Князя и бояре в ладоши заплескали:

— Достоин царевич нашей царевны, ему ею владеть!

Сыграли свадьбу. Иван-царевич начинает собираться домой со своей царевной. И вот, когда он собрался к отъезду, подошел к нему Иван-купецкий сын и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, теперь мы от тебя уходим, все двенадцать братьев, а ты плыви без нас.

— Почему же, Иван, ты не хочешь с нами плыть? Ведь я бы тебя наградил, чем только пожелаешь!

— Нет, мне нельзя. Только я хочу тебя о чем-то попросить, ты уж не откажи!

— Говори, Иван, все исполню!

— Когда ты приедешь домой, вспомни, что у тебя

в замке сидит Иван-купецкий сын. Это мой брат. Так ты уж ради меня постарайся — отпусти Иванку!

Царевич сказал:

— Ну, ладно, Иван. Как приеду в свое царство, так сразу же его отпущу. Может быть, мы и с тобой когда-нибудь увидимся?

— А это уж там видно будет — увидимся или нет; только ты его отпусти.

А он и говорит жене:

— У нас не хватает теперь двенадцать матросов, у меня уходит Иван!

Она привела ему двенадцать матросов, и они отправились в путь.

А Иван-купецкий сын раскатал ковер-самолет и сказал:

— Ну, и мы полетим!

И царевна сразу же поняла, что это и был Иван-купецкий сын, да уж делать нечего.

И вот они прилетают к той горе, где коней оставили, и он говорит братьям:

— Теперь, братья, берите коней, поедем!

Только они приехали, вдруг первый чертенок бежит со стрелкой, и Иван отдает ему шапку-невидимку. Смотрит, и другой бежит — он тому отдал сапоги-скороходы. Смотрит — третий бежит, и он отдает ему ковер-самолет. Те поблагодарили и говорят:

— Если надо будет, Иван, ты нас только вспомни, мы тебе поможем.

Сели братья на коней и поехали. Приезжают они в то царство, где Иван в темнице сидел. Встретила их царевна и спрашивает:

— Ну как, Иван-купецкий сын, как твои дела? Женился ли мой брат?

Он сказал:

— Прекрасная царевна, все сделано, что я говорил. Твой брат придет через четверо суток. А теперь отведи меня в темницу. Остальных отпусти, куда знаешь.

А она ему опять и говорит:

— Слушай, Иван-купецкий сын, я не смею тебя посадить. Придет мой брат Иван-царевич, он меня за это накажет. За что же посадить? За то, что ты сослужил ему большую службу?

Он и говорит:

— Прекрасная царевна, ведь не ты меня посадила — не тебе и выпускать, не тебе я буду сон рассказывать.

Прошло шесть дней, Иван-царевич приезжает со своей женой Еленой Прекрасной. Царевна очень обрадовалась и забыла про этого Ивана, которого посадила в темницу. И Иван-царевич забыл про Ивана.

Три дня играли свадьбу. Начали носить всем потюремщикам свадебные чары. Сестра Ивана-царевича пришла с чарой в темницу, увидела Ивана-купецкого сына и сразу его вспомнила.

— Ну, Иван-купецкий сын, извини, что я забыла. Сейчас я скажу брату, а не хочешь, так пойдем со мной.

— Нет, он меня посадил, он и должен выпустить!

Она побежала сразу к брату. Пришла и говорит:

— Слушай, братец, ты знаешь ли, что жениться тебе помог Иван, который сидит в темнице?

— А кто же посмел его посадить в темницу?

— Слушай, братец, а не ты ли сам посадил его за то, что он не рассказал тебе сон?

Тут Иван-царевич сразу пошел в темницу вместе с Еленой Прекрасной. Пришел в темницу и говорит Ивану-купецкому сыну:

— Ну, Иван-купецкий сын, выходи. Прости, что дело так вышло, и я тебя ничего больше спрашивать не буду.

Привел его во дворец, посадил его за стол и говорит:

— Ну, а теперь проси, что хочешь. Я тебе все сделаю, что ты прикажешь, за то, что ты помог мне сватать Елену Прекрасную.

Он ему и говорит:

— Ничего мне, Иван-царевич, не надо. Только разреши мне во всех домах или трактирах, куда ни зайду и что ни попрошу, три года пить и есть безданно, безпошлинно. Больше мне ничего не надо.

Иван-царевич ему говорит:

— Ну, слушай, Иван-купецкий сын, это я тебе разрешаю, а еще что желасшь?

— Больше мне ничего пока не надо, а потом я скажу, когда пройдет этот срок.

И вот Елена Прекрасная все больше и больше стала думать об Иване-купецком сыне, больше, чем об Иване-царевиче.

Стала прекрасная царевна думать, как бы ей позвать Ивана-купецкого сына. Выбрала такой случай, когда

царя не было дома, и призвала его к себе. Посадила его за стол и говорит:

— Почему ты, Иван-купецкий сын, Ивана-царевича женил на мне, а не сам женился? Потому что я прилетела к тебе змею, когда ты спал в новом доме? Больно уж ты тогда хитер был — зашел петух и разбудил тебя. Если бы не разбудил — не быть бы тебе живым и не быть бы мне за царевичем! Скажи мне, что ты теперь-то думаешь? Откройся, не таись!

— Теперь я не знаю, что тебе сказать, прекрасная царевна. Не прошел мой срок, и не смею я надеяться на тебя. Царевич отвязал меня от столба; мне стало жалко, что он погибнет, и я хотел ему помочь.

— Вот какой ты, Иван-купецкий сын! Ты его пожалел, а он тебя не пожалел, посадил в темницу за то, что ты ему не рассказал сон, который ему и не нужен был.

А он говорит:

— Тогда мой сон скажется, когда сбудется.

Тогда она говорит:

— Слушай, Иван-купецкий сын, достань мне волшебную книгу, которую я бросила в море, тогда я все устрою, и будешь моим мужем и царем.

Тогда он сказал ей:

— Слушай, прекрасная царевна, у меня уже нет тех волшебных вещей, которые мне помогали!

Она ему и говорит:

— Не медли, Иван-купецкий сын, а то будет поздно. Тогда жалуйся на себя.

— Ну, ладно, Елена Прекрасная, уж так и быть, я для тебя сделаю.

— Это ты сделаешь и для меня и для себя!

Он сказал:

— Я уйду дня на три, а потом приду с тобой повидаться, выбери время.

— Ладно, время будет.

И вот он сейчас же приказал, чтобы ему привели коня из конюшни. Сразу же подали коня, и он поехал на ту горку, где жили три чертенка. Когда он приехал, только вспомнил их, и вдруг они все трое явились:

— Что тебе надо, Иван-купецкий сын, от нас, мы рады тебе услужить.

— Вот что я вам хочу сказать: не знает ли кто из вас, где книга Елены Прекрасной, которую она

бросила в море? Я хочу ее достать. Достаньте ее и принесите мне, больше мне ничего от вас не надо.

Спросил он первого чертенка:

— Знаешь ли ты эту книгу?

Тот помотал головой:

— Нет, я не знаю!

Тогда он второго спросил.

— Нет, я не знаю. Слышал, а не знаю.

Тогда он последнего спросил:

— Ну, а, может быть, ты знаешь?

Этот чертенок и говорит:

— Да, я знаю, она у меня. Ты мне дал тогда сапоги-скороходы, я побежал по своим участкам и случайно увидел — несется она по волнам. Подобрал ее и она теперь у меня.

— Ну, так вот, друг, отдай ее мне!

Чертенок пожал плечами и говорит:

— Неохота мне ее отдавать, там много хорошего написано. Прочту, тогда отдам!

А Ивану-купецкому сыну ждать было нельзя, он обещался через три дня прийти. Стали братья чертенка просить:

— Слушай, брат, если хочешь — поменяемся, бери любую вещь. Ведь мы обещали помогать ему, надо книгу отдать.

Иван все стоял, слушал их разговоры. Наконец, чертенок сказал старшему брату:

— Если возьмешь сапоги-скороходы, а отдашь мне шапку-невидимку, то я отдам ему книгу.

— Ну, нá, поменяемся, а уж мы должны помочь Ивану-купецкому сыну.

Получил он книгу и поехал обратно. Прошло три дня, и приезжает он в царство к Елене Прекрасной. А царя в это время опять не было дома. Отдал Иван-купецкий сын волшебную книгу, а Елена Прекрасная ему и говорит:

— Ну, молодец, Иван-купецкий сын, буду твоей женой и править тебе всем царством. Подожди только три дня, а уж там видно будет.

Взяла она эту книгу и читала, как погубить Ивана-царевича. Усыпила его намертво, как будто он умер. Потом похоронили царевича, все как будто так и надо.

А потом созвали они пир. И на этот пир позвали гостей. Сидят они, угощаются, ведется пир вторые сутки. Тут Иван-купецкий сын и говорит:

— Слушайте, я расскажу вам свой сон.

И рассказал им все, как сбывлось. И тогда отец его стал просить у сына прощения, что когда-то несправедливо с ним поступил — к столбу привязал. Сын простил его и стал он жить со своей женой Еленой Прекрасной до глубокой старости.

На том и кончим.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И СОЛДАТ

Петр Великий выехал на охоту. Ездил, ездил — заблудился. В лесу ему проехать верхом неловко, слез он с коня, а конь идет сзади. Погода была хмурая — солнце не светило. Он и говорит:

— Мне покойный отец сказывал, по приметам можно выйти из лесу. С северной стороны сучья меньше, а с южной стороны сучья больше.

Он и стал рассматривать по этим отцовским приметам. Посмотрел и подумал: «Мне надо идти в эту сторону. Здесь меньше сучья, и я выйду на дорогу, потому что, когда я в лес ехал, солнце было впереди».

Он и пошел. Ходил, ходил — опять сбился. Видит — сидит мужик на пне. Он подходит к этому мужику. А там сидит солдат.

— Ты, что, — говорит, — солдатик, сидишь?

— Да заблудился. Не знаю, куда попасть. Вот двое суток хожу и никак не выпутаюсь.

И он говорит:

— И я заблудился. Ну, давай дорогу искать.

— Вам, — говорит, — просто искать дорогу. Пройдешь, на коня сядешь, и опять легче станет.

Солдат и спрашивает:

— А ты кто такой?

Петр Великий отвечает:

— Я — царский охотник.

— А-а, то-то ты смело и говоришь. Так вот, если ты охотник хороший, полезай-ка на это дерево и посмотри, может быть, окажется огонек какой. А не покажется ничего, придется нам почевать под этим деревом.

Царский охотник и полез (раз солдат велит, надо лезть).

Он полез, а солдат думает: «Охотник так не поехал бы, наверное, он себе еды взял».

И он скорей в эту сумку, а там хорошая закуска.

— Ага, это хорошо! Теперь я подкреплюсь немножко. Ты слезешь, да не узнаешь, а если почевать будем, так еще дашь мне.

Он закусил немножко, червячка переморил своего — ведь двое суток бродил да ягодами питался, — ему стало веселей. А Петр выше лезет. Долез до самой макушки. Солдат и кричит ему:

— Ну что! Видно что-нибудь или нет?

— Еще не долез доверху.

— Ну, полезай, — говорит, — веселей. Если бы я полез, так я бы давно слез.

Петр Великий добрался до верхушки и разглядывает кругом. Видит, огонек где-то там горит. Он и говорит солдату оттуда:

— Вот, смотри, там огонек где-то горит прямо.

— Чу, так слезь, я уже приметку взял, — солдат говорит.

Царский охотник слез и говорит ему:

— Ну-ка, солдат, веди по-военному!

— Я-то поведу, — солдат отвечает ему. — Солдат ошибется — солдата наказывают, охотник хоть ошибется, так за него и государь стоит.

Государский охотник ответил:

— Ну, веди, веди веселее! (Он догадался, что солдат в его сумку сходил.)

Они и идут. Солдат шел впереди, охотник с лошадию позади. Выходят на поляну. Тут стоит дом, обнесенный оградой большой — огня не видно уже. Они стали стучаться. Выходит старуха, открывает им ворота и говорит им:

— Вот гости и сами пришли.

Петр Великий ничего не понял, но а солдат что-то

смякнул. Он помалкивает и охотнику ничего не рассказывает. Старуха и говорит:

— Ну, проходите, гости дорогие!

Гости прошли, солдат и говорит:

— Бабушка, дала бы гостям поесть чего-нибудь.

— А нету, голубчик, ничего. Идите на чердак, отдохните, а я приготовлю, потом позову вас.

Они коня своего оставили и полезли на чердак.

Солдат и говорит Петру Великому:

— Ты, царский охотник, ездил на лошади и не очень устал, ты стань-ка на часах и послушай, а я отдохну. Постоишь час, а потом меня разбудишь — я буду стоять.

Царский охотник стал на часах, а солдат лег отдыхать. Солдат видит, что царский охотник сидит, дремлет.

— Нет, — говорит, — охотник, так на часах не стоят. Вот если бы ты побыл у государя на часах, тогда бы узнал. Мы стояли на часах, да не дремали, нас разводные приходили проверять, дремать некогда. А тебе приходится полчаса стоять, и ты задремал. Так ложись-ка спать, а я сам встану.

Государский охотник отдает свою пашку и ложится спать, а солдат смотрит и подслушивает, что будет.

Вдруг — стучатся. Едут три молодца. Старуха им ворота открывает и говорит:

— У нас два гостя уже есть, я их послала на чердак отдыхать.

— Ну, так эти гости в наших руках, — отвечают.

Солдат все это слышит, а царского охотника не будит. Через четверть часа опять стучатся. Опять старуха идет, ворота открывает. Тут уже четыре молодца являются. Она им говорит:

— Вот есть у нас два гостя, на чердаке спят.

— Ну, пусть спят. Мы закусим да распорядимся с ними.

И проходят в избу. У них пошел ужин. Старуха и рассказывает им:

— Они просили у меня поесть. Видно, один солдат, а другой вроде какой-то барин. У барина вон там и лошадь стоит.

— Ну, пусть поспят.

Они закусили. Старшой рассказывает:

— Ну, полезай на чердак, кончи их!

А солдат все это слышит.

Один полез по лестнице. Как только он голову высунул — солдат ему голову и срубил. А царский охотник спит, ничего не слышит.

Через некоторое время старшой говорит:

— Что он там долго копается? Верно, беседует с ними. Беги-ка ты!

Другой лезет на чердак. Он и его так: голова на чердаке, а труп под лестницей.

Он посылает третьего:

— Иди-ка ты! Что они там долго работают?

И третий идет. Он и третьему тут. Время проходит, и третьего нет. Он посылает четвертого:

— Ступай скорей, кончите их да идите сюда!

И четвертый идет. Солдат и четвертому голову снимает. Он посылает пятого. Солдат и пятому рубит голову. Он крикнул шестому:

— Иди, Ванька, расправься с ними! Что они там, приятеля нашли, забеседовались.

И Ванька побежал. Солдат и этому голову срубил. И этот полетел. Остался старшой один. Он и говорит:

— Я сейчас пойду! Что они там долго сидят. Будто шесть человек с двумя не могут справиться.

И этот лезет. И он этому голову скинул, и этот труп под лестницу упал. Солдат думает: «Теперь нужно подождать. Вылезать нельзя, пока не рассветет. Да и охотника нельзя будить, дурака, пусть поспит».

Уже стало светло. Он стал будить царского охотника:

— Ну-ка, вставай, охотник!

Охотник просыпается. Он ему и говорит:

— Посчитай-ка, сколько здесь голов!

Тот соскочил:

— Семь. Так это, — говорит, — как?

— А так, — говорит, — это бы наши головы лежали с тобой, если б ты стоял на посту, а не я.

Государь и говорит:

— Я — охотник, живу так, что меня ничего не касается. Ну, а тебе спасибо, солдат, ты все-таки дисциплину знаешь.

— Ну, теперь пойдем, царский охотник, вниз, уже светло стало. Больше у них, кажется, нет никого, а со старшой мы расправимся.

А старуха уже огляделась, что под лестницей все лежат.

Они входят в избу с чердака. Солдат и говорит:

— Ну-ка, старый черт, показывай-ка свое богатство! Сколько здесь людей загубили?

Старуха говорит:

— Нет, батюшка, никого.

Он говорит:

— Как никого? Вот ты и нас дожидала. Мы просили у тебя покушать, а ты сказала: «Пету ничего, полезайте-ка на чердак, через полчаса я приготовлю и позову вас». Вот мы заснули на чердаке. Слышу, что стучатся. Ты ворота открывала и сказала: «Гостей у нас двое есть». Они тебе ответили, что в «наших руках они уже». Тут по-солдатски спать некогда было. Я стал прислушиваться. Вот старшой первого посылает. Ему голову снял. Он посылает второго, я и второму снял. Ну и до последнего кончил. Ну, а теперь ты показывай, старая ведьма, что у тебя есть!

— Да нету, голубчик, ничего!

— Как нету ничего? И поесть нет?

— Посесть-то найду.

— Ну, давай!

Она видит, тут делать нечего ей, а смерть страшна. Она и повела показывать, что у нее есть.

Приходит в погребок. Там куча насыпана золотых.

— Вот я показала вам все, больше нет, показывать нечего.

— Ну, так укажи нам дорогу, куда нам выбраться.

— Да вот пойдете этой тропинкой и выйдете на почтовую, а там выйдете в любую сторону, куда вам надо.

Солдат и говорит:

— Ну-ка, царский охотник, бери побольше денег. В город приедем, так будет нам па что погулять. А на почтовую выйдем — заметим дорогу к избушке и скажем государю. Приведем и остатки заберем.

Солдат берет денег побольше, полны карманы. А охотник говорит:

— А я немного возьму, хватит с меня.

И отправляются они по этой тропинке. Немного прошли — и почтовая. Охотник и рассказывает солдату:

— Ну, ты, солдат, иди тихонько, и тут на дороге будет трактир. Ты зайди в трактир, закуси там и отды-

хай, а я скажу государю, чтоб он подослал тебе пару лошадей.

Солдат отвечает:

— Как же мне тебя там увидеть?

— А вот, когда придешь туда к государю, так все шапки снимут, а я буду в шапке, тогда узнаешь меня.

Тут Петр Великий погнал своего коня посильнее и уехал.

Приезжает в этот трактир и сказал хозяину:

— Смотри, будет идти солдат и зайдет здесь подкрепиться, ты ему давай все, что нужно, а деньги плачу я.

Ну, хозяин знал, что это государь приказал.

До города еще далеко идти. Солдат заходит в этот трактир. Тут солдата встречают:

— Что вам надо, чего хотите закусить, поесть — то сейчас подадим.

Солдат и говорит:

— Вроде как знают, что у меня денег много есть, так и предлагают. Ну, давай это, это, — потребовал солдат.

Солдат вынул, посл хорошенько. Вынимает, подаст деньги, а хозяин не берет.

— Да ты что, хозяин, не берешь денег от меня?

Хозяин отвечает солдату:

— Я читал в газете, что государь приказал: прохожему солдату должны дать везде бесплатно. Мы не должны царское слово изменить.

Солдат пошел из этого трактира в город. Встречает его на дороге пара лошадей, и говорят ему:

— Это ты с царским охотником был?

— Я.

— Ну, так садись, к охотнику повезем.

Солдат сел, и посхали.

Ну, извозчик стал сильно лошадей гнать. А тут государь выставил два полка солдат на парад, встречать его. Когда только он подъехал сюда, государь крикнул:

— Шапки долой!

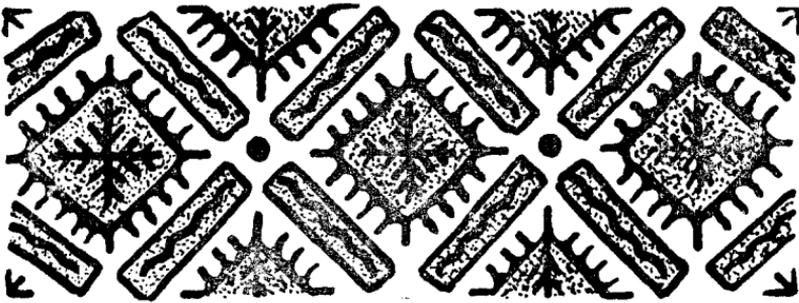
Все скинули шапки, а он стоит в шапке. И солдат является и говорит ему:

— Простите, ваше императорство, что я с вами грубо так поступил.

— Ничего,— говорит,— ты не грубо поступал, ты свою дисциплину исполнял. Если б не твоя дисциплина, то мы спали бы и сейчас там. А солдатская дисциплина вынесла, спасла и тебя и меня. За это я тебе отдаю то место все и те деньги, которые остались там — все твои. И дам тебе охрану большую, и сделаем там вроде дворца на том месте, и будешь ты жить-поживать и добро наживать.

Вот это солдат — молодец! И сказке конец.

ПРО ПЕТРА ПЕРВОГО

днажды Петр подъехал к кузнице и говорит кузнецу:

— Подкуй ты мне, кузнец, лошадь.

Кузнец сказал:

— Можно!

И начинает ковать подкову.

Петр говорит:

— Покажи-ка подкову твою.

Кузнец подает подкову Петру. Петр взял подкову, разогнул ее и говорит:

— Нет, брат, фальшивы твои подковы, не годятся моему коню.

Тогда кузнец сковал вторую. Он и вторую разогнул. Потом кузнец сковал третью, стальную, закалил ее и подает Петру.

Петр взял подкову, осмотрел ее — эта годится. Кузнец сковал четыре подковы и подковал лошадь.

Тогда Петр спросил:

— Сколько тебе за работу?

А кузнец говорит:

— А ну-ка выкладывайте деньги, я буду проверять.

Петр достает серебряные рубли. Кузнец берет рубль, сломал его и говорит Петру:

— Нет, мне таких денег не надо. Ваши рубли фальшивы.

Тогда Петр достает золотые монеты и сыплет на стол. И говорит кузнецу:

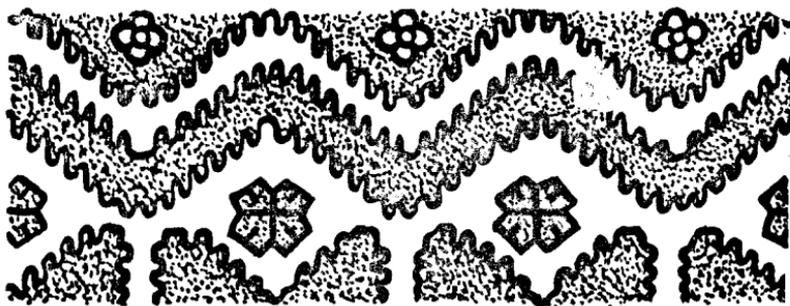
— Ну как, эти годятся?

Кузнец отвечает:

— Вот это не фальшивые деньги, могу принять.

Отсчитал сколько ему нужно за работу и поблагодарил Петра.

КУПЕЦ-САМОСЧАСТЛИВЕЦ

алеко, далеко за морями жил-был купец-самосчастливец. Много он имел золота и серебра, имел двенадцать магазинов товаров, а детей у него не было.

Вот однажды купец думает: «Кому наше попадет богатство? Передать наследство будет некому!»

И говорит купец-самосчастливец своей жене:

— Как бы нам узнать, какая нам выпадет доля?

Ложатся спать, и снится купцу, что кто-то ему говорит во сне:

— Хочешь узнать свою долю, завтра в 10 часов утра выходи в сад гулять. Возьми с собой сто рублей денег, ружье и жену. Тогда увидишь свою долю.

Вышел он в сад с женой, вдруг сзади закричало:

— Эй! Купец, оглянись назад!

Купец обернулся и видит, что его дом и магазины загорелись огнем. Не успел купец мигнуть глазом, как его дом и магазины сгорели.

Тогда говорит купец:

— Вот так узнал свою долю! Теперь что я заведу? Денег у меня только 100 рублей, да ружье, и жена с собой.

Отправился он с женой к морю. Дошел по берегу до густого леса и построил на взморье себе хижину.

Думает:

— Как теперь будем жить?

Придумал:

— Буду ходить на охоту бить дичь. И так буду кормиться.

Однажды он уходит на охоту, набил дичи и зверья. Продав все это, купил хлеб. Так и стал кормиться.

Прожили год. Родилось у жены два сына. Купец и говорит:

— К несчастью теперь и дети родятся. Когда было всего довольно — детей не было. Но делать нечего — быть по сему.

Однажды опять уходит в лес на охоту, а в это время в море появился корабль и подходит к берегу, где стояла их лачуга. Выходит оттуда принц. Пришел в хижину к жене купца-самосчастливица, а жена у купца была очень красивая.

Она вязала из разных шелков прошива¹ и кружева. Говорит она принцу:

— Нет ли у вас на корабле заграничного шелку?

— Есть, — говорит принц, — разные шелка.

— Принесите мне.

— Если желательно, идите сами.

Вот она приходит на корабль, а принц приказал убрать якорь и поднять паруса. И ушел корабль в открытое море.

Приходит купец с охоты и спрашивает у детей:

— А где же мать?

Дети показали в море — увезли, мол, туда.

И вот купец тогда заскучал: «Вот так узнал свою долю: и магазины сгорели, и жену увезли за море, да еще осталось два сына. Что теперь делать?»

Думал, думал и придумал. Сходил в лес, срубил толстое дерево и начал кукшить² корыто. Решил отправиться за море искать свою жену.

Попробовали они трое сесть в корыто. Корыто тонет. А как сядут двое — корыто поднимает. Вот купец и говорит:

Сяду сам, возьму одного сына, свезу на тот остров, который виден в море.

¹ Вставки, оторочки.

² Долбить.

Поехали с одним сыном, а второй остался на берегу. Свез одного сына на остров, потом поехал за другим. Вдруг поднялась страшная буря. Купца понесло в открытое море.

(Ну, и пускай его носит, а будем говорить про сыновей.)

Вот однажды к острову приезжают рыбаки. Вышли на остров попить чаю, видят: спит малый в траве. Разбудили его. Стали его спрашивать:

— Как ты сюда попал?

А мальчику исполнилось всего три года. Он им кое-как отвечает:

— А вот как: отец меня привез на этот остров, а сам поехал за другим братом, но поднялась буря и отца унесло в открытое море. А вот там на берегу мой брат.

Рыбаки взяли мальчика, поехали на берег. Видят — другой парнишка сидит и играет цветами. Они взяли его в лодку и поехали ловить рыбу. Осмотрели свои сети и поехали домой.

У одного рыбака детей не было, и он этих мальчиков взял к себе. Привез и говорит жене:

— Ну, женка, бог дал нам двух сыновей.

Жена начала ругать его:

— Зачем ты их привез? Самим есть нечего, а еще привез двух детей.

Говорит рыбак жене:

— Нельзя же их бросить — придется воспитывать.

Приписал их к себе в рыбаковы сыновья и стал по-прежнему ловить рыбу. Раньше ловил он плохо, а теперь, как съездит в море, так привезет целую лодку рыбы. Тогда говорит жене рыбак:

Вот ты, жена, не хотела взять детей, а теперь смотри, как стали мы ловить рыбу.

Рыбак разбогател, денег стало девать некуда. Говорит жене:

— Теперь нужно им купить какие-нибудь игрушки. Сходил в город и купил гусли.

Привез детям:

— Вот забава, учитесь играть.

Дети начали играть: трень-брынь, тром-бром.

(Пускай они учатся, а мы будем рассказывать про их отца.)

Купца качало и шатало в море, и, наконец, бросило

его корыто на берег. Он до того истощал, что еле выбрался из корыта на берег и тут же свалился. В это время проходил старичок мимо него. Он помог ему подняться, кой-как привел его к себе на квартиру. Немножко дал ему закусить, а потом велел отдохнуть. Купец проснулся, пришел в себя и просит поест. Старик дал ему поесть.

Прожил купец три дня. Тогда хозяин дома говорит:

— Завтра у нас будут выбирать царя. Каждый должен пройти в церкви сквозь райские ворота со свечкой в руках. У кого свеча загорится — тот будет царь. Пойдем и мы с тобой.

Купец и говорит:

— Какой из нас будет царь-государь!

— Ну, будет, не будет, а проходить должны все!

Тогда купец говорит:

— У меня и денег нет на свечку.

— У меня есть шесть копеек, — говорит старик. —

Я возьму две свечки и тебе дам одну.

Пошли они в церковь. Сначала проходили князья, бояре, купцы, вельможи, — ни у кого свеча не загорелась. Потом пошли рабочие люди, ни у кого не горит свеча. Только остался старик и купец-самосчастливец.

Старик тоже прошел, свеча не загорелась.

Пошел купец-самосчастливец, свеча у него загорелась. Тут поднесли ему корону, поставили его на престол править государством.

(Пусть он царствует. Теперь будем говорить про его жену.)

Долго ли, коротко ли как увез принц у купца жену, а они еще не венчались.

Назначили день свадьбы. Собрали почестен пир. Съезжались на пир князья, бояре, купцы, вельможи. Созвали из разных земель музыкантов. И вот говорит принцу жена купца-самосчастливица:

— Я слышала, есть музыканты хорошие за морем — сыновья рыбаковы. Нужно их позвать на почестен пир.

Посылает принц солдат за музыкантами. Явились солдаты к рыбаку, просят опустить музыкантов за море на почестен пир.

Тогда сказал рыбаку:

— Заплатите за них три тысячи.

Солдаты деньги отдали, музыкантов взяли и поеха-

ли. Приезжают они на почестен пир, к принцу на свадьбу.

Приказал принц играть в гусли яровчатые. Тут музыканты вспомнили свою жизнь горе-горькую. Начали играть так печально, что все на свадьбе опечалились.

Приказал принц сыграть веселую. На пиру все завеселились.

Потом вышла супруга принцова в комнату отдельную и позвала к себе музыкантов. Комнату закрыла накрепко и стала спрашивать у музыкантов, выведывать:

— Как вас звать удалых молодцов? А величать вас по отчеству?

Говорили музыканты:

— Мы не знаем роду-племени. Не знаем, как звать по имени и величать по отчеству. А пишемся мы сыновья рыбаковы.

— А как же вы попали, молодцы, к рыбаку?

Музыканты стали рассказывать:

— Нашу матушку увезли за море, а наш батюшка поехал нашу маму отыскивать. Выдолбил корыто из дерева, сели мы все трое в корыто, корыто тонет. Потом он сел сам и взял одного из нас и повез на остров. Привез на остров. Оставил, а сам поехал на берег за другим. Тут поднялась буря сильная и унесла батюшку в пучину морскую. К этому острову приехали рыбаки—ловить рыбу, взяли меня к себе в лодочку. Рассказал я им про брата, и они съездили за ним на берег. К рыбаку мы и приписались. Стали сыновьями рыбаковыми.

Тогда спросила их невеста принцева.

— А как же звали вашу матушку?

Музыканты ответили:

— Мы не помним имени матери.

Тогда она спросила про отца:

— Не помните ли, как звали отца?

Они немного подумали и говорят:

— Нам будто сквозь сон помнится, что наш отец был купец-самосчастливец.

Невеста принцева с этих слов обмерла и лежит запертво.

На пиру все взбушевались. Принц приказал музыкантов в тюрьму посадить.

— Завтра представляю я вас к царю и попрошу, чтоб он повесил вас!

На второй день музыкантов привели к государю. Государь начал спрашивать:

— Кто вы есть и откуда? Как вас звать?

Они ответили, что они не знают:

— Пишемся сыновьями рыбаковыми.

Тогда царь спросил, кто их мать и как ее звать.

Они ответили:

— Не помним!

Тогда царь их спросил:

— Как вы попали к рыбаку?

Они начали рассказывать:

— Родились мы на берегу моря. Отец наш ходил на охоту, а мать вязала кружева. Вдруг пришел корабль к берегу, вышел неизвестный человек и увез нашу мать за море. Приходит отец наш из лесу, а мы одни. Отец спросил нас, где мать. Мы показали ему, что уехала за море. Тогда отец начал кукшить корыто, посадил нас в корыто и сам сел. Корыто тонет, трех не подымает. Тогда он снял одного из нас и оставил на берегу, а одного перевез на остров. Сам вернулся за другим. Но поднялась буря, и понесло его в открытое море, и унесло неизвестно куда.

Тут царь все понял, обнял своих детей, целует, ласкает. Призывает к себе принца коварного. Спросил у него:

— Зачем прислал этих юношей?

Принц сказал:

— Чтоб их повесили!

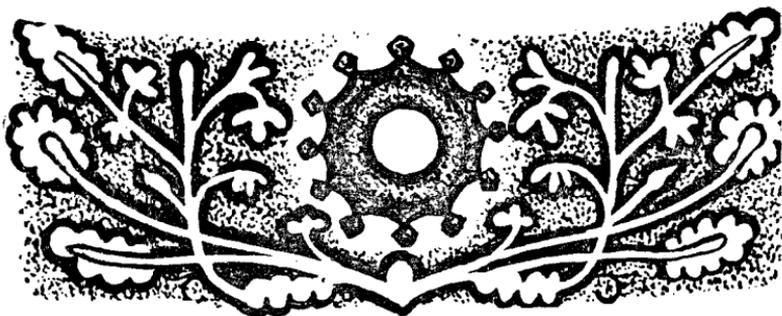
Тогда царь вызывает стражу конвойную. Приходит стража и забирает принца.

— Отвести его во чистое поле, привязать к трем жеребцам, чтобы растащили по чисту полю.

А со своими сыновьями поехал к жене. Привез жену в свое царство. Стали жить они с женой и детьми до глубокой старости.

На том она и кончилась.

ПРО КОКА-МАСТЕРА

некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, была небольшая деревенька. В пей жил крестьянин со своей женой. У него был один сын.

Стали они немолоды. Стали совстовать им люди сына выучить какому-нибудь мастерству.

— Сын станет мастеровым человеком, вас, — говорят, — кормить будет при старости лет.

Недалеко от них славился Кок-мастер. Они и ршили свезти сына к этому Коку-мастеру в учение.

Вот отец сына и повез. А ехать надо было на лодке. Свез. Кок-мастер его принял, но только на три года.

— Через три года, дедушка, — говорит Кок-мастер, — я твоего сына выучу.

Отец сына сдал, а сам уехал домой.

Три гола прошло, отец приезжает за сыном на лодке, в летнее время. Встал к одному хозяину на квартиру. А сын-то узнал, что отец приехал, и прибежал к нему. С отцом поздоровались, он отцу и говорит:

— Вот что, папа: просто так меня Кок-мастер не отдаст тебе. В завтрашний день выпустит он нас на поле двенадцатью жеребцами. Мы будем бегать, бегать. Потом встанем в ряд, как он скомандует. Все в один

рост, в один волос. Он скажет: «Выбирай сына». А я немного копытце приподниму. Ты смотри подойди, ударь меня и скажи: «Вот мой сын».

Поутру приходит старичок за сыном к Кок-мастеру. Кок-мастер говорит:

— Что, дедушка, за сыном приехал?

— Да,— говорит,— за сынком.

— Так вот: я выпущу двенадцать жеребцов в поле. Все в один рост, в один волос. Узнаешь сына — получишь, а нет — так и не получишь.

Кок-мастер выпустил двенадцать жеребцов в поле. Все в один волос, в один рост. Они бегали, бегали по полю, Кок-мастер командует:

— Стать в шеренгу.

Они и встали.

Кок-мастер говорит:

— Вот, старичок, узнай сына, не узнаешь, не получишь.

Старичок раз обошел, другой раз обошел жеребцов, третий пошел — смотрит, сын копытце приподнял. Он хлопнул его:

— Вот, Кок-мастер, мой сын,— говорит.

Хорошо, дедушка! Завтра я выпущу двенадцать девиц в поле. Все одинаковы лицом, одинаковы красой, одинаковы платьем. Узнаешь сына — получишь, а нет — так и не получишь.

Старичку стало невесело — дело кончено! Пошел на квартиру к своему хозяину. Приходит к хозяину, а сын следом прибегает.

— Вот,— говорит,— папа, завтра нас Кок-мастер двенадцатью девицами в поле выпустит. Одинаковы ростом, одинаковы волосом, одинаковы красой, одинаковы платьем. Ты гляди, я кусочек платка из-под правого рукава высушу — гляди быстрее.

Вот старичок почку переночевал, поутру встал, к Кок-мастеру приходит.

— Ну, Кок-мастер, давай моего сына.

Кок-мастер и говорит:

— Я двенадцать девиц на поле выпущу, они встанут в ряд — узнавай.

Кок-мастер выпустил двенадцать девиц в поле. Волос одинаков, рост одинаков, лица одинаковы, платья одинаковы — все подобрано одно к одному.

Вот они по чистому полю погуляли, Кок-мастер командовал:

— Встать в шеренгу всем!

Они и встали.

Кок-мастер и говорит:

— Ну, дедушка, узнавай, кто твой сын, узнаешь — получишь, а не узнаешь — не получишь.

Старичок раз обошел, другой раз обошел, третий раз идет, нагладил кончик платка из-под правого рукава. Подошел, по голове погладил:

— Вот, Кок-мастер, мой сын, — говорит.

— Хорошо! Приходи на завтрашний день. Я выпущу двенадцать лебедей. Все будут одинаковы ростом, одна к одной. Узнаешь, который твой сын, — получишь, а не узнаешь — не получишь.

Ну, старичок опять пошел невеселый к хозяину. Приходит к хозяину, не успел прийти, сын следом прибегает.

— Вот что, папа: завтра нас выпустят в поле двенадцатью лебедями. Мы полетаем, полетаем по полю, Кок-мастер командует: «Встать в шеренгу». Мы и встанем, все одинаковы ростом, одна к одной. Я кончик правого крыла опущу, так ты смотри по этому и узнавай.

Старичок опять ночью проспал, поутрушку встал, приходит к Коку-мастеру.

— Кок-мастер, давай моего сына!

А Кок-мастер выпустил двенадцать лебедей. Летали, летали по полю лебеди. Он командовал сесть им на поле. Потом командовал им стать в шеренгу, они все собрались, встали в шеренгу.

Кок-мастер и говорит:

— Ну, дедушка, узнавай! Узнаешь — получишь сына, а не узнаешь — так и не получишь!

Старичок раз обошел, другой обошел, третий пошел, смотрит — конец правого крыла опущен. Он подошел, по спине погладил и говорит Коку-мастеру:

— Вот мой сын!

— Хорошо, старичок, узнал, кто твой сын, так получай. Только ты не своими догадками получил.

Вот они с сыном пошли на квартиру. Чай попили, поели, с хозяином распростились, хозяина поблагодарили.

Пришли к Онегу¹ и собрались ехать через озеро. От берега отъехали. Ветерок повеял походный. Старичок сыну парус велел поднять. Сын стал парус поднимать, а Кок-мастер налетел лебедями на отвех² со своими учениками. Летают, летают и кричат все.

Старичок сыну и говорит:

— Ты, сынок, учился три года; выучился всяким языкам и птичьим и зверьим — узнай, что лебеди кричат там, над отвехом.

А сын и говорит:

— А-а, папа, не стоит говорить. Поедем.

Ну, а лебеди летают над отвехом, над ними, и кричат. Старик очень хотелось узнать, как сын выучился.

— Ну, сын, ты три года учился, должен понимать всякие языки. Что они кричат?

— Хорошо, папа, раз ты хочешь, я скажу. Они кричат: «Старичок, не вези сына, все равно сын — тебе не хлебы³. На старости лет сын будет ноги мыть, а ты будешь воду пить». Вот что лебеди кричат.

Старик, видно, был злой, схудоумился⁴, рассердился старик. Наверно, не подумал хорошенько, взял да и спихнул сына в Онего.

Сын ученый был, знал все, обернулся ершом. А Кок-мастер увидел, что старик сына спихнул, обернулся щукой.

Ерш вперед, а щука вслед. По Онегу и поплыли друг за другом. Приплыли к берегу, а у берега шельга⁵ была большая. В этой шельге небольшой зуб был, дыра такая. Ершу больше деться некуда, он туда заскочил да рупачи-то⁶ и выставил.

А щука попробовала, да матерая была, в этот зуб не входит. Вот и говорит щука:

— Ерш, повернись головой.

А ерш:

— Нет, — говорит, — щука, коли хочешь ерша, так ешь с хвоста.

¹ К Онежскому озеру.

² Верх мачты.

³ Не кормилец.

⁴ Обиделся, оскорбился.

⁵ Камни, валуны.

⁶ Колючие плавники ерша.

Вот так и стоят, шуке никак не взять ерша.

Стояли долго ли, коротко, шука задремала. А ерш в то время из зуба выскочил — да и был таков.

Шука прохватила — ерша нет. Не знает, куда ерш убежал. По воде — не бывать борозде.

Ерш приплыл к одному царству, к берегу. Видит — пристань. Обернулся перстнем. Царева служанка вышла за водой и видит, в воде перстень сияет. Да такой баской¹, дивный, как жар горит.

Она этот перстешок достала и на палец одела, а перстешок-то красивый!

Приходит во дворец, а у царя была дочь. Она стала этот перстешок у служанки просить. Ну, а служанка взяла перстешок да и отдала (царевой дочери как не отдать, взяла и отдала).

А этот-то перстешок днем перстешком, а ночью молодцом!

Прошло много ли, мало ли времени, уж я не знаю. Про этот перстень узнал Кок-мастер. Приезжает он к царю. Царь его принял, видно, слышал, что такой мастер хороший был.

Принял, наешил, накормил, наугащивал. Кок-мастер да царь разговорились, разбеседовались. Кок-мастер и говорит:

— Вот, царю тебе воля, у твоей дочери есть перстешок, незачем он твоей дочери, а мне он очень нужен.

Царь говорит:

— Я у дочери спрошу!

Спросил у дочери. Дочь не соглашается отдать перстенок. Кок-мастер все-таки просит усердно.

Ну вот, ночью дочь пошла спать. А этот перстешок обернулся молодцом и царевой дочери говорит:

— Волей-неволей, а отдать придется. А ты, — говорит, — вот что сделай. Вели отцу твоему, царю, собрать бал, а на бал пускай всех созовет князей, бояр. Поедут, попьют, потанцуют, повеселятся, Кок-мастер скажет: «Ну, царю тебе воля, давай перстень». Как будешь отдавать, с пальца сними меня да об пол и брось и скажи: «Перстень, не достанься ни мне, ни Коку-мастеру». А я рассыплюсь на жемчуг. Жемчужинка подкатится

¹ Красивый.

к тебе, ты наступи на нее башмачком. А Кок-мастер обернется петухом и этот жемчуг весь выклюет. Ты потом башмачок подними — увидишь сама, что будет.

Она так и говорит царю:

— Царь, ты мой батюшка, созови завтра бал и на бал пригласи всех князей, бояр, я на балу отдам перстень Коку-мастеру.

Так на балу и было.

Царь на бал всех созвал — князей, бояр. На балу пошили, поели, повеселились.

Кок-мастер и говорит:

— Ну, царю тебе воля, раз посулил, отдай же перстень.

А дочь с пальца перстень сдернула, бросила об пол и говорит:

— Не достанься перстень ни мне, ни Коку-мастеру!

А перстень рассыпался на жемчуг, одна жемчужина прикатилась к царевой дочери. Царева дочь наступила башмачком на жемчужинку.

Кок-мастер обернулся петухом и давай этот жемчуг клевать. Выклевал до одной жемчужины и закукарекал:

— Кукареку, победил неприятеля.

А царева дочь башмачок подняла: этот молодец обернулся ястребом и Кока-мастера растеребил, расклевал до смерти. Тем бал у них и кончился.

Молодец этот был красивый. Царь был немолодой. Царством ему не в силах управлять и поставил зятя царем на царство.

А отец и мать его жили да пожили, постарели. Хозяйство было небогатое, все пропили, проели — короушку, овец, может быть и лошадка была — и лошадку. В своем селе кормиться стало трудно, невозможно. Ну, вот они пошли кусочки собирать. Шли, шли и пришли в это царство, где их сын царем, а старик этого не знал, думал, что сына в Онеге потопил.

Приходят они к царю на двор, а этого старичка одолела жажда, так пить смертельно захотелось, а колодца близко не видит старик нигде. Тем временем царева служанка несла воду вылить в помойную яму.

— Дай мне, — говорит старик, — попить, смертельно пить хочу. Дай ты мне водушки напиться.

Она ему не дает:

— Что ты,— говорит,— царь ноги мыл, а ты пить пресишь!

А он стал просить:

— Будь ты так любезна, дай попить, а то хоть помирай!

Она согласилась и дала ему попить. Остатки вылила и приходит к царю:

— Вот,— говорит,— царю тебе воля, ты ноги мыл, а старик со старушкой во дворе так просили у меня пить, что не могла никак отговорить. Дала ему попить.

А царь и говорит:

— А поди-ка, приведи их сюда!

Они пришли. Старик испугался, говорит:

— Царю тебе воля, зачем меня требуешь?!

А он и говорит:

— Что, пана, не узнал меня?

Старик говорит:

— Нет, у меня сына нету.

— Я твой сын.

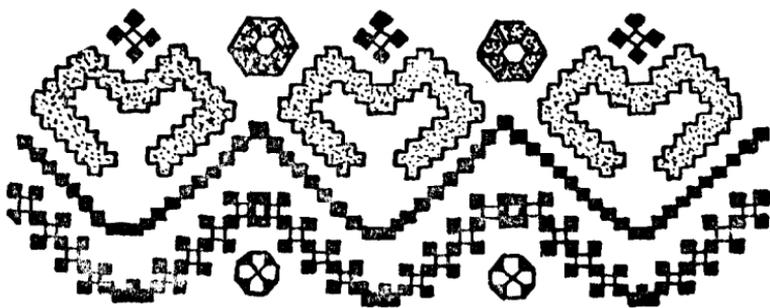
— Нет,— говорит,— у меня сына давно живого нету.

Царь говорит:

— Нет, есть, я твой сын. Помнишь, как ты меня от Кока-мастера вез, а лебеди над нами кричали? Ты спрашивал, я тебе и сказал, что я буду ноги мыть, а ты будешь воду пить. Больше не ходите кусочничать, переоденьтесь да и у меня живите, никуда я не пушу вас больше!

Так они и стали жить-поживать, лихо сбывать да добра наживать.

НЕБЫЛИЦА

дет барин на тройке. Ямщик сидит на козлах. Вытаскивает из-за пазухи медовые пряники. А у него туесок¹ с медом. Он пряники макает в мед и ест. Барин смотрит и говорит:

— Что ты, мужик, так роскошно кушаешь? Много, видно, наживаешь? Я—купец, а не позволяю себе есть медовые пряники с медом!

— Да я,— говорит,— барин, лгать мастер. Вот и держу пари. Если кто может выдержать, как я лгу, и не скажет: «Врешь»— тогда я проиграл. А если скажет: «Врешь»— тогда мне двадцать пять рублей.

— Если хочешь, будем пари держать.

— Если ты не скажешь, барин, что я вру, я тебе пять коней отдам.

Барин говорит:

— Начинай, врй!

— Вот у меня была лошадь, пегая. Со двора совсем не бегала. Сел я на ее верхом да и поехал в лес, а за поясом у меня был топоренко, да ей по хребтовой кости все ударял. Оглянувшись я назад, а зада у лошади нет, еду я на передке.

Барин говорит:

¹ Туго сплетенный берестяной кузовок с крышкой.

— Ври, брат, может, и правда.

— Я вернулся поискать. Приезжаю, а зад стоит, и из него громадная береза в небо концом выросла. Заинтересовало меня, я слез с передка, да давай на березу лезть. Лез, лез, земля даже потерялась.

— Ври, ври, может, и правда.

— Береза в небо прямо концом и уперлась, а я взял топор, да в небо дыру и прорубил, и влез на небо, и давай там ходить. И рай видел, и Исака, и Иакова, и Реваку с потомством. Скучно, дай я вернусь на землю.

— Ври, ври, может, и правда.

— Я ходил да и отправился к этой дыре. Прихожу березы нет, верно, лошадь траву щипала да и двинулась. Ну, что делать! Я нашел пень, снял кушак и давай веревку из кушака плести. Веревку длинную сплел, прикрепил ко пню и начал спускаться. Спускался, спускался,—земли не видать. Я веревку обрублю — да поднаставлю, обрублю — да поднаставлю.

— Ври, ври, может, и правда.

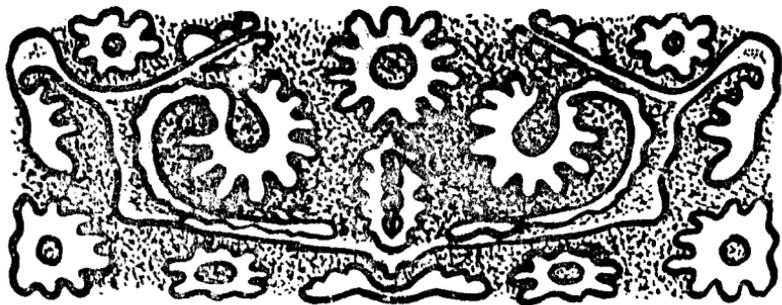
— Спускался, спускался, страшная буря поднялась, и начало меня таскать: и в Казань, и в Рязань, и в Астрахань. Упал я в ад, на самый зад. И там вашего папашу встретил. На нем черти поганую воду возят...

Барин и кричит:

— Врешь, сукин сын! Во-первых, он дворянин, а во-вторых, он еще жив.

— Вот,—говорит ящик,—теперь пожалуйста мне двадцать пять рублей! Оттого я живу да медовые пряники жую.

ДЕВУШКА В КОЛОДЦЕ

или были мужик да баба. А у бабы была падчерица. Она прыла у колодца да и уронила веретешко в воду. Домой идет, плачет. А мачеха и говорит:

— Чего плачешь?

— А я веретешко в воду уронила!

Ну, та ее и давай ругать, кричала, кричала и говорит:

— Ступай за веретешком, назад не возвращайся!

Девушка пошла да и бросилась в колодец. И попала на луг. Идет, идет, навстречу ей овцы:

— Девушка, подпашни¹ под нами, подмаши под нами, дадим тебе овечку с баранчиком.

Она подпахала под ними, убрала, они и говорят:

— Домой пойдешь — мы тебе отдадим.

Она поклонилась и пошла. Идет дальше — навстречу коровы:

— Девушка, подпашни под нами, подмаши под нами, дадим тебе корову с нетелью².

Она подпахала под ними, подмахала, они и говорят:

¹ Полмети, уברי.

² Ни разу не телившаяся корова.

— Спасибо, девушка, обратно пойдешь — долг не забудем.

Идет она лугом, долгим полем, навстречу ей жеребцы:

— Девушка, подпаши под нами, подмаши под нами.

Она и им все сделала. Они и говорят:

— Назад пойдешь, мы тебя не обидим!

Пошла она дальше и дошла до избушечки, к старику и старушечке. Тут ее веретешечко. Говорит ей старуха:

— Должна ты, девушка, веретешечко выкупить, верой-правдой нам год прослужить.

Она и давай служить. И так хорошо работала, что хозяева ее полюбили.

Три года она у них жила, на четвертый соскучилась:

— Отпустите меня, — просит хозяев, — домой к бабюшке.

Они ее и пустили. Много ей всего надавали, а как стала она через ворота выходить, так ее всю золотом обсыпало.

Пошла она домой, навстречу ей пастухи, дали коровку, да овечку, да жеребчика. Пошла она домой с добром и вся как есть золотая. Дошла до ворот, собачка гавкает:

— Наша дочь пришла, тяв, тяв, добра принесла. тяв, тяв!

А бабка кричит:

— Молчи, давно ее черти съели!

Тут она и входит, вся в золоте.

Узнал про это народ, и стали ее сватать. Она за крестьянина не пошла, за дядька не пошла, за барина не пошла, за дворянина не пошла, а посватал Иван-царевич, за него пошла.

Ух, бабка зла стала! Послала свою родную дочь в колодец, за веретенышком. Та прыгнула и упала. Встала и пошла. Идет, идет, навстречу овечки:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе овечку!

А она была грубая, злая и говорит:

— Вот какие! Не за тем я сюда попала, не за навозом пошла — за добром иду!

И идет. Шла, шла, навстречу коровы:

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами, дадим тебе нетелку.

— Не за тем пошла — за добром пошла.

И идет. Шла, шла, навстречу жеребцы.

— Девушка, девушка, подпаши под нами, подмаши под нами!

— Не для того иду — за золотом иду!

Пришла она к избушечке — к старику и старушечке.

— Отдайте, — говорит, — мое золотое веретенце! (А какое оно золотое! Просто деревянное.)

А старушка ей и говорит:

— Ты за веретенцо выслужи!

Ну, стала она служить, и все не ладно, все спорит, ленится да неряшится. Три дня прослужила, на четвертый домой просится. Они ее отпустили, дали ей корзину с добром, она и пошла. Дошла до ворот.

Дай, думает, в корзину посмотрю!

А из корзины жабы, да гады, да гнус¹ полез, всю ее облепили, а с ворот смола полилась, всю залила. Побежала она домой, прибежала до ворот, а собачка:

— Тяв, тяв, наша дочь во смоле пришла!

А бабка ей:

— Цыц, наша дочь в золоте придет!

Та вошла, вся в смоле. Мать к ней бросилась, прильнула к ней, так и пропали вместе.

¹ Таскная мошка.

ОДИН ЗОЛОТИЛ, ДРУГОЙ ВЫРЕЗАЛ

ил досюль¹ мужчина. У него было два сына. Жили они пожили, один все ходил золотил, а другой вырезал. Ходили, ходили, зашли в кабачок, выпили на пятачок и по-вздорили. Один говорит:

— Кабы я не вырезал — ничего твое золочение не стоило бы.

А второй говорит:

— Я бы не вызолотил, куда бы твоя резьба не нужна была.

Пришли они к царю спор разбирать. Царь им и говорит:

— Вот что, ребятки. Сделайте мне по диковинке, кто какую сможет, вот тогда я вас и судить буду.

Ушли они домой и думают: что бы такое сделать?

Первый брат сделал орел-самолет. Второй брат сделал утку с утятами. Приходят они к царю и дают свои обновки. Первый говорит:

— Вот, царь-батюшка, дай мне такое помещение, чтобы в нем свету не было, и налей воды в корыто.

Царь свел его в темную комнату и налил воды в корыто. Пустил этот молодец утку с утятами. Утушка

¹ Давным-давно.

плывет, яички поклевывает, утятки плавают, яички поклевывают. Сделалось сияние в комнате у царя, светлее, чем раньше, когда окна были открыты. Эта обновка царю очень понравилась.

Выходит второй брат:

— Вот, царь-батюшка, пойдем со мной на белый двор!

Вывел на белый двор и сложил орел-самолет. Полетал сам, потом посадил царя. Царю эта обновка еще больше понравилась. Слез он с орла-самолета и поблагодарил обоих братьев:

— Вот, ребята, работа ваша очень хороша, работайте вы вместе.

Братья ушли и стали работать вместе. А у царя был сын, очень был красивый и толковый. Следил он все за отцом, куда отец ходит и что делает.

Пришел домой и думает, как бы полетать ему. На второй день взял с собой слугу и пошел. Пришел в отцову комнату, сложил орел-самолет и полетел. Летал, летал да близко ли, далеко увидел какое-то большое сияние. И прилетел он домой обратно.

На второй день опять пошел. Пришел к отцу в комнату, сложил орел-самолет и наказал своему слуге:

— Час не буду — жди, два не буду — жди, а три не буду — домой поди!

Улетел в другое королевство и видит он большую палату, и нет в нее ни ходу и ни выхода. Вернулся домой, пошел к бабушке-задворенке и спрашивает:

— Бабушка, кто же в этом доме живет?

Она ему отвечает:

— Тут, дитяtko, сидит царь-девица. Ходили цыганки, одна цыганка гадала и сказала: «Хорошая у царя дочь, да шестнадцати лет родит». Царь на цыганку рассердился. Посадил цыганку в тюрьму, а дочь свою поместил в эту палату. И сказал царь цыганке: «Если моя дочь шестнадцатилетняя родит, тогда я тебя выпущу, а не родит шестнадцатилетняя, велю тебя казнить!»

Иван-царевич летает и все думает. Летал, летал, увидел под самой крышей окошко. Залетел туда и зашел в эту палату. Видит, Марья-царевна спит. Лицом бела, волосом черна, из жилочки в жилочку кровь переливается. Не мог стерпеть Иван-царевич, поцеловал ее сонную.

Марья-царевна со сна вскочила, ужаснулась:

— Ах, Иван-царевич, как же попал в мою палату?

С той поры часто стал бывать у нее Иван-царевич. Попьют они, повеселятся, и попоют песен, да поплачут.

Слуги услышали, отцу и матери доносили:

— В дочерней палате кто-то поет песни на два голоса.

Царь идет грозный и сердитый, замки все с горести ломает, к дочери в комнату ворвался. В то время Иван-царевич сложил свой орел-самолет и улетел, а царь дочь ругает, со злости даже ударил:

— Ах ты, невежая¹ сила! Построена тебе этакая палата и то ты недовольна. Кто у тебя поет песни на два голоса?

Дочь в слезах ему сказала:

— Батюшка, ты царь, а ум твой детский. Хороший твой дом, а мне хуже темницы. Я в день сто раз попою и поплачу, послушать — подумаешь, не два голоса, а двенадцать.

Пошел царь домой и слугам наказывает:

— Что ни услышите, мне больше не доносите.

Слуги после этого много видели и слышали, ничего царю не говорили.

Полетал Иван-царевич, пришло время — надо ему домой возвращаться. Марья-царевна его никак не отпускает. Говорит ему:

— Обожди, Иван-царевич, когда родится сын или дочка, возьмешь ты его на волю!

Послушал ее Иван-царевич, дождался сына. Родила Марья-царевна шестнадцатилетняя.

Иван-царевич увез сына, отдал бабушке-задворенке, той, у которой жил все время. Оставил ей денег сколько надо, а сыну — маленькую шкатулку. Сам улетел в свое царство, позабыл про Марью-царевну.

А сын их растет не по часам, а по минутам. Выходит на улицу, ребята его все дразнят. Пришел домой и задумался, говорит бабушке-задворенке:

— Бабушка-задворенка, где мой батюшка да где моя матушка?

Бабушка и говорит:

¹ Невежливая, неблагодарная.

— Недалеко твоя матушка, а тебе ее не видать, а ба-
тюшка далеко, может быть, и увидишь.

Стал мальчик прощаться:

— Пойду я, бабушка, отца искать!

Бабушка отправляет его и дает ему сундучок, кото-
рый остался ему от отца, и наказывает:

— Дитятко, батюшка не велел тебе открывать сунду-
чок до своей смерти!

Он так и делал. Носил сундучок, но не откры-
вал его.

Приходит он в то царство, где его отец был, и посту-
пил в одну лавку приказчиком.

А батюшка его про матушку забыл совсем, посва-
тался к другой королевне. У этой королевны были при-
слуги. Пошли они в ту лавку, где был Иван-царский сын
приказчиком. Весь день они на него смотрели, забыли,
что и купить наказано (такой он был красивый). При-
шли домой и говорят:

— Матушка-сударыня, весь день мы в той лавке про-
стояли у одного приказчика. Настолько он красивый,
что мы забыли купить, что вы и велели.

Захотелось и королевне этого продавца увидеть. Вот
она говорит своим служанкам:

— Завтра пойдете и меня возьмите.

На второй день пошли слуги в лавку, пошла с ними
и королевна. Приходит в лавочку, берет на сотню руб-
лей, берет на две и не рассчитывается.

Продавец говорит ей:

— Матушка-сударыня, у меня товар не свой; берете,
так надо рассчитаться!

Она ему отвечает:

— Приходи вечером, приказчик, ко мне, я с тобой
рассчитаюсь.

Пришел к ней приказчик, она ему и говорит:

— Вот, приказчик, один вечер приходи ты ко мне,
а второй буду я к тебе.

Пришла она к нему на вечер, а на второй надо ему
пойти. И вдруг пришел к нему старичок и просится
к ночи, а царевич не мог отказать, пустил его к ночи.
Вдруг приходит к нему царевна:

— Ты что, приказчик, разве забыл? Я к тебе при-
ходила, а ты ко мне ни разу не пришел.

Он ей отвечает:

— Матушка-сударыня, виноват я в этом деле, пустил чужого человека к ночи.

Вот они с ней попили, погуляли. На второй день дал приказчик старичку деньги и наказал:

— Дедушка, вот тебе деньги, а что видел-слышал, никому не говори!

Этот старичок зашел в кабачок, выпил на пятак и порасхвастался. Сказывают там:

— Где старик берет деньги?

— А берем,— говорит,— да знаем, где взять.

Ну, и сказал. Что сказал, разнеслось и до царя дошло. Он приказал палачам:

— Вот, палачи, завтра этого приказчика схватите и повесьте!

Приказал им:

— Первый раз по балкону пройду — подвести к висельнице, а второй по балкону пройду — платье раздеть, платочком махну — петлю накинуть. Третий раз по балкону пройду — повесить!

Приказчик, когда узнал об этом, воротился домой, взял сундучок, который отец велел ему не открывать до самой смерти. Открыл — в этом сундучке платье: кто это платье оденет — того не казнить и не вешать!

Тогда он свое платье снял и надел платье из сундука. Привели его к висельнице. Царь раз прошел — они его к висельнице не подводят, другой раз прошел и платком махнул — петлю не накидывают. Он и закричал:

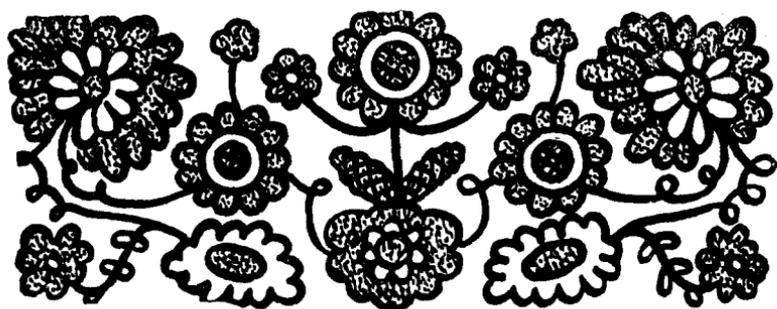
— Что вы, палачи, слова моего не слушаетесь?

Они ему отвечали:

— Вот что, батюшка, на нем такое платье одето, что ни казнить, ни вешать нельзя, пойди посмотри сам.

Царь пришел, посмотрел и сына узнал. Вспомнил о Марье-царевне, сыграли они две свадьбы, сын и отец, и жили долго и счастливо.

ПЕЧОНОЧКА

или-были старик и старушка. А детей у них не было. Вот старушка и говорит:

— Старик, а старик, брось хворостину в печь!

Бросил старик хворостину в печь, а там зарычало, зафырчало тонким голосом. Открыла бабка печь, а там девочка — Печоночка. Стала она бабе, деду за дочку.

Пошла Печоночка в лес с подругами. Подруги от нее убежали. Забрела Печоночка в лес, нашла хатку, а в той хатке медведь лежит в люльке.

— Девочка, девочка, покачай меня!

Стала Печоночка его качать:

— Баю-бай, Мишенька, спи, одним глазком смотри! Один глаз у медведя спит, другой смотрит.

— Мишенька, отпусти меня на улицу в шенки поиграть!

Пошла Печоночка на улицу. Вдруг дедушкины да бабушкины овечки бегут:

— Печоночка, садись на нас, мы тебя к бабушке отвезем.

Девочка выбрала самую лучшую овечку, да и побежали. Медведь выскочил и отнял Печоночку.

Стала Печоночка его качать:

— Баю-бай, спи, Мишенька, засыпай, одним глазком

смотри. Мишенька, пусти меня на улицу в бабки поиграть!

Пошла Печоночка.

Вдруг бабушкины да дедушкины коровы бегут:

— Садись скорей, Печоночка, мы тебя к бабушке отвезем.

Села Печоночка, и побежали. А медведь одним глазом смотрит. Выскочил и отнял Печоночку.

Сидит Печоночка плачет, медведя качает:

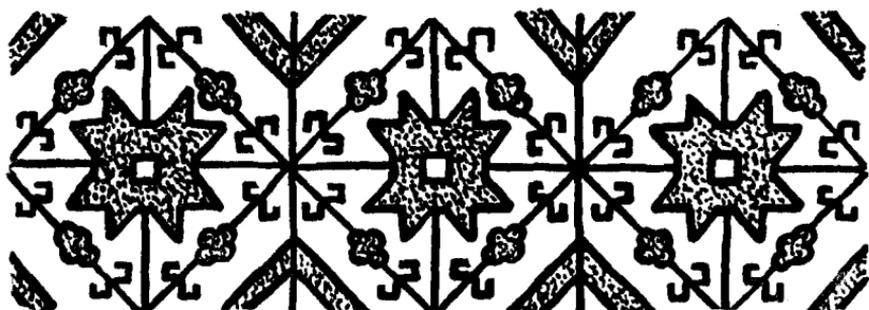
— Спи, Мишенька, баю-бай, оба глаза закрывай!

Медведь и заснул на оба глаза. Вышла Печоночка на улицу. Бабушкины да дедушкины кони бегут.

— Садись скорее, Печоночка, мы тебя к бабушке отвезем.

Села Печоночка, и побежали. А медведь спит, не видит. Так и приехала Печоночка домой.

КАК МУЖИК И РАБОЧИЙ ПРАВДУ ИСКАЛИ

дет мужик путем-дорогою, встречается с рабочим и спрашивает:

- Куда ты идешь?
- Да я иду правду искать.
- Возьми меня с собой!

— Ну, пойдём.

Они пошли. Заходят они к помещику:

— Барин, скажи нам, где правда есть на свете?

Он и говорит им:

— Поработайте у меня и правду увидите!

Они стали работать у барина. Поработали несколько дней. Встречают барина и спрашивают:

— Барин, ты сказал — правду нам покажешь! Мы три дня поработали, правду захотели узнать.

— У меня работают по три года люди, а правды не видали. А вам правду указать, так вы тогда не будете и спать. Вас много мужиков, а я один. Работайте, пока хлеба дают вам.

Они друг другу сказали:

— Вот и правду нашли! Он свою шкуру спасает да мужиков обижает. Верно люди сказывали, что помещики дерут с нас кожу. А мы хоть с картошки подерем (раз есть нечего). Пойдем-ка, товарищ, отсюда. Неужели мы не найдем правды!

Пошли они дальше. Стоит фабрика.

— У помещика были, правды не нашли, давай зайдем сюда, может быть, тут правда есть.

Приходят они к фабриканту в контору и спрашивают:

— Барин, скажи нам, где правда есть на свете?

— Ну, поработайте у меня — правду узнаете!

Направил он их на фабрику, на работу. Работают они день, работают два. Работа тяжелая. Тяжелее, чем у помещика. Ну, даже приходилось им по два раза рубашки менять и другие одевать, а на этих рубашках чуть не соль выходит.

Тут является фабрикант. Они подошли к фабриканту и говорят:

— Барин, ты сказал, что скажешь правду!

Он им отвечает:

— Люди у меня работают по пять лет, а не спрашивали, где правда есть, а вы поработали три дня, да и хотите правду узнать. Тогда, видно, нам некогда будет спать, если вам всю правду сказать.

— Так вот, барин, дай расчет нам!

— Пожалуйста, приходите. Я вижу, что делать нечего с вами.

Они взяли расчет, идут путем-дорогою и говорят друг с другом:

— Работали мы у фабриканта, работали у помещика — правды не нашли. Верно люди сказывали, что фабриканты и помещики дерут с нас кожу. А мы хоть с картошки подерем. Пойдем мы до царя теперь.

Приходят они в Петроград. В Петрограде спрашивают:

— Как нам дойти до царя, узнать правду, какая есть на свете?

Тут и сказывают им:

— Откуда пришли — туда и идите, а казацких плетей не ищите!

А они говорят:

— Все-таки пойдем!

Вот приходят ко двору. Стоит стража.

— Вам куда?

— Нельзя ли нам пройти к царю-батюшке, правду узнать?

— Не такие приходили, да назад уходили, а вам и взять нечего! Как ушей своих вам не видать, так и царя-батюшки!

Взяли их и пихнули, плеткой подстегнули. И они пошли дальше.

— Вот тебе и правда царская! Верно люди сказывали, что фабриканты, помещики да цари дерут с нас кожу. А мы хоть с картошки подерем.

Идут, а рабочий сказывает:

— Не может быть, что не найдем правды! Есть она на свете, правда!

Вот и идут они путем-дорогой. Дорога была лесная. Выходят на полянку. На полянке под лесом стоит шатер из елок собранный, от дождя скрываться.

— Давай, зайдем!

Заходят они туда. Тут сидит лысый мужичок, не очень старый и немолодой — лет тридцати пяти. Они и говорят:

— Здравствуй, товарищ!

Он отвечает:

— Здравствуйте!

— Не знаешь ты, где на свете правда есть?

Он усмехнулся:

— А вы что — правду ищите?

— Да!

— Ну так вот! Посидите и покурите, я вам правду скажу. Они сели, покурили. Он и сказывает им:

— Правду не искать надо, а добиваться. Правда в наших руках. Только не жалейте себя. Собьем царя, собьем помещиков и фабрикантов, тогда до правды и доберемся. Ну вот, собирайтесь в путь-дорогу!

Лысый мужичок ведет их до Петрограда и говорит им:

— Вы на заводы идите, работайте и добывайте правду. Будьте с народом и рассказывайте всем, что правда в наших руках.

И отправился дальше.

Они на фабриках, на заводах стали рассказывать рабочим, что правда в наших руках. Стал народ прислушиваться, и сказывают им:

— И мы пойдем с вами правды добиваться!

И пошли. Царя сбили и фабрикантов сбили. Ну и помещиков. И видят — на трибуне стоит лысый человек и речь держит. Они и сказали:

— Вот наш учитель здесь, вот наша правда здесь!
С тех пор и пошла Ленинская правда по земле.

СМЕРТЬ ЧАПАЕВА

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил-был крестьянин. Звали его Иваном. И было у него трое детей. Старшего звали тоже Иваном, среднего — Петром, а младшего — Василием.

Жили они очень бедно, не имели своих ловушек на зверя и посудыны, на которой выезжают рыбу ловить.

И вот идет крестьянин Иван жил, жил и так бедняком и помер.

Осталась вдова с детьми. А когда выросли дети, случилась война. Старших сыновей забрали на войну, остался с матерью младший — Василий. А потом и ему пришла очередь на войну идти. Всех тогда брали поголовно. Распростился Василий с матерью и отправился на войну. И осталась мать одна-одинешенька.

Вот идет Василий по деревне. А жила тут недалеко его тетка, материна сестра. И он думает: «Дай зайду к тетке, прошусь, может, и не вернусь с войны».

Зашел.

— Здравствуй, тетка!

— Здравствуй, здравствуй, племянник! Куда идешь?

— Да вот, тетушка, на войну надо идти. Старшие братья уже воюют, ну, и мне приходится.

Она ему и говорит:

— Слушай, племянник. Дам я тебе кольцо. Это кольцо у меня от мужа осталось. Принес он кольцо с турецкой войны, и в этом кольце такая волшебная сила, что никакая тебя пуля не возьмет, никакой меч не посечет. А действовать кольцо будет только на суше, а уж на воде сила у него слабеет,— это хорошенько запомни.

Поблагодарил Василий тетку за кольцо, попрощался и пошел дальше. Вот пришел он на призыв и стал тут обучаться военному делу. И так он быстро выучился, и так был силен да умен, что сразу пошел на войну, и никакая сила его в боях не брала.

Прослужил он на войне три года, а когда война уничтожилась и стала советская власть, приехал Василий Иванович домой. А кроме него, никто из братьев не вернулся. Братьев убили на войне.

Пожил Василий Иванович немного дома, а потом задумал жениться. Взял он из своей деревни у бедного крестьянина дочку, сыграли свадьбу. И стал Василий Иванович жить со своей женой. А через некоторое время, через год там или два, родилось у них двое детей.

Прослышал однажды Василий Иванович, что задумали генералы уничтожить советскую власть, а вместо нее свою утвердить. Обидно стало тут Василию Ивановичу, что погибнет весь трудовой народ. Подумал Василий Иванович и решил: «Лучше я еще раз пойду на войну, а уж не дам погибнуть своей родине!»

И говорит он своей матери:

— Ну, маменька родимая! Пойду я защищать власть советскую!

Говорит ему мать со слезами:

— Было у меня три сына, остался ты один. И тебе придется голову сложить, коль пойдешь второй раз на войну.

— Нет, мать,— говорит,— я пойду! Если умру, не оставь ты моих малых деточек.

Распростился он с матерью и с женой, оседлал своего вороного коня и поехал в Красную Армию.

Приезжает он в войска советские, к красным командирам, поклонился и говорит:

— Здравствуйте, красные командиры советские! Хочу служить в Красной Армии, хочу помочь своей родине, хочу Колчака с Деникиным прогнать, чтобы трудовой народ освободить.

Командиры и говорят:

— Здравствуй, молодец! А кто ты такой есть? Как твою фамилия?

— Есть я из такой-то деревни, зовут меня Василий Иванович, а фамилия — Чапаев.

И сделали Чапаева командиром в Красной Армии.

И подошел тут вскоре бой кровавый. Вскочил тогда Чапаев на коня и на неприятеля бросился. Начал он бить, как траву косить, колчаковичей и денкинцев шесть часов подряд бил, и мечом рубил, и копьём колол, из нагана стрелял. И все поле было усеяно телами. Колчак не удержался и убежал с остальным своим войском подальше.

А Красной Армии солдаты стали про Чапаева говорить:

— Вот это командир! Мы с Чапаевым куда хочешь пойдём!

Не прошло и недели, как Колчак собрал в два раза больше войска и пошел опять на Красную Армию. Вскочил Чапаев на своего коня и начал врагов жестоко бить, мечом рубить, копьём колоть. И бил он их целые сутки. Больше половины колчаковичей убили, кого в плен взяли, а сам Колчак еле-еле успел удрать.

После боя отдохнули маленько, поели, попили. И пошел Чапаев к товарищу Фрунзе.

Фрунзе ему и говорит:

— Ну, Чапай, молодой герой! Даю теперь тебе целую армию, чтоб совсем Колчака добить. Он опять войска набирает.

Вот пошел Чапаев со своей армией к реке Белой. И расположил он свои войска у одной деревни, а где колчаковичи находятся, он не знает. Надо во что бы то ни стало узнать, где штаб Колчака. Вот и говорит Чапаев своей армии:

— А что, ребятки, кто поедет со мной на вылазку?

Ну, много, понятно, идти с ним вызвалось: он отбрал там человек пятьдесят или, может, сто, и поехали. А уж дело шло к вечеру. И встречают они по дороге одну женщину.

— Эй, тетка, куда идешь?

— Иду, командир, проведать мужа своего в Красную Армию, да сбилась с пути, голодна. Иду вторые сутки, не знаю, куда и попаду.

— Ну, пойдем, тетка, мы тебя накормим.

Приказал Чапаев взять ее с собой и накормить. Вот идет она с ними. А эту женщину послал Колчак шпионкой. Но Чапаев об этом ничего не знал.

И вот доехали до одной деревни. А деревня как раз на берегу реки Белой стояла. Мужики и рассказали, где колчаковичи стоят: недалеко за лесом, верст с десяток будет. Василий Иванович и говорит:

— Значит так, ребята: ночуем здесь, раз уж ночь нас застала, а утром пойдем за своей армией.

Расположил Чапаев посты, а сам стал на отдых.

Заснули все, и Василий Иванович заснул, только один караул остался стоять.

А женщина не спит, дожидается. Дождалась, что Чапаев уснул, и — скорей к Колчаку. Прибежала и рассказала, где Чапаев стоит и что главного войска с ним нет. Колчак обрадовался и дает приказ своим генералам: «Поймать Чапаева живого или мертвого!»

Собрали генералы свои войска и окружили Чапаева с трех сторон. Сняли посты и в ночную пору, когда спал Василий Иванович крепким сном, напали на чапаевцев.

Вскочил тут Чапаев, закричал:

— Вставайте, ребята! Измена!

Ну, чего говорить: их, может, там сотня и была — не больше, а колчаковичей тьму нагнали. Красные в избах держатся, отстреливаются, к себе не допускают. А уж патронов совсем мало осталось. И дает тогда Чапаев такой приказ:

— Бегите, ребята, к речке, тут нам не прорваться. А за рекой войско наше близко, опять на Колчака пойдем.

Кинулись чапаевцы через реку. Увидал Колчак, что красные к реке бросились, кричит своим генералам:

— Не давай переходить! Стреляй что есть силы! А то нам всем живыми не быть, если Чапаев вырвется.

Колчаковичи пулемет повернули и давай палить. Долго плыл Василий Иванович, а потом его в руку ранило (на воде уж кольцо не действовало). Только он все равно не переставал плыть. Кругом стреляют. Много тогда красных положили. Колчак все кричит:

— Добивай Чапая, чтоб он не перебрался! Стреляй по нему по одному!

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода его голову. Тут Василий Иванович Чапаев и утонул. А уж

недалеко был от берега, и красное войско шло на под-
могу...

Ударили красные на колчаковичей и деникинцев, раз-
били их наголову и прогнали с советской земли.

Прославился Василий Иванович, по прозвищу
Чапаев. Почитают его по всей нашей земле.

КАК МАРЬЯ С ИВАНОМ СРАВНЯЛАСЬ

Работал Иван на фабрике, и Марья работала. Иван получал жалованье, а Марья поменьше. Иван грамоту знал немного.

Приходят они домой. Иван выпил, а Марья стала с ним спорить. Он Марье и говорит:

— Ты что споришь? Я ж больше тебя получаю.

Она говорит:

— Хотя ты больше получаешь, да я такая, как и ты, мы ровни с тобой!

Он и говорит:

— Как же мы ровни? Ты должна же подчиняться мне!

— Почему?

— А ты не слыхала, когда поп нас венчал с тобой, говорил, что жена мужу должна подчиняться.

Она и говорит:

— Так пойдем к попу!

Они пошли к попу и спрашивают у попа:

— Батюшка, рассуди нас!

Он и спрашивает:

— Что, Иван?

— Батюшка, скажи нам, кто кому подчиняется?

Батюшка берет евангелие и говорит:

— Видишь, даже в евангелие сказано, что жена своему мужу должна подчиняться.

А Марья говорит:

— Неправда, батюшка! И я такая же, как и он,— человек!

Ну, и пошли. Марья и говорит:

— А пойдем-ка мы к своему фабриканту!

Приходят к своему фабриканту. Марья и говорит:

— Барин, рассуди нас! Вот Иван рассказывает, я должна подчиняться ему.

А фабрикант рассказывает:

— Вы у попа были?

— Были.

— Ну, что же вам поп сказал?

— Поп сказал, что жена мужу подчиняется.

— Ну, так и я скажу, что должна подчиняться.

Пошли они домой.

Тут перемена произошла, другой пошел закон. Царя убрали, фабрикантов согнали, да и попам хвост прижали. Марья и сказала:

— Вот теперь, пожалуй, я ровня с тобой буду!

А Иван все не сдастся.

Марья и говорит:

— Пойдем-ка мы в Москву к Ленину, пусть он рассудит!

И пошли. Ленин их пропустил и спрашивает:

— С чем пришли?

Марья и рассказывает:

— Вот живу я с Иваном много лет. Иван говорит, что я ничего не стою.

А Ленин рассказывает:

— Иван — человек и ты такая же. Вы ровные оба!

А Иван говорит:

— Какая же она ровня со мной: я все-таки грамоте умю, а она не умеет.

Ленин усмехнулся и говорит:

— Да ты оставь мне ее, и она научится грамоте.

Иван оставил. Ленин дал учителей ей. Через некоторое время и Марья научилась читать и писать. Тогда Ленин призывает Ивана:

— Ну-ка, смотри, Иван! Вот и Марья твоя умеет читать и писать, как и ты. Теперь вы одинаковые: что Марья, то и Иван.

А Иван все не сдастся и говорит:

— Я могу на тракторе ездить!

А Ленин:

— И она сможет.

Оставляет Ленин Марью опять у себя.

Опять стала Марья учиться. И на тракторе Марья посхала. Ленин опять Ивана призывает:

— Смотри-ка, вот твоя Марья уже на тракторе ездит!

А Иван все не сдаётся:

— Ну вот, она на тракторе ездит, а я могу на самолете летать. А она не может.

Ленин опять усмехнулся и говорит Ивану:

— Через некоторое время и она на самолете полетит. Если она скоро научилась грамоте и научилась на тракторе работать, то она сумеет и на аэроплане полететь.

Ленин оставляет Марью опять у себя.

Через некоторое время и Марья научилась по воздуху летать. Ленин третий раз призывает Ивана опять к себе и рассказывает:

— Ну-ка, Иван, посмотри-ка на свою Марью!

И сказал Марье:

— Садись на аэроплан и посади Ивана своего!

Они сели, завели аэроплан, и Марья полетела.

Вернулись назад, опустились и идут к Ленину. Тогда Иван и говорит Ленину:

— Правду ты сказал, что все мы равные: что баба, что мужик.

СБОРНИКИ РУССКИХ СКАЗОК КАРЕЛИИ

1. Северные сказки. (Архангельская и Олонецкая губ.). Сборник Н. Е. Ончукова. СПб. 1909, XLVIII + 634 стр.

2. Коренной П. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1919, 69 стр. (Отдел народного образования при Олонецком губ. исп. ком. крестьянских и рабочих депутатов).

3. Сказки и предания Северного края. Запись, вступительная статья и коммент. И. В. Карнауховой, предисл. Ю. М. Соколова. М., Akademia, 1934. 446 стр. с илл.

4. Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937. 320 стр. (Карельский науч.-исслед. ин-т культуры).

5. Сказки Карельского Беломорья. Т. I. Сказки М. М. Коргуева. Кн. 1—2. Петрозаводск, Каргосиздат, 1939. (Карельский науч.-исслед. ин-т культуры).

Т. I. Сказки М. М. Коргуева. Кн. I. Записи, вступительная статья и коммент. А. Н. Нечаева. Предисл. М. К. Азадовского. LXI + 659 стр.

Т. II. То же. Кн. 2. Записи и примеч. А. Н. Нечаева. Статьи о языке М. М. Коргуева и словарные пояснения проф. Б. А. Ларина. 676 стр.

6. Сказки Ф. П. Господарева. Запись текста, вступительная статья и примеч. Н. В. Новикова. Общ. ред. и предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, Госиздат КФССР, 1941. 665 стр. (Науч.-исслед. ин-т культуры КФССР).

7. Русские сказки в Карелии. (Старые записи). Подготовка текстов, статья и коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, Госиздат КФССР, 1947. 246 стр. (Науч.-исслед. ин-т культуры КФССР. Б-ка русского фольклора Карелии. Под ред. А. Астаховой и В. Базанова).

ПРИМЕЧАНИЯ

«Иван-дурак и перстенок — двенадцать ставешков». Записана А. В. Беловановой от Ф. Ф. Кабренова (г. Пудож, Пудожского р-на, КАССР) в 1948 г. Публикуется впервые.

«Нужда да горе» Записана Е. А. Беловановой от И. П. Савинковой (д. Семеново, Пудожского р-на, КАССР) в 1938 г. Публикуется впервые.

«Строй». Записана А. Н. Антиповой от А. М. Пашковой (Петрозаводск; родом из Пудожского р-на, КАССР) в 1937 г. Публикуется впервые.

«Про попа». Записана А. В. Беловановой от Ф. М. Ефимова (д. Ранняя Гора, Пудожского р-на, КАССР) в 1946 г. Публикуется впервые.

«Про Нестера». Записана А. В. Беловановой от Ф. Ф. Кабренова (г. Пудож, Пудожского р-на, КАССР) в 1948 г. Публикуется впервые.

«Страх-богатырь». Записана А. В. Беловановой от Ф. Ф. Кабренова (г. Пудож, Пудожского р-на, КАССР) в 1948 г. Публикуется впервые.

«Про одного солдата». Записана А. В. Беловановой от Ф. Ф. Кабренова (г. Пудож, Пудожского р-на, КАССР) в 1948 г. Публикуется впервые.

«Охотник». Записана Н. Н. Алексеевым от Я. В. Никитина (д. Новизма, Пудожского р-на, КАССР) в 1938 г. Публикуется впервые.

«Про Ериша Ершовича». Записана от Ф. А. Конашкова (д. Семеново, Пудожского р-на, КАССР). Опубликовано в альманахе «Карелия», кн. 1. Петрозаводск, 1939, стр. 115.

«Иван-княженецкий сын». Записана Е. А. Беловановой от И. П. Савинковой (д. Семеново, Пудожского р-на, КАССР) в 1938 г. Публикуется впервые.

«Горюшко». Записана И. В. Карнауховой от М. В. Rogozinoy (д. Дергузово, Заонежского р-на, КАССР) в 1926—1929 гг. Опубликовано в сб. «Сказки и предания Северного края». Изд. Academia, М. — Л., 1934, № 17.

«**Андрей-стрелен**». Записана А. Н. Нечаевым от М. М. Коргуеза (с. Кереть, Лоухского р-на, КАССР) в 1937 г. Опубликовано в сб. «Сказки Карельского Беломорья». Т. 1, 1939, № 2.

«**Шут Гаврила**». Записана И. Цейтлинным от У. Е. Базаровой (с. Сумский Посад, Беломорского р-на, КАССР) в 1908 г. Опубликовано в сб. И. Цейтлина «Поморские народные сказки», («Известия Архангельского общества изучения русского Севера», 1911, № 2 и 3).

«**Наплот-молодец**». Записана И. М. Колесницкой и М. А. Шнейерсон от Н. Д. Клевина (с. Сумский Посад, Беломорского р-на, КАССР) в 1939 г. Публикуется впервые.

«**Об Алеше Голопузом**». Место записи, имена сказочника и собирателя неизвестны. Опубликовано в сб. «Песни, собранные П. П. Рыбниковым». Т. III. СПб., 1867, стр. 209—215 с пометкой: «Сообщено г. Барсовым».

«**О солдате и смерти**». Записана Н. Нименским в 60-е гг. XIX в. в б. Каргопольском уезде, Олонецкой губ. Исполнитель неизвестен. Опубликовано в сб. «Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым». Т. II. М., 1882, стр. 295—302.

«**Старик и соколицы**». Записана И. В. Карнауховой от П. Я. Белкова (д. Пefeldово, Заонежского р-на, КАССР) в 1926—1929 гг. Опубликовано в сб. «Сказки и предания Северного края». Изд. Academia, М. — Л., 1934, № 13.

«**Про Улигу да Микиту**». Записана А. В. Беловановой от Ф. М. Ефимова (д. Раина Горы, Пудожского р-на, КАССР) в 1946 г. Публикуется впервые.

«**Заколдованное царство**». Записана И. М. Колесницкой и М. А. Шнейерсон от П. Я. Никонова (д. Сухонаволоцкая, Беломорского р-на, КАССР) в 1939 г. Публикуется впервые.

«**Барин и плотник**». Записана Н. Е. Ончуковым от неизвестного сказочника в г. Повенец КАССР в 1903—1904 гг. Опубликовано в сб. Н. Е. Ончукова «Северные сказки». СПб., 1908, № 113.

«**Что дальше слышно?**» Записана Д. Георгиевским в д. Муромской, Пудожского р-на, КАССР, в 1890 г. Исполнитель неизвестен. Опубликовано в сб. Н. Е. Ончукова «Северные сказки», СПб., 1909, № 163.

«**Петух, кот, свинья, баран и бык**». Записана Д. Георгиевским в д. Муромской, Пудожского р-на, КАССР в 1890 г. Исполнитель неизвестен. Опубликовано в сб. Н. Е. Ончукова «Северные сказки». СПб., 1909, № 149.

«**Купеческий сын и соловей**». Записана А. А. Шахматовым в д. Палтеге, Кондопожского р-на, КАССР в 1884 г. Исполнитель неизвестен («старушка»). Опубликовано в сб. Н. Е. Ончукова «Северные сказки». СПб., 1909, № 126.

«**Жалостливая девушка**». Записана А. А. Шахматовым от Медведевой (имя и отчество остались неизвестными, с. Лижма, Кондопожского р-на, КАССР) в 1884 г. Опубликовано в сб. Н. Е. Ончукова «Северные сказки». СПб., 1909, № 104.

«**Про богатырей**». Записана Б. Е. и К. В. Чистовыми от М. Е. Болтушкиной (д. Рагнозеро, Пудожского р-на, КАССР) в 1940 г. Публикуется впервые.

«**Глупый мужик**». Записана И. В. Карнауховой от А. В. Исаковой (д. Шуньга-Бор, Заонежского р-на, КАССР) в 1926—1929 гг. Опубликовано

кована в сб. «Сказки и предания Северного края». Изд. Academia, М.—Л., 1934, № 10.

«Золотой мужичок». Записана И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон от П. Я. Никонова (д. Сухонаволоцкая, Беломорского р-на, КАССР) в 1939 г. Публикуется впервые.

«Заморский гусь». Записана А. Н. Нечаевым от М. М. Коргуева (с. Кереть, Лоухского р-на, КАССР) в 1937 г. Опубликовано впервые в сб. «Сказки Карельского Беломорья». Т. 1. Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск, 1939, № 47.

«Цыган, поп и мужик». Записана А. Н. Нечаевым от М. М. Коргуева (с. Кереть, Лоухского р-на, КАССР) в 1937 г. Опубликовано впервые в сб. «Сказки Карельского Беломорья». Т. 1. Сказки М. М. Коргуева, Петрозаводск, 1939, № 58.

«Барин и собака». Записана А. Н. Нечаевым от М. М. Коргуева (с. Кереть, Лоухского р-на, КАССР) в 1937 г. Опубликовано впервые в сб. «Сказки Карельского Беломорья». Т. 1. Сказки М. М. Коргуева, Петрозаводск, 1939, № 64.

«Про белого царя». Записана О. В. Большаковой от Е. В. Кокуновой (д. Колово, Пудожского р-на, КАССР) в 1938 г. Публикуется впервые.

«О Васье-Мусье». Записана К. В. Чистовым от Н. А. Ремезова (д. Алексеево, Авдеевского с/с, Пудожского р-на, КАССР) в 1939 г. Публикуется впервые.

«Сон вещей». Записана А. Н. Нечаевым от М. М. Коргуева (с. Кереть, Лоухского р-на, КАССР) в 1937 г. Впервые опубликована в сб. «Сказки Карельского Беломорья». Т. 1. Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск, 1939, № 15.

«Петр Первый и солдат». Записана Н. В. Новиковым от Ф. П. Господарева (г. Петрозаводск, КАССР) в 1937—1938 гг. Опубликовано в сб. «Сказки Ф. П. Господарева», Петрозаводск, 1941, № 53.

«Про Петра Первого». Записана Ф. С. Титковой от Д. М. Ефимова (д. Ранина Гора, Пудожского р-на, КАССР) в 1940 г. Публикуется впервые.

«Купец-самосчастливец». Записана О. В. Большаковой от Д. М. Ефимова (д. Ранина Гора, Пудожского р-на, КАССР) в 1940 г. Публикуется впервые.

«Про Кока-мастера». Записана К. В. Чистовым от И. Т. Фофанова (д. Климово, Авдеевского с/с, Пудожского р-на, КАССР) в 1939 г. Публикуется впервые.

«Небылица». Записана И. В. Карнауховой от Д. В. Белоусова (д. Падмозеро, Заонежского р-на, КАССР) в 1926—1929 гг. Опубликовано в сб. «Сказки и предания Северного края». Изд. Academia, М.—Л., 1934, № 62.

«Девушка в колодце». Записана И. В. Карнауховой от А. А. Слепой (д. Шуньга-Бор, Заонежского р-на, КАССР) в 1926—1929 гг. Опубликовано в сб. «Сказки и предания Северного края», Изд. Academia, М.—Л., 1934, № 5.

«Один золотил, другой вырезал». Записана Ю. М. Агулянским и Б. Е. Чистовой от А. С. Тихоновой (д. Новинка, Пудожского р-на, КАССР) в 1940 г. Публикуется впервые.

«Печоночка». Записана И. В. Карнауховой от В. П. Коренного (д. Космозеро, Заонежского р-на, КАССР) в 1926—1929 гг. Опубли-

кована в сб. «Сказки и предания Северного края». Изд. Academia, М. — Л., 1934, № 32.

«Как мужик и рабочий правду искали». Записана Н. В. Новиковым от Ф. П. Господарева (г. Петрозаводск, КАССР) в 1938 г. В основе варианта Ф. П. Господарева лежит белорусская сказка «Ленинская правда», опубликована в сб «Творчество народов СССР». Изд. «Правда», М., 1937, стр 12. Печатается по сб. «Сказки Ф. П. Господарева», Петрозаводск, 1941, № 27.

«Смерть Чапаева». Записана А. Н. Нечаевым от М. М. Коргуева (с. Кереть, Лоухского р-на, КАССР) в 1937 г. Впервые опубликована в сб. «Творчество народов СССР». Изд. «Правда», 1937, стр 256—261.

«Как Марья с Иваном сравнялась». Записана Н. В. Новиковым от Ф. П. Господарева (г. Петрозаводск, КАССР) в 1938 г. Опубликована впервые в газ. «Комсомолец Карелии» (26 июня 1938 г., № 87). Печатается по сб «Сказки Ф. П. Господарева», Петрозаводск, 1941, № 28.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Иван-дурак и перстенок — двенадцать ставешков .	15
Нужда да горе	22
Строй	26
Про попа	32
Про Нестера	36
Страх-богатырь	39
Про одного солдата	53
Охотник	56
Про Ериша Еришовича	59
Иван-княженецкий сын	62
Горюшко	71
Андрей-стрелец	74
Шут Гаврила	96
Наплот-молодец	101
Об Алеше Голопузом	107
О солдате и смерти	115
Старик и соковницы	124
Про Улиту да Микиту	126
Заколдованное царство	133
Барин и плотник	146
Что дальше слышно	148
Петух, кот, свинья, баран и бык	150
Купеческий сын и соловей	154
Жалостливая девушка	160
Про богатырей	162
Глупый мужик	168
Золотой мужичок	170
Заморский гусь	181

Цыган, поп и мужик	185
Барин и собака	187
Про белого царя	190
О Ваське-Муське	197
Сон веший	199
Петр Первый и солдат	215
Про Петра Первого	223
Купец-самосчастливец	225
Про Кока-мастера	231
Небылица	238
Девушка в колоде	240
Один золотил, другой вырезал	243
Печеночка	248
Как мужик и рабочий правду искали	250
Смерть Чапаева	254
Как Марья с Иваном сравнялась	259
.	
Сборники русских сказок Карелли	262
Примечания	263

ПЕРСТЕНЕК—ДВЕНАДЦАТЬ СТАВЕШКОВ
(Избранные русские сказки Карелии)

Редактор *К. Ф. Ведюкова*
Оформление художника *З. В. Львовича*
Художественный редактор
Л. Ф. Кузнецова
Технический редактор *Л. В. Шевченко*
Корректоры *О. И. Дрожак*
и *Г. А. Проводина*

*

Сдано в набор 4/VIII 1958 г.
Подписано к печати 14/X 1958 г. Е—02542.
Бумага 84×108^{1/2} — 8,5 печ. листа.
13,96 уч.-изд. листа. Госиздат № 152.
Тираж 75 000. Заказ № 1044.
Цена 6 руб. 60 коп.

Госиздат Карельской АССР
Петрозаводск, пл. 25 Октября, 1.

*

Книжная типография
Министерства культуры Карельской АССР
Сортавала, Карельская, 32.